
U.S.
U.S.
U.S.
U.S.
ОПАЛЬНЫЕ
ПОГОНЫ
СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ
18+

Анастасия Алёнушкина

Опальные погоны

«Автор»
2026

Алёнушкина А. А.

Опальные погоны / А. А. Алёнушкина — «Автор», 2026

В Московской убойный отдел Санкт-Петербурга переводят новенького сотрудника. Полковник распределяет его в отряд своего сына - Стаса Богданова. Стас такой инициативе не особо рад, но с отцом не спорит. Стас видит в новичке лишь помеху и обузу. В это время город захватывает волна преступлений. Стас вместе со своим отрядом отправляется на первое дело - ограбление ювелирного магазина. На месте оказывается с новым сотрудником не так то просто поладить. Со временем Стас понимает, что Максим для него больше, чем напарник.

© Алёнушкина А. А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Осколки на Московском 5
Огонь по своим 10
Линия излома 16
Точка кипения 22
Вне очереди 29
Взломщики чужих душ 35
Книги мёртвых и живых 42
Дин, Лось и яблочный пирог 49
Пепел и железо 57
Анатомия верности 64
Холодный дым и чужие руки 72
Искры под кожей 79
Охота на отражение 85
Черная патока 93
Призраки на холодном бетоне 101
Эхо чужих ударов 109
Снятые доспехи 116
Золотая наживка 122
Чужой бокал 130
Третий в зеркале заднего вида 138
Конец ознакомительного фрагмента. 146

Анастасия Алёнушкина
Опальные погоны

Осколки на Московском

Утро над Московским районом занималось неохотно, словно давилось собственным грязно-серым туманом. Низкое питерское небо висело прямо над монументальными сталинками, готовое в любую секунду разродиться то ли липким дождем, то ли первым мокрым снегом. В кабинете начальника убойного отдела пахло дешевым растворимым кофе, остывшим табачным дымом с улицы и въевшейся в казенные стены многолетней бумажной пылью.Майор Стас Богданов стоял у окна, скрестив руки на широкой груди. Его светло-русые кудри, как обычно, пребывали в живописном беспорядке — расческу Стас признавал лишь по особым праздникам, считая, что аккуратная прическа у опера убойного выглядит подозрительно. В стекле отражались его цепкие, холодные голубые глаза и упрямая линия челюсти. Настроение с самого рассвета не задалось: город лихорадило уже вторую неделю. Словно кто-то сорвал резьбу на криминальном кране — серия дерзких налетов, пара глухих трупов в промзонах, а теперь еще и это.За массивным полированным столом сидел полковник Владимир Александрович Богданов. Сходство отца и сына бросалось в глаза любому, кто видел их рядом, хотя Стас пошел ростом и косой саженью в плечах скорее в деда-моряка. Полковник был грузен, широк в кости, с седыми жесткими висками и тяжелым взглядом человека, который видел в этой жизни слишком много дерьма, чтобы удивляться хоть чему-то.– Не дергайся, Станислав, – глухо произнес отец, не отрывая взгляда от раскрытой папки с личным делом. – Решение принято. Он идет в твою группу. Под твою личную ответственность.– Бать… то есть, товарищ полковник, – Стас резко развернулся на пятках, скрипнув подошвами начищенных ботинок. – У нас завал. Нас трое суток на куски рвут, мы спим на столах в дежурке. Мне нужен опытный волк, который знает район как свою ладонь, а не сопливый переводник из Центрального с волчьим билетом! Ты сам его дело читал?– Читал, – спокойно парировал полковник, захлопнув папку. На обложке значилось: «Алёнушкин М. С.». – В отличие от тебя, я его не просто читал, а изучил от корки до корки. Парень с головой. Стреляет отлично, академию окончил с отличием.– А из Центрального его поперли за что? За выдающиеся успехи в хоровом пении? – съязвил Стас, и на его губах мелькнула дерзкая, злая усмешка. – Неподчинение старшему по званию. Хамство. Срыв спецоперации из-за собственной инициативы. Папа, у меня Шапочкин на грани срыва, Охман зубами скрипит, а ты мне сажаешь на шею бомбу с часовым механизмом! Мне детский сад нянчить некогда. Он же обуза. Полезет под пули или начнет свои права качать — я его сам в Фонтанке утоплю.– Не утопишь, – отрезал Богданов-старший, и в его голосе зазвенела сталь, заставившая майора невольно прикусить язык. – Потому что он сотрудник твоего отдела. И потому что Сергей Николаевич Антонов лично за него поручился. Ты помнишь дядю Сережу?Стас поморщился, словно от зубной боли. Бывшего сослуживца отца он, конечно, помнил. Крепкий, невысокий мужик с вечно уставшими глазами, ушедший на пенсию после тяжелого ранения.– Помню. И что? Это теперь семейный пансионат для трудных подростков?– Это долг, Стас. Старый долг, о котором тебе знать не обязательно, – полковник поднялся из-за стола, оперевшись кулаками о столешницу. – У них с Максимом отношения… сложные. Парень с характером, да. Упертый, ершистый. Но честный. Серега боится, что в Центральном его просто сгноили бы или подставили под статью. А здесь — ты. Ты мой лучший опер. Вот и покажи, чего стоит твой аналитический ум и хваленая хватка. Сделай из него напарника. Свободен.Стас шумно выдохнул сквозь зубы, сжал челюсти так, что вздулись желваки, но спорить дальше было бесполезно. Субординацию в кабинете отца он соблюдал жестко

— по крайней мере, внешне. Коротко кивнув, майор крутнулся на каблуках и толкнул тяжелую дубовую дверь.В приемной на диванчике из потрескавшегося дерматина сидел виновник утренней бури.Стас окинул его мгновенным, сканирующим взглядом профессионала. Максим Алёнушкин выглядел совсем не так, как представлял себе Богданов. Невысокий, плотно сбитый, с легкой полнотой в плечах и груди, которая не казалась рыхлой — скорее походила на силу тяжелоатлета, бросившего активные помосты. Темные волосы были острижены под жесткий, торчащий короткий ежик. Лицо круглое, открытое, с мягкими чертами, но взгляд голубых глаз оказался на удивление прямым, спокойным и совершенно не просящим снисхождения. Ни тени робости или испуга перед грозным майором.Максим поднялся, одернув куртку.– Младший лейтенант Алёнушкин. Направлен в ваше распоряжение, товарищ майор.– Слышал уже, – сухо бросил Стас, оглядывая его с легким пренебрежением с высоты своего немалого роста. – Вещи бросай во второй кабинет по коридору направо. Куришь?– Нет. Не переношу, – спокойно ответил Максим.Это было единственным плюсом за все утро, но Стас и бровью не повел.– Хоть что-то путное. Слушай сюда, Алёнушкин. Мне плевать, чьим приемным сыном ты являешься и какие подвиги совершал в Центральном. Здесь у нас убойный отдел Московского района. Тут не кино про доблестных ментов, тут трупы воняют, а бандиты стреляют без предупреждения. Правило одно: сидишь тихо, дышишь через раз, учишь матчасть и делаешь только то, что я скажу. Шаг влево, попытка проявить свою легендарную дерзость — и полетишь отсюда прямиком во вневедомственную охрану сторожить склад покрышек. Усек? Голубые глаза Максима весело блеснули, словно слова майора его ни капли не задели, а скорее позабавили. Он слегка наклонил голову набок.– Усек, товарищ майор. Только на складе покрышек скучно, там мистики никакой. А я детективы люблю. Живые.Стас поперхнулся воздухом от такой наглости. Он ждал виноватого бормотания или насупленного молчания, но никак не этой спокойной, почти ироничной улыбки.– Шутник, значит? – процедил Богданов, сузив глаза. – Посмотрим, как ты запоешь через пару часов. Пошли. Познакомлю с остальной стаей.Кабинет оперов напоминал штаб осажденной крепости. Столы были завалены папками, пустыми картонными стаканчиками из-под кофе и окурками — несмотря на строжайший запрет Стаса курить в помещении, этот запрет периодически нарушался в его отсутствие.У окна, крутя в пальцах раскладной нож, стоял старшина Влад Шапочкин — жилистый, невысокий парень со злым, вечно напряженным лицом дворового бойца. За соседним столом, лениво раскинувшись на стуле, листал журнал Сергей Охман. Бывший армейский приятель Стаса с годами превратился в обрюзгшего, скользкого типа с масляным взглядом и редкими залысинами, от которого за версту несло дешевым парфюмом и застарелым раздражением на весь белый свет.– Знакомьтесь, орлы, – бросил Стас, заходя в кабинет и вешая кожаную куртку на спинку своего кресла. – Наше пополнение. Максим Алёнушкин. Из Центрального.Шапочкин с сухим щелчком захлопнул лезвие ножа, смерил Максима презрительным взглядом снизу вверх и сплюнул прямо в мусорное ведро.– Из Центрального? Это те, которые на Невском карманников ловят в белых перчатках? Ну зашибись подкрепление. У нас тут кровь по колено, а нам мажора прислали. Ты хоть пистолет чистить умеешь, колобок?Максим даже не моргнул. Он спокойно прошел к свободному столу у стены, положил на него потертую кожаную сумку и повернулся к Шапочкину с абсолютно добродушной, обезоруживающей физиономией.– Умею, старшина. И чистить, и попадать. А «колобок» от бабушки ушел, от дедушки ушел, и от тебя, если хамить будешь, уйдет. Только сначала тебе нос поправит. Чисто в целях служебного взаимодействия.В кабинете повисла гулкая, опасная тишина. Охман тихо присвистнул, выпрямляясь на стуле и гаденько ухмыляясь:– Опаньки. Зубастый карапуз. Стас, ты где эту прелесть откопал? В детском мире на полке с заводными танками?– Заткнулись оба, – рявкнул Стас, и его голос, низкий и раскатистый, мгновенно привел подчиненных в чувство. – Шапочкин, нож убрал. Охман, пасть завали и сводки за ночь докладывай. А ты, новенький, рот открывай, только когда я спрошу. Здесь я решаю, кому и что поправлять.Максим пожал плечами и сел за

стол, словно инцидент был исчерпан. Стас поморщился: этот парень не выглядел испуганным, он выглядел… терпеливым. И это бесило майора сильнее всего. В нем чувствовалась внутренняя пружина, готовая распрямиться в любой момент.Не успел Охман раскрыть рот, чтобы зачитать сводку, как на столе Стаса взревел городской телефон. Богданов сорвал трубку.– Богданов слушает. Да. Что?! Когда? Твою мать… Принял. Выезжаем.Стас бросил трубку на рычаг и одним слитным, хищным движением схватил куртку. В его глазах мгновенно загорелся тот самый азартный, безжалостный огонь, за который его ценило начальство и ненавидели бандиты.– Подъем, отдел! Пять минут назад — налет на ювелирный салон «Аметист» на Московском проспекте. Сработала тревожная кнопка, но поздно. Есть двухсотые. Взяли кассу и драгоценности. Работала группа, минимум трое, в масках и с автоматическим оружием.– Наконец-то движуха, – осклабился Шапочкин, хлопая себя по кобуре под мышкой.– Алёнушкин, – Стас на секунду задержал взгляд на новичке. – Хвостом за мной. Руки в карманах держишь, к вещдокам не прикасаешься. Понял?– Так точно, командир, – спокойно отозвался Максим, застегивая куртку.Через три минуты черный «Форд Фокус» Стаса, надрывая двигатель и взвывая сиреной на крыше, уже летел по серому Московскому проспекту, разгоняя зазевавшихся автомобилистов в промозглую морось осеннего утра. Следом за ними в казенном «УАЗике» тряслись Охман и Шапочкин.В салоне «Форда» пахло хорошим кожаным салоном и свежестью. Из колонок негромко, но отчетливо хрипел «Пикник» — Стас обожал качественный русский рок, находя в его тягучей мистике странное успокоение перед кровавой работой.Максим сидел на пассажирском сиденье, глядя в боковое окно. Вдруг он тихо, в такт музыке, подпел низким, удивительно поставленным и бархатным баритоном:– «Лишь бы только стерпеть, лишь бы не умереть…»Стас покосился на него, приподняв бровь.– Музыкант, что ли?– Было дело, – не стал отпираться Максим. – Пел в группе. Давно, еще до академии. Тоже рок играли. Тяжелый.– Меньше пой, больше по сторонам смотри, – оборвал его Стас, хотя внутри что-то невольно дрогнуло: хороший голос, черт возьми, и вкус нормальный. Но майор тут же загнал эту мысль подальше. – Сейчас приедем — там месиво будет. Труп увидишь — в обморок не падать.– Не упаду, – ровно отозвался Алёнушкин. – Насмотрелся уже. В Центральном тоже не ромашки нюхают.Ювелирный салон «Аметист» располагался в бельэтаже старого доходного дома. Вокруг уже было натянуто полосатое ограждение, мигали синие проблесковые маячки патрульных машин, толпились зеваки с зонтами, которых лениво отгоняли сержанты ППС.Стас выскочил из машины, показал удостоверение на входе и взлетел по гранитным ступеням. Максим, Шапочкин и Охман следовали за ним.Внутри салона царил разгром, пахнущий пороховой гарью, сгоревшей проводкой и железистым, тошнотворным запахом свежей крови. Стеклянные витрины были разнесены в крошево — осколки хрустели под ногами, как сухой лед. Пол был усыпан бархатными планшетками, с которых смели самые дорогие золотые изделия с бриллиантами и изумрудами. Дешевое серебро грабители брезгливо оставили нетронутым.Посреди зала, неестественно подогнув под себя ноги, лежал пожилой охранник в синей униформе. Его лицо было залито кровью, на груди зияли три рваные пулевые пробоины. Чуть дальше, за прилавком, лежала молодая женщина — судя по бейджику, старший продавец. Она была мертва, пуля вошла точно в висок.– Эксперты уже работают? – крикнул Стас подошедшему криминалисту, пожилому майору с чемоданчиком.– Только начали, Станислав Владимирович, – отозвался тот, поправляя резиновые перчатки. – Работали профи. Зашли, положили охранника сразу, он даже кобуру расстегнуть не успел. Очередь из «Кедра» или «Каштана», гильзы девять на восемнадцать. Девушку убрали как свидетеля, она успела нажать кнопку под прилавком. На все про все у них ушло ровно две минуты тридцать секунд.– Камеры? – коротко бросил Стас.– Серверную в подсобке расстреляли в упор, жесткие диски залили какой-то кислотой, там каша, – вклинился подошедший участковый.– Чисто сработали, суки, – сплюнул Шапочкин, заглядывая за разбитую витрину. – Наводка стопроцентная. Знали, где самое дорогое лежит, и знали график инкассации. Вчера вечером крупная партия пришла. Надо трясти пер-

сонал и охрану.– Охман, – скомандовал Стас. – Опрашивай жильцов сверху. Кто что слышал, видел, какие машины отъезжали. Влад — бери записи с уличных камер соседних магазинов и банков. Живо!– Сделаем, майор, – Охман развернулся к выходу, бросив ехидный взгляд на замершего у стены Максима. – А наш юный гений сыска пусть пока гильзы посчитает, может, до десяти осилит.Максим пропустил колкость мимо ушей. Он медленно шел вдоль разбитых витрин, внимательно глядя под ноги. Его взгляд скользил по стеклу, следам на полу, стенам. Он казался абсолютно спокойным, отрешенным от суеты, но внутри этого невысокого парня шла бешеная аналитическая работа.Стас наблюдал за ним с легким раздражением.– Алёнушкин, я же сказал — ничего не трогать. Стой у дверей, не мешай экспертам.– Я не трогаю, товарищ майор, – не оборачиваясь, отозвался Максим. Он присел на корточки возле тела охранника, наклонив голову к полу. – Интересно получается…– Что тебе там интересно? – Стас подошел ближе, хмуря брови. – Охранника срезали от входа. Грабители зашли с улицы, открыли огонь. Классический разбой.– Не сходится, – Максим поднял на Стаса свои ясные голубые глаза, в которых не было и следа былой насмешливости — только холодная, предельная концентрация. – Посмотрите на угол входа пуль в тело охранника. Пули вошли сверху вниз и под углом около сорока градусов. Если бы стреляли от дверей, траектория была бы прямой. Он стоял лицом к служебному входу, а не к главному.– Ты эксперта из себя не строй, – огрызнулся подошедший Шапочкин, который еще не успел уйти. – Охранник мог споткнуться, упасть, повернуться!– Не мог, – твердо возразил Максим, поднимаясь на ноги. Он указал пальцем в резиновой перчатке на темное пятно на полу. – Первые капли крови упали вот здесь. Он стоял на месте, когда в него выстрелили. И стреляли не из девятимиллиметрового пистолета-пулемета. Посмотрите на выходные отверстия на спине. Там калибр больше. Семь шестьдесят два. А гильзы от «Кедра», которые валяются у порога, — это спектакль. Их просто рассыпали из кармана, чтобы пустить следствие по ложному следу.Криминалист, копавшийся у тела, замер, поднял голову, присмотрелся к ранам, затем к полу и удивленно присвистнул:– А ведь парень дело говорит, Стас. Калибр-то действительно не девятый. Ткани разорваны сильнее. Я без вскрытия не хотел утверждать, но… похоже на ТТ или автоматный укорот.Стас почувствовал, как внутри закипает сложный коктейль из профессионального азарта и уязвленного самолюбия. Он сам должен был это заметить, но поторопился, доверившись первоначальной картине. А этот сопляк, которого он записал в балласт, разложил все за две минуты.– Допустим, – процедил Стас, скрестив руки на груди. – И откуда тогда стреляли, гений?Максим повернулся и указал на пожарный выход в глубине зала, который вел во внутренний двор-колодец. Дверь была слегка приоткрыта.– Оттуда. Они не входили через парадный вход. С парадного вошел только один — отвлечь внимание, возможно, постучал, когда магазин еще был закрыт. Девушка открыла, потому что знала его в лицо. А двое других уже ждали у пожарного выхода. Замок там не взломан, его открыли ключом изнутри.– Сказки венского леса! – рявкнул Шапочкин, багровея. – Слышь, ты, умник! Ты тут первый день без году неделя, а уже учишь нас, как работать? Стас, ты его всерьез слушаешь? Да он просто выпендривается, чтобы папочке потом настучать, какие мы тут все дураки!– Заткнись, Влад, – холодно оборвал его Стас. Майор подошел к пожарному выходу. Опустился на колено. На пыльном линолеуме возле порога действительно виднелся смазанный, но отчетливый отпечаток армейского берца сорок третьего размера с характерным глубоким протектором «елочка». Рядом валялась крошечная пластиковая пломба от магнитной системы двери. Ее срезали заранее.Стас поднялся. Его лицо окаменело. Аналитический ум майора мгновенно перестроил картину преступления. Алёнушкин был прав. Чертовски, стопроцентно прав. Это не был спонтанный налет отморозков. Это была спланированная, хладнокровная ликвидация с внутренним соучастником.– Шапочкин, – тихо, но убийственно спокойно произнес Стас. – Подними задницу и дуй во двор. Ищи следы протектора шин у мусорных баков. Если они уходили через пожарный, машина стояла там. И не дай бог ты пропустишь хоть одну зацепку — лично сержантом сделаю.Влад злобно зыркнул на Максима, сжал кулаки, но под-

чинился:– Есть.Когда Шапочкин выскочил на улицу, Стас повернулся к Максиму. Тот стоял, опустив руки в карманы куртки, и с искренним интересом рассматривал лепнину на потолке старинного здания, будто не он только что перевернул ход расследования с ног на голову.– Ты откуда про калибр и угол сообразил? – спросил Стас прямо. – В академии такому не учат.– Я три года в тире ДОСААФ инструктором подрабатывал, пока учился, – спокойно ответил Максим, переводя взгляд на майора. – Баллистику люблю. Она точная, в отличие от людей. Пуля не врет.– Значит, баллистику любишь, – Стас подошел вплотную. Разница в росте была почти в голову, но Алёнушкин даже подбородка не вскинул — смотрел снизу вверх уверенно и прямо. – А субординацию, видимо, не очень?– А что с субординацией, товарищ майор? – Максим чуть приподнял брови. – Я увидел несостыковку — доложил старшему группы. Или мне нужно было дождаться, пока Шапочкин полгорода пересажает по ложному следу, чтобы ваше самолюбие не поцарапать?– Ты со мной этим тоном не разговаривай, Алёнушкин! – голос Стаса упал до опасного шепота. В голубых глазах майора полыхнула ярость. – Здесь не кружок юных сыщиков. Если ты думаешь, что один раз угадал траекторию и стал королем отдела — ты глубоко ошибаешься. Ты полез вперед эксперта и старшего оперуполномоченного. Ты развел бардак на месте преступления.– Я не угадал, я рассчитал, – с нажимом, спокойно, но с невероятной силой ответил Максим. Его добродушное лицо вдруг стало жестким, словно высеченным из гранита. – И я не позволю списывать убийство двух людей на глухарь только потому, что кому-то лень включить мозги и хочется быстрее закрыть протокол. Если вам нужен мальчик на побегушках, который будет поддакивать каждой вашей ошибке — отправьте меня обратно в Центральный прямо сейчас. Пишите рапорт. А если вам нужны те, кто нажал на спуск — не мешайте мне работать.Они стояли посреди разгромленного ювелирного зала, среди битого стекла, запаха пороха и смерти, глядя глаза в глаза. Два абсолютно разных человека: взрывной, харизматичный, привыкший единолично доминировать Стас и внешне мягкий, но несокрушимо упрямый, коренастый Максим. Ни один из них не отвел взгляда. Напряжение между ними можно было резать ножом.Из глубины коридора послышался голос вернувшегося Охмана:– Стас! Там свидетели во дворе говорят, минут двадцать назад от пожарки отъехала черная «Газель» без номеров! В сторону Варшавской ушла!Стас медленно выдохнул, не разрывая зрительного контакта с Максимом. Внутри майора клокотала злость — наглый новичок посмел бросить ему вызов прямо на первом деле. Но вместе с этой злостью родилось и другое чувство, глубокое и профессиональное — азарт. Он понял, что отец был прав: этот парень не был обузой. Он был тяжелым, упрямым, крайне опасным инструментом. И чтобы работать с ним, придется поломать немало копий.– Значит так, умник, – тихо, с недоброй ухмылкой произнес Стас. – «Газель», говоришь? В машину. Покажешь, как ты умеешь стрелять не только языком. И не дай бог ты соврал насчет ДОСААФ.– Не соврал, – Максим впервые за все время улыбнулся — открыто, дерзко и почти весело. – Только давайте музыку включим. Под хороший рок думается лучше.Стас фыркнул, круто развернулся и зашагал к выходу, бросив через плечо:– «Алиса» устроит?– Сойдет, – догнав его тяжелым, но быстрым шагом, бросил Максим. – Только погромче сделайте. Кажется, нас ждет долгий день.Они выбежали под моросящий питерский дождь. Впереди была погоня, перехват, кровь и грязь большого города, но первый раунд этой необъявленной войны за лидерство закончился ничьей. И Стас Богданов впервые за долгое время почувствовал, что этот день скучным точно не будет.

Огонь по своим

Двухлитровый двигатель «Форда» взревел, срывая колеса в кратковременный юз на влажной брусчатке перед выездом на Московский проспект. Стас крутанул руль, впечатывая машину в поток. Дворники с монотонным скрипом сгребали липкую питерскую морось, но видимость оставалась паршивой — город словно намеренно прятал налетчиков в своих серых лабиринтах. Из динамиков надрывался Кинчев: раскатистый бас и тяжелые гитарные риффы «Алисы» заполняли салон, смешиваясь с треском милицейской рации на приборной панели. Стас вел агрессивно, по-хулигански, протискиваясь в миллиметровые зазоры между маршрутками и тяжелыми фурами. Адреналин, привычный и колючий, уже жег кровь, вытесняя утреннюю усталость. – Сверни звук, – бросил майор, не отрывая взгляда от дороги. Максим, не суетясь, протянул руку и чуть убавил громкость магнитолы, оставив плотный гитарный гул фоном. Он сидел собранно, опершись ладонями о колени, и внимательно вглядывался в мелькающие за окном перекрестки. Ни тени страха, ни судорожных попыток вцепиться в дверную ручку — только ровное, глубокое дыхание. – «Первый», я «Третий», – захрипела рация мерзким голосом Охмана сквозь помехи. – Мы на Кузнецовской отстаем! Светофор длинный поймали, мать его! Вы где? Стас сорвал тангенту с крючка: – Меньше жрать надо на дежурстве, Охман, тогда и «УАЗик» быстрее поедет! Уходите параллельным курсом по Бассейной, отсекайте выезд на Витебский. «Газель» не пойдет на кольцевую, там камеры на каждом столбе. Они в промзону сунутся, к товарным путям. Конец связи. Богданов бросил тангенту и мельком глянул на пассажира. – Ты дорогу на промзону в Купчино знаешь? – С закрытыми глазами, – отозвался Алёнушкин, чуть усмехнувшись уголком рта. – Я там вырос. Между гаражами и железнодорожной насыпью на Витебском каждый закоулок излазил. Если они свернут за воздухоплавательный парк, там тупик перед забором депо. Оттуда только пешком через пути. – Вот и проверим твое купчинское краеведение, – процедил Стас, уходя в крутой вираж на улицу Типанова. Стрелка спидометра перевалила за сотню. Черная «Газель» с глухими задними дверями и замазанными грязью номерами вынырнула из пелены дождя неожиданно — всего через два квартала, на длинном пустом отрезке перед железнодорожным переездом. Фургон мотало из стороны в сторону: водитель гнал на пределе возможностей старой машины, явно нервничая. – Засекли, суки! – выдохнул Стас, прибавляя газ. «Фокус» рванул вперед, сокращая дистанцию. – Держись, Алёнушкин! Задняя дверь «Газели» внезапно распахнулась на полметра. В образовавшейся щели блеснул вороненый металл ствола. – В пол! – рявкнул Стас, резко дергая руль вправо. Очередь вспорола воздух. Глухие, хлесткие удары пуль пришлись по капоту «Форда», одна из них с визгом рикошетила от стойки лобового стекла, оставив глубокую белесую борозду на триплексе. Осколки брызнули в стороны. Стас инстинктивно вжал голову в плечи, но педаль газа не отпустил. Максим даже не пригнулся — лишь подался вперед, оценивая сектор обстрела, и его лицо в этот момент утратило всякую мягкость. Оно стало хищным, сосредоточенным. – Автомат калибра семь шестьдесят два, как я и говорил, – совершенно спокойно, будто на стрельбище, констатировал младший лейтенант. – Магазин у него почти пустой, строчит короткими, экономит. – Заткнись и не каркай! – огрызнулся Стас. Впереди показался резкий поворот к полузаброшенным складам и товарной станции. Водитель «Газели» не справился с управлением на мокром асфальте: тяжелый фургон занесло, развернуло поперек дороги и со страшным скрежетом впечатало боком в бетонные блоки старого забора. Поднялось облако пара из пробитого радиатора. «Форд» затормозил в десяти метрах, взвизгнув покрышками. – На выход! Оружие к бою! – скомандовал Стас, распахивая дверь и выхватывая табельный ПМ. Но налетчики не собирались сдаваться. Из разбитой кабины и задней двери вывалились трое мужчин в темных куртках и черных вязаных балаклавах. Один из них, прихрамывая, сжимал в руках объемистую спортивную сумку, набитую ювелиркой.

Второй вскинул автомат, но затвор щелкнул впустую — патроны кончились. Выругавшись, бандит швырнул бесполезное оружие в грязь, и все трое бросились врассыпную в лабиринт ржавых железнодорожных цистерн, штабелей железобетонных шпал и полуразрушенных кирпичных построек. В этот момент со стороны перекрестка с ревом подлетел патрульный «УАЗ». Из него кубарем выскочили Шапочкин и Охман. Шапочкин был бел как полотно от бешенства, в руке плясал снятый с предохранителя пистолет. – Уходят, твари! – заорал Влад, срываясь на фальцет. – Шапочкин, Охман — за крайним левым! – на бегу приказал Стас, оценивая диспозицию. – Я беру того, что с сумкой! Алёнушкин, за мной, не отставать! Но события начали развиваться с неумолимой скоростью боевика. Тот налетчик, что нес сумку, петлял как заяц, уходя в узкий проход между высоким двухметровым забором из профнастила и глухой стеной трансформаторной будки. Стас рванул наперерез через рельсы, надеясь перехватить его с противоположной стороны промзоны. Шапочкин, ослепленный жаждой выслужиться и злобой, плюнул на приказ майора и кинулся следом за носителем сумки — там была добыча, там была слава. Охман, тяжело дыша и путаясь в полах длинной форменной куртки, с матом потащился следом за напарником. Максим оценил обстановку за долю секунды. Он видел, что Стас не успевает перекрыть выход: на путях стоял маневровый состав, преграждая путь. А Шапочкин с его прямолинейной яростью бежал слишком предсказуемо и медленно. – Стоять, сука! Стрелять буду! – орал Шапочкин, спотыкаясь о щебень и размахивая оружием. Бандит впереди перемахнул через низкую кучу битого кирпича и свернул за угол гаражей. Перед преследователями выросла глухая преграда — старая кирпичная стена метра под три высотой, увенчанная ржавой колючей проволокой. Преступник успел юркнуть в узкую брешь внизу, где когда-то шла теплотрасса, но пролезть туда взрослый мужик мог только ползком и в одиночку. Шапочкин подбежал к стене, выругался, пнул кирпичи ногой. – Ушел, падла! Застрял я тут! Охман, подсади! – Да пошел ты, Шапка, я те что, домкрат?! – хрипел подбежавший старшина, держась за бок. И тут мимо них бесшумной, сбитой тенью пронесся Максим. На первый взгляд, при его плотном телосложении и некоторой внешней тяжести, трудно было ожидать грации. Но Алёнушкин двигался так, будто законы гравитации на него не действовали. Не сбавляя хода, он на полной скорости оттолкнулся ногой от ржавого мусорного контейнера, взмыл в воздух, второй ногой врезался в скол кирпичной кладки на высоте полутора метров, использовав его как ступеньку, и мощным рывком широких плеч выбросил тело вверх. Руки в плотных перчатках намертво вцепились в верхний край стены, аккуратно обогнув виток колючки. Секунда — и Максим, сгруппировавшись, перевалил через забор и мягко, спружинив на полусогнутых ногах, приземлился по ту сторону, в сырую траву и битое стекло. – Ах ты щенок… – прошипел Шапочкин, задохнувшись от унижения. Новичок, этот круглый купчинский выскочка, над которым они только что потешались в отделе, обошел его играючи. Сделал как пацана на глазах у Охмана. С той стороны стены раздались звуки яростной борьбы. Налетчик не ожидал, что погоня свалится на него буквально с неба. Максим настиг его в два прыжка, когда тот пытался протиснуться в калитку заброшенного автосервиса. Младший лейтенант врезался в бандита всей массой своего сбитого, тренированного тела, сбив его с ног прямо в раскисшую глину. Спортивная сумка отлетела в сторону, из расстегнувшейся молнии брызнули золотые цепочки и бархатные футляры. Преступник оказался жилистым и отчаянным. Перекатившись на спину, он полоснул Максима по лицу тяжелым армейским ботинком, но Алёнушкин уклонился, перехватив ногу на изломе. Бандит зарычал, выхватывая из-под куртки тяжелую заточку — длинный трехгранный напильник с обмотанной изолентой рукоятью. – Сдохни, мусор! – прохрипел он сквозь прорезь маски, целясь Максиму прямо в горло. Максим жестко блокировал удар предплечьем, перехватил запястье нападающего, закручивая его внутрь на болевой, и нанес короткий, сокрушительный удар основанием ладони снизу вверх, точно в нос налетчика. Раздался сухой хруст. Бандит взвыл, выпустил заточку, и Максим, мгновенно оседлав его сверху, прижал тяжелым коленом к земле, заламывая вторую руку за спину: – Лежать, тварь! Поли-

ция! Руки за голову! В этот момент из бреши под стеной, весь перепачканный в саже и глине, наконец вылез Шапочкин. За ним тяжело пыхтел застрявший задницей Охман. Влад поднялся на ноги. Его глаза горели безумным, мутным огнем. Он увидел картину: новенький сидит верхом на главном трофее всего Московского района, сумка с драгоценностями лежит у его ног, бандит обезврежен в одиночку. Завтра весь главк будет говорить об Алёнушкине. Полковник Богданов выпишет пацану премию, Стас сделает его своей правой рукой, а он, Шапочкин, останется посмешищем, тупым старшиной, который застрял под забором. Зависть и уязвленная гордыня, копившиеся годами, сорвали предохранитель в больной голове Влада. – Оружие брось! – заорал Шапочкин, вскидывая пистолет. – Влад, ты чего, он уже пустой! – крикнул Максим, оборачиваясь через плечо и удерживая стонущего грабителя. Палец Шапочкина на спусковом крючке дрогнул. Не было никакого холодного расчета — была лишь слепая, яростная вспышка желания уничтожить, стереть эту снисходительную уверенность с круглого лица новичка. – Я сказал — не дергайся! Грохнул выстрел. Звук девятимиллиметрового выстрела в замкнутом пространстве между стеной и гаражами прозвучал оглушительно, как удар молота по наковальне. Пуля калибра 9х18 вошла Максиму точно в левое плечо сзади, пробив плотную ткань куртки, разорвав дельтовидную мышцу и выйдя навылет через ключицу. Максима словно ударили сзади раскаленным ломом. Тело обожгло невыносимой болью, воздух вышибло из легких. Он глухо вскрикнул, но хватки не ослабил — лишь покачнулся, опустив голову, и зубы его сжались с такой силой, что хрустнула эмаль. Сквозь пальцы прижатой к груди руки мгновенно хлынула темная, горячая кровь, закапав серую куртку лежащего под ним налетчика. Из дыры в заборе наконец вывалился Охман. Увидев дымящийся ствол в руке Шапочкина и кровь, он замер, побледнев до синевы: – Влад… ты… ты че сотворил, дебил конченый?! Ты ж его завалил! Шапочкин сам испугался содеянного. Рука с пистолетом задрожала, он опустил оружие, ошалело глядя на Максима. – Он… он сам… Бандит дернулся, я на опережение сработал… – забормотал Влад, судорожно озираясь. – Охман, молчи. Слышишь? Скажем, налетчик выстрелил. У него второй ствол был. Слышишь, Охман?! Охман судорожно сглотнул, вжимая голову в плечи. А Максим медленно поднял голову. Лицо его было белым как мел, губы дрожали от болевого шока, но голубые глаза смотрели прямо на Шапочкина. В этом взгляде не было страха. В нем была такая убийственная, бездонная глубина презрения, что старшина невольно отступил на шаг назад. Тяжелые шаги за углом заставили всех вздрогнуть. – Стоять всем! Из-за гаражей, перепрыгивая через кучу мусора, вылетел Стас. Его светло-русые кудри промокли и прилипли ко лбу, в глазах пылал дикий азарт погони. Он держал свой ПМ двумя руками, мгновенно сканируя пространство. Картина, открывшаяся майору, заставила его застыть на месте: На земле ничком лежал обездвиженный налетчик с разбитым лицом. Сверху на нем, тяжело навалившись всем корпусом и удерживая бандита единственной рабочей рукой, сидел Максим Алёнушкин. Вся левая сторона его куртки набухла от крови, которая струилась по рукаву и капала на землю. Рядом, оцепенев, стояли бледный как поганка Шапочкин и трясущийся Охман. – Твою мать… – выдохнул Стас, убирая ствол в кобуру и в два прыжка оказываясь рядом с Максимом. – Алёнушкин! Богданов упал на колени прямо в грязь, подхватывая оседающего Максима под здоровую руку. Он быстро оценил ранение: входное отверстие сзади, выходное спереди, хлещет сильно, но артерия, кажется, не задета — цвет крови темный, венозный. – Охман, аптечку из «УАЗика» пулей! Жгут, бинты, живо! Скорую вызывай по рации, код один! – рявкнул Стас с такой силой, что Охман подпрыгнул и рванул обратно к бреши в заборе, чуть не снеся кирпичи плечами. Стас сорвал с себя шарф, с силой прижал его к ране Максима, тампонируя кровотечение. Алёнушкин зашипел сквозь зубы, его тело мелко затрясло от озноба, но сознание он не терял. – Держись, парень, держись… – голос Стаса впервые за день звучал без тени сарказма или высокомерия. В нем звенела настоящая, командирская тревога. Майор повернул голову к Шапочкину, который стоял столбом, пряча пистолет в кобуру. – Шапочкин, наручники на этого урода! Сумку проверь! Какого хера здесь произошло?! Кто

стрелял?! Шапочкин открыл рот, но звука не издал — язык присох к гортани. Стас перевел тяжелый, буравящий взгляд на Максима: – Алёнушкин. Кто тебя зацепил? Где второй ствол? Максим тяжело сглотнул ком в горле. Его взгляд скользнул по бескровному, трясущемуся лицу Шапочкина. Старшина смотрел на новичка с животным ужасом, понимая, что одно слово Алёнушкина — и его карьера, погоны и свобода полетят в выгребную яму прямо сейчас. Это был бы трибунал. Статья за покушение на убийство сослуживца при исполнении. Максим помолчал две бесконечные секунды. В его памяти всплыло жесткое, покрытое шрамами лицо приемного отца — Сергея Николаевича Антонова. Тот всегда вбивал в него ремнем и кулаками одно волчье правило: «Свои разборки наружу не выносят. Если тебя ударили в спину — стисни зубы, выживи, а счет предъяви сам. Жаловаться — удел слабаков». Максим медленно перевел взгляд на Богданова и криво, бледно усмехнулся: – Налетчик… товарищ майор. – Что? – нахмурился Стас, сильнее прижимая шарф к его плечу. – У него… «Оса» была в кармане куртки или мелкий ствол… – глухо, с перерывами на вдох, соврал Максим. – Когда я его сбил… он из-под себя пальнул вслепую. А потом выронил. В траву куда-то отлетела… Ищите в траве. Шапочкин судорожно и шумно выдохнул, едва не осев на землю от нахлынувшего облегчения. Стас замер. Его острый, аналитический ум моментально зацепился за несостыковку. Если налетчик лежал лицом вниз, а Максим сидел на нем сверху — как пуля могла войти в плечо сзади под нисходящим углом? Но сейчас было не до баллистических экспертиз. Человек у него на руках истекал кровью, пульс под пальцами становился все более частым и нитевидным. – Молчи, не трать силы, – отрезал Стас. – Охман! Где эта гребаная аптечка?! *** Коридор травматологического отделения Городской больницы 26 на улице Костюшко пах хлоркой, застарелой болью и дешевым табаком, который тянуло со служебной лестницы. Люминесцентные лампы под высоким потолком гудели противно и тоскливо, мигая мертвенно-белым светом. Стас Богданов сидел на жестком пластиковом стуле, вытянув длинные ноги. Его куртка была брошена рядом — рукава форменной рубашки он закатал до локтей, но на предплечьях и манжетах все равно темнели засохшие бурые пятна чужой крови. Майор не находил себе места. Он то поднимался, меряя шагами узкий коридор, то снова садился, с силой растирая ладонями лицо. В углу, на продавленном диванчике, жались Шапочкин и Охман. Шапочкин безостановочно грыз ногти, его глаза бегали по сторонам, а нога нервно отбивала дробь по линолеуму. Охман тупо пялился в пол, тяжело сопя. Остальных двоих грабителей взяли бойцы СОБРа через полчаса после перестрелки на путях — те забились в пустой вагон-рефрижератор. Золото из «Аметиста» вернули до последнего грамма. Начальник главка уже успел позвонить полковнику Богданову и выразить устную благодарность отделу за блестящее раскрытие по горячим следам. Но Стаса это не радовало. Внутри майора скребло тяжелое, липкое подозрение. Картина произошедшего у забора не складывалась. Сколько бы он ни прокручивал ее в голове, факты упрямо восставали против версии Максима. Двойные двери операционного блока с глухим стуком распахнулись. Из них вышел хирург — немолодой, коренастый мужчина с усталым, морщинистым лицом и проседью в густой бороде. Он стянул с головы зеленую одноразовую шапочку, стряхнул резиновые перчатки в урну и тяжело вздохнул, разминая затекшую шею. Стас мгновенно вскочил на ноги. Шапочкин в углу тоже дернулся, подавшись вперед всем телом. – Доктор? – Стас подошел вплотную. – Как он? – Жить будет ваш герой, майор, – негромко ответил врач, глядя на Богданова умными, все повидавшими глазами. – Родился в бронежилете, можно сказать. Пуля прошла навылет, аккуратно раздвинув мышечные волокна, кость не задета, подключичная артерия цела буквально чудом — миллиметра два правее, и вы бы его до приемного покоя не довезли. Крови потерял порядочно, но организм молодой, крепкий. Зашили, дренаж поставили. Сейчас под капельницей в палате интенсивной терапии, спит. Стас с облегчением выдохнул, почувствовав, как каменная плита сползает с груди. – Спасибо, доктор. Поговорить с ним можно? – Завтра утром. Пусть наркоз отойдет. Шапочкин в углу шумно встал, одернул куртку и натянуто, с фальшивой бодростью произнес: – Ну вот и отлично! Слава богу, обо-

шлось. Стас, раз такое дело, мы с Охманом в отдел поедем? Надо рапорта строчить, протоколы допросов оформлять, полковник ждет… – Езжайте, – не оборачиваясь, бросил Стас. – Я позже буду. Шапочкин буквально вылетел в сторону выхода, подталкивая в спину неповоротливого Охмана. Их торопливые шаги быстро стихли на лестнице. Хирург проводил оперативников долгим, тяжелым взглядом, затем повернулся к Стасу. – Богданов, верно? Мне дежурный сказал, ты старший группы. – Да, майор Богданов. А что такое? Врач помолчал, огляделся по сторонам — коридор был абсолютно пуст — и подошел к Стасу вплотную. Его голос опустился до едва различимого шепота: – Пойдем в ординаторскую, майор. Есть разговор не для протокола. Сердце Стаса пропустило глухой удар. Он молча кивнул и последовал за хирургом. В небольшой ординаторской пахло крепким чаем и спиртом. Доктор плотно прикрыл дверь, подошел к рабочему столу, выдвинул ящик и достал маленький прозрачный пластиковый пакетик для анализов. Внутри лежало что-то темное и тяжелое. Врач бросил пакетик на стол перед Стасом. Майор наклонился. В пакете лежала деформированная пуля со следами нагара. – Ты же опер, Богданов, – тихо сказал хирург, скрестив руки на груди. – В оружии разбираешься получше моего. Твой парень в бреду, когда его только привезли, шептал что-то про «Осу» и грабителя. В сопроводиловке из скорой тоже написано — ранение из оружия неизвестной системы, предположительно травматического или переделанного. Стас взял пакетик в руки. Металл холодил пальцы даже сквозь полиэтилен. – Это не «Оса», – севшим голосом произнес майор. – И не кустарная переделка. – Это пуля патрона девять на восемнадцать миллиметров, – жестко отчеканил доктор. – Оболочечная, со свинцовым сердечником. Стандартный боеприпас для пистолета Макарова. Ее фрагмент мы извлекли из мягких тканей у выхода раневого канала — пуля срикошетила от лопатки и слегка застряла на выходе. Стас молчал. В комнате повисла удушливая тишина. – Но это еще не все, майор, – продолжил хирург, глядя Стасу прямо в глаза. – Траектория. Пуля вошла сверху вниз, сзади, под углом около тридцати пяти градусов. Стреляли с расстояния максимум три-четыре метра — на куртке вокруг входного отверстия пороховой ожог и микрочастицы несгоревшего пороха. Человек, который нажал на спуск, стоял прямо за спиной твоего парня, в полный рост. А парень в этот момент был прижат к земле или сидел на ком-то. Доктор сделал паузу, давая смыслу слов осесть в сознании Богданова. – Если бы в него стрелял бандит из-под себя, как вы там наплели в первичном акте, траектория была бы снизу вверх, в упор, и совершенно другой калибр. Майор… в твоего новичка стрелял не грабитель. В него всадили пулю из табельного оружия. Кто-то из своих. Кто стоял у него за спиной. Воздух в ординаторской словно превратился в свинец. Стас стоял неподвижно, сжимая пакетик с пулей так, что побелели костяшки пальцев. Перед внутренним взором Богданова с кинематографической четкостью вспыхнула картина у забора. Бледный, трясущийся Шапочкин с пистолетом в кобуре. Охман, прячущий глаза. Кровь на земле. И спокойные, ледяные голубые глаза Максима Алёнушкина, который, захлебываясь собственной кровью, осознанно и хладнокровно соврал своему командиру: *«Налетчик… товарищ майор. Из-под себя пальнул».* Он не бандита покрывал. Он прикрыл Шапочкина. Или… он не хотел, чтобы в это вмешивался кто-то еще? – Я официально эту пулю в журнал пока не вносил, – негромко произнес врач, тронув Стаса за плечо. – Сказал сестре, что навылет прошла без остатка фрагментов. Написал: ранение слепое, пуля утеряна на месте происшествия. Знаю твоего отца, Владимир Александрович человек чести. И тебя знаю. Разберитесь сами в своем гадюшнике, майор. Но если это дело замнут, а парня потом тихо спишут — я сам пойду в прокуратуру. Ты меня понял? – Понял, – глухо отозвался Стас. Его лицо стало белым, челюсти сжались так, что на скулах заходили желваки. – Спасибо, доктор. Я ваш должник. – Не мой. Его должник, – врач указал пальцем в сторону коридора, где лежали послеоперационные больные. – Он тебе жизнь облегчил, рапорт не написал. Только вот почему — сам у него спроси. Стас спрятал пакетик с пулей во внутренний карман куртки — прямо к сердцу. Свинец жег грудь через ткань рубашки, словно раскаленный уголь. Майор вышел из ординаторской и тяжелыми шагами направился

по тихому больничному коридору к палате интенсивной терапии. Толкнув белую дверь, он вошел внутрь. В палате тихо пищали приборы слежения. За окном сгустились ранние питерские сумерки, холодный дождь хлестал по стеклу, размывая огни далекого Московского проспекта. Максим лежал на узкой функциональной кровати, укрытый одеялом до пояса. Левое плечо и грудь были плотно забинтованы толстым слоем стерильных повязок. Из вены на правой руке тянулась прозрачная трубка капельницы к штативу. Лицо Алёнушкина казалось осунувшимся, темный короткий ежик волос растрепался на подушке, под глазами залегли глубокие тени. Услышав скрип двери, Максим медленно открыл глаза. Увидев Стаса, он не шелохнулся — лишь чуть заметно приподнял уголки бледных, потрескавшихся губ. – Товарищ майор… Вы чего не в отделе? Рапорт за меня… писать некому. Стас подошел к кровати вплотную, выдвинул металлический табурет и тяжело сел, уперев локти в колени. Несколько секунд он молча смотрел на своего младшего лейтенанта. В палате слышался только мерный писк кардиомонитора да шум дождя за окном. Затем Стас медленно опустил руку в карман куртки, достал прозрачный пакетик с деформированной девятимиллиметровой пулей и положил его на прикроватную тумбочку — прямо перед глазами Максима. Взгляд Алёнушкина скользнул по свинцу. Ни один мускул не дрогнул на его лице, лишь веки чуть дрогнули, а голубые глаза стали совсем темными, цвета штормовой Балтики. – Девять на восемнадцать, – негромко, страшно спокойно произнес Стас. – Выстрел сверху вниз, в спину. С расстояния трех метров. Пороховой ожог на твоей куртке. Максим молчал, глядя в потолок. – Почему ты соврал мне, Алёнушкин? – в голосе Стаса зазвенела с трудом сдерживаемая, яростная боль. – Почему ты прикрыл эту гниду Шапочкина? Ты понимаешь, что он в тебя стрелял?! Намеренно или по своей трусости собачьей — не имеет значения! Он нажал на спуск, целясь в тебя! Почему ты не сказал правду?! Максим медленно повернул голову на подушке, встречая бешеный, требующий ответа взгляд майора. На его бледном лице не было ни злости, ни обиды. Была лишь странная, не по годам взрослая усталость. – А что бы изменилось, товарищ майор? – тихо, но удивительно твердо спросил Максим. – Вы бы его прямо там застрелили? Или в наручниках в главк повезли? И что дальше? Скандал на весь город. Убойный отдел полковника Богданова: опера стреляют друг в друга из-за золота. Вашего отца снимут через два часа. На вас поставят крест. Отдел расформируют к чертовой матери. Этого вы хотели? Стас замер, словно получив удар под дых. Он ожидал чего угодно: страха, личной мести, дурацкой воровской гордости, перенятой у приемного отца-деспота. Но он никак не ожидал, что этот двадцатисемилетний пацан, которого он с утра посчитал сопливой обузой, в момент, когда в него всадили пулю, думал о чести отдела и о его отце. – Ты… – Стас запнулся, чувствуя, как перехватило горло. – Ты из-за бати промолчал? – И из-за него тоже, – Максим едва заметно поморщился от вспышки боли в плече. – Сергей Николаевич… мой отчим… он всегда говорил: полковник Богданов — последний честный мужик в этом городе. И если я подставлю его отдел, он мне вторую руку лично оторвет. А Шапочкин… В глазах Алёнушкина вдруг блеснул тот самый опасный, волчий огонек, за который его вышвырнули из Центрального района. – Шапочкин свой счет еще оплатит. Но не через прокурорские бумажки. Мы с ним сами разберемся. По-мужски. Когда плечо заживет. Стас медленно поднялся с табурета.

Линия излома

Сырое петербургское утро встретило их запахом прелого асфальта, тяжелым чадом дизельных выхлопов и ледяной крупой, хлеставшей в ветровое стекло. Стас заглушил мотор «Форда» на служебной стоянке Московского РУВД, но ключа из замка зажигания не вынул. В салоне еще висело остаточное тепло печки, смешанное с горьковатым духом аптечных мазей и слабым ароматом цитрусового освежителя. Из колонок еле слышно, на самой грани различимости, шуршал «Аквариум» — тягучий, меланхоличный, совершенно не подходивший под то, что должно было произойти через несколько минут.Стас повернул голову влево.Максим сидел на пассажирском кресле неподвижно, уставившись перед собой на темные громады сталинских домов, окаймлявших проспект. Под его глазами залегли сизые тени, серая трикотажная толстовка на левом плече заметно топорщилась из-за толстого слоя марли и эластичного бинта, а правая рука бережно придерживала поврежденную конечность за локоть. Из больницы Алёнушкин сбежал едва рассвело — без выписки, под расписку, нагло глядя в глаза дежурному врачу и заявив, что у него «служебная необходимость и вообще гемоглобин как у быка». Стасу пришлось забирать его с черного хода травматологии на Костюшко, чертыхаясь про себя на чем свет стоит.– Ты вообще соображаешь, куда приперся? – не выдержал Стас. Голос майора прозвучал глухо, сдавленно. – Тебе три дня положено пластом лежать. Дренаж только вчера вечером сняли. Если шов разойдется, ты прямо на ковре у бати кровью истечешь. Думаешь, он тебя пожалеет?Максим медленно перевел на него взгляд. Голубые глаза были мутными от недосыпа и обезболивающих, но в глубине зрачков по-прежнему теплилось то самое упрямое, неистребимое спокойствие, которое бесило и одновременно завораживало Стаса с первой секунды их знакомства.– Не разойдется, товарищ майор, – Алёнушкин чуть дернул уголком бледных губ. – Нитки капроновые, хирург сказал — хоть трактором тяни. А дома сидеть в Купчино с перевязанной лапой — тоска смертная. К тому же… вы ведь сами знаете, что сейчас начнется.Стас сжал пальцы на ободе руля так, что захрустела кожаная оплетка. Светло-русые кудри рассыпались по лбу, но он даже не попытался смахнуть их. В груди майора с самого вчерашнего вечера, с того момента, как врач выложил на стол пакетик с пулей девять на восемнадцать, клокотала тяжелая, ядовитая ярость.– Знаю, – отчеканил Богданов. – Батя уже трижды мне на мобильный звонил. Трубку снял дежурный по главку, поздравил с блестящим раскрытием, а отец только рявкнул: «Обоих ко мне в кабинет в девять ноль-ноль. Не дай бог опоздаете».– Ну вот и отлично, – Максим осторожно пошевелил пальцами левой руки, проверяя чувствительность, и тихо поморщился от вспышки боли. – Значит, в девять ноль-ноль. Пошли?– Подожди.Стас протянул руку, собираясь перехватить Максима за здоровое плечо, но вовремя остановился, замерев в сантиметре от плотной ткани куртки. Его голубые глаза, обычно насмешливые и колючие, потемнели.– Максим. Я вчера в больнице все сказал. Пуля у меня в кармане. Траектория ясна даже курсанту-первогодку. Шапочкин стрелял в тебя сзади, в упор. Я не собираюсь покрывать эту мразь. Ни ради отца, ни ради чести мундира, ни ради твоих бредовых понятий о благородстве. Он выстрелил в спину своему. За такое в тайге закапывают, а здесь он сядет. Надолго.Максим тяжело вздохнул, оперевшись затылком о подголовник. В его взгляде промелькнула странная, почти отеческая снисходительность, совершенно неуместная для младшего по званию.– Станислав Владимирович. Вы умный мужик, у вас аналитика работает как швейцарские часы. Но вы сейчас думаете эмоциями. Обидой за отдел, злостью за то, что в вашей стае завелась крыса. А вы подумайте на ход вперед. Вот выкладываете вы пулю на стол Владимиру Александровичу. Что дальше?– Служебная проверка. УСБ. Арест Шапочкина, – жестко ответил Стас.– Правильно. А дальше — показания Шапочкина. Он же не дурак, он один на дно не пойдет. Он начнет орать, что стрелял случайно, что я сам бросился под линию огня, нарушив приказ. Поднимет мое дело из Центрального, где черным по белому написано: скло-

нен к авантюризму, не соблюдает субординацию. Охман подтвердит каждое его слово — они же спелись давно, как шерочка с машерочкой. В итоге — развал дела по налетчикам, проверка всего отдела, прокуратура роет носом землю. А самое главное — ваш отец.Максим повернулся к Стасу всем корпусом, превозмогая тупую, ноющую боль в ключице.– Его сожрут, Стас. Генерал из главка только и ждет повода, чтобы Богданова-старшего на пенсию спровадить и свое протеже на Московский район посадить. Вы этого хотите? Чтобы отца с инфарктом увезли из-за одного придурка с дрожащими пальцами?Стас замер. Челюсти свело судорогой. Горькая, отвратительная правда слов Алёнушкина резала без ножа. Майор ненавидел компромиссы. Вся его жизнь была построена на прямоте, дерзости и уверенности в том, что закон и справедливость должны бить точно в цель, как хорошая пуля. Но сейчас перед ним стоял выбор между абстрактным возмездием и реальным разгромом собственной семьи.– И что ты предлагаешь? – сквозь зубы процедил Богданов. – Улыбаться этой скотине Шапочкину? Здороваться за руку?– Здороваться не надо, – спокойно ответил Максим, и в глубине его чистых синих глаз мелькнула холодная, опасная сталь. – Я же сказал: мы с ним посчитаемся сами. Без посторонних ушей. А сейчас — работаем по моему сценарию. Вы молчите, майор. Говорю я.– Алёнушкин, ты берега не путай, – вскинулся Стас, чувствуя, как привычная властность дает трещину под напором этого невысокого, упрямого купчинского опера. – Я здесь старший группы. Я отвечаю за тебя головой.– Вот именно поэтому вы и будете молчать, – мягко, но несокрушимо отрезал Максим. Он толкнул дверцу здоровой рукой. – Время без пяти девять. Пошли, а то батя ваш решит, что мы в бега подались.***В коридорах убойного отдела царила гнетущая, натянутая как струна тишина. Дежурные опера при появлении Богданова и Алёнушкина мгновенно прятали глаза в мониторы и папки с уголовными делами. Новость о том, что вчерашний налет закончился перестрелкой и ранением новенького, уже облетела все здание на Московском, обрастая самыми дикими подробностями.Возле кофейного автомата в конце коридора стояли Шапочкин и Охман.При виде вошедших Шапочкин дернулся, расплескав коричневую бурду из пластикового стаканчика на форменные брюки. Его лицо за ночь осунулось, под глазами залегли желтушные круги, а взгляд метался от Стаса к перевязанному плечу Максима, словно у загнанного в угол хорька. Охман стоял чуть позади, опустив голову в плечи и старательно делая вид, что изучает ориентировку на беглого рецидивиста на стенде.Стас на секунду притормозил, его шаги стали тяжелыми, пружинящими. Мышцы спины натянулись под курткой, кулаки сжались сами собой. Один точный удар в эту испуганную физиономию Шапочкина — и от старшины останется только мокрое место.Максим словно почувствовал движение майора. Он не оборачиваясь, лишь едва заметно качнул здоровым плечом, преграждая Стасу траекторию, и не глядя на застывших сослуживцев, ровным, чеканным шагом прошел мимо.– Доброе утро, коллеги, – бросил Максим с легкой, почти дружелюбной усмешкой, от которой у Шапочкина по спине продрал ледяной озноб. – Удачного дежурства.Охман что-то невнятно булькнул в ответ, а Шапочкин судорожно сглотнул, вжавшись лопатками в стену.Стас смерил обоих уничтожающим взглядом, полным неприкрытого, ледяного презрения, и шагнул вслед за Алёнушкиным к массивной дубовой двери с золотистой табличкой: «Начальник убойного отдела полковник полиции БогдановВ. А.».Не успел Стас поднять руку, чтобы постучать, как из-за двери донесся громовой, сотрясающий косяки рык:– Входите оба! Нечего под дверью топтаться!Стас нажал на полированную латунную ручку и толкнул створку.В кабинете начальника отдела пахло корвалолом, остывшим крепким чаем и надвигающейся бурей. Окна были закрыты жалюзи, сквозь узкие щели пробивался тусклый дневной свет, полосуя массивный полированный стол.Полковник Владимир Александрович Богданов стоял посреди комнаты. Китель был расстегнут на верхние пуговицы, тяжелые кулаки уперты в бока, широкое, массивное лицо налилось багровым гневом. Седые брови сошлись на переносице так плотно, что взгляд казался свинцовым, готовым пробить насквозь любого, кто рискнет переступить порог.– Закрыть дверь, – глухо, со страшной силой приказал полковник.Стас захлопнул дверь за спиной. Встал по стойке смирно,

расправив широкие плечи, привычно принимая удар на себя. Рядом замер Максим — чуть ниже ростом, бледный, но прямой как натянутая тетива.– Товарищ полковник, майор Богданов по вашему…– Молчать! – рявкнул Богданов-старший с такой яростью, что на столе звякнула чайная ложка в граненым стакане. Полковник сделал два тяжелых шага вперед, надвигаясь на сына как штормовая туча. – Молчать, майор! Я кому вчера подчиненного вручил?! Кому я в эти бестолковые светло-русые мозги вбивал: беречь людей, работать по уму, не лезть на рожон?!Стас сжал зубы, чувствуя, как внутри закипает ответная, сыновья и офицерская гордость.– Батя, операция завершена успешно…– Успешно?! – полковник сорвался на громогласный бас, ударив кулаком по спинке стула. – Трое суток в отделе парень не проработал! Первый выезд — и сквозное огнестрельное! Мне в шесть утра генерал звонит, по плечу хлопает, а у меня в горле кость стоит! Потому что мой сын, мой лучший опер, хваленый тактик и аналитик, допустил бойню на товарных путях! Ты как преследование вел?! Где оцепление? Где взаимодействие с группой прикрытия?!Владимир Александрович тяжело, хрипло дышал, сверля Стаса налитыми кровью глазами. В этом крике была не просто командирская злость — в нем сквозил застарелый, глубокий отцовский страх за сына, который слишком часто ходил по лезвию ножа, и стыд перед старым боевым товарищем Антоновым.– Ты понимаешь, что мне Серега Антонов сказал, когда я ему ночью позвонил?! – голос полковника задрожал от едва сдерживаемого бешенства. – Он трубку бросил! Он мне двадцать лет назад жизнь спас под Первомайским, а я его приемного пацана в первый же день под пули подставил! Под трибунал тебя мало сдать, Станислав! Погоны сорвать к чертовой матери и во вневедомственную отправить шлагбаум поднимать! Рапорт о неполном служебном соответствии ляжет на стол начальнику главка сегодня же!Стас побледнел. Слова отца ударили наотмашь. Не угроза трибунала задела его — задело то, что отец, не разобравшись, выставил его безответственным щенком, мальчишкой, бросившим напарника на убой. А главное — рядом стоял Алёнушкин. И в глазах этого парня Стас не хотел выглядеть виноватым ни на йоту.Хватит. Ложь душила. Майор глубоко вдохнул, решив покончить с этим цирком прямо сейчас. Пусть летит к чертям карьера, пусть сыплется отдел — он не позволит смешивать себя с дерьмом за чужой грех.– Товарищ полковник, – громко, перекрывая тяжелое дыхание отца, заговорил Стас, шагнув вперед. – Вы не знаете всех обстоятельств. Выстрел у гаражей…– Разрешите обратиться, товарищ полковник! – внезапно перебил его Максим.Голос Алёнушкина прозвучал неожиданно звонко, четко, с идеальной академической выправкой, разрезав наэлектризованный воздух кабинета.Богданов-старший осекся, медленно переведя тяжелый, насупленный взгляд с сына на младшего лейтенанта.– Что? – глухо бросил полковник. – Стоять смирно, Алёнушкин. К тебе претензий по мужеству нет, но дисциплина…– Никак нет, товарищ полковник! – Максим сделал шаг вперед, вклиниваясь между отцом и сыном, и вытянулся в струнку, несмотря на то, что каждое движение отзывалось дикой судорогой в раненом плече. – Претензии должны быть именно ко мне. Майор Богданов действовал безупречно. Вся вина за произошедшее лежит исключительно на мне.Стас резко повернулся к Максиму, в его голубых глазах вспыхнуло бешенство:– Алёнушкин, молчать! Это приказ!– Никак нет, товарищ майор, я обязан доложить начальнику отдела правду! – с нажимом, не глядя на Стаса, отчеканил Максим.Полковник нахмурился еще сильнее, его цепкий, проницательный взгляд скользнул по бледному лицу новичка, затем по напряженной фигуре сына.– Докладывай, Алёнушкин. Коротко и по существу.Максим набрал в грудь побольше воздуха. На его виске вздулась тонкая синяя жилка, но голос звучал абсолютно твердо, спокойно и уверенно:– При преследовании подозреваемых в районе товарной станции майор Богданов отдал мне четкий, недвусмысленный приказ: держать сектор справа, не приближаться к забору и ждать подхода группы Шапочкина и Охмана. Я этот приказ проигнорировал.Стас едва не задохнулся от возмущения, но Максим продолжал, чеканя каждое слово, словно вбивал гвозди:– Увидев, что подозреваемый с сумкой пытается скрыться через лаз под теплотрассой, я поддался азарту. Проявил неоправданную инициативу, самовольно

покинул позицию и в одиночку пошел на штурм стены. Когда я настиг налетчика, то допустил грубейшую тактическую ошибку: не проверил его на наличие скрытого оружия, не зафиксировал руки и сразу полез вязать. Преступник оказал ожесточенное сопротивление, выхватил из кармана короткоствол и выстрелил вслепую в борьбе.Максим на секунду замолчал, сглотнув подступившую сухость в горле, и закончил:– Майор Богданов появился на месте через три секунды после выстрела. Он спас мне жизнь, оказал первую помощь и грамотно скоординировал задержание остальных членов бандгруппы. Если бы не Станислав Владимирович, я бы там и остался. Я виноват, товарищ полковник. Старая купчинская дурь взыграла — захотел подвиг совершить, нос старослужащим утереть. Готов понести любое дисциплинарное наказание вплоть до увольнения из органов внутренних дел.В кабинете повисла мертвая, оглушительная тишина.Было слышно, как за окном с шелестом проезжают по мокрому проспекту тяжелые грузовики.Стас стоял, онемев. Его острый аналитический ум, привыкший просчитывать схемы криминальных авторитетов на десять ходов вперед, сейчас буксовал, отказываясь переваривать происходящее. Этот невысокий, сбитый парень только что с феноменальной, филигранной точностью выстроил идеальную легенду. Он взял на себя всё: неподчинение приказу, тактическую безграмотность, мальчишеский азарт — всё то, за что его когда-то выперли из Центрального района. Он добровольно надел на себя ярлык безответственного сорвиголовы, чтобы снять даже тень подозрения со Стаса и спасти полковника от позора.Владимир Александрович медленно обошел стол. Гнев на его лице постепенно сменялся усталостью и глубоким разочарованием, но буря явно пошла на спад. Полковник тяжело опустился в свое кожаное кресло, потер ладонью переносицу и поднял глаза на Максима.– Значит, опять? – тихо, с горечью спросил Богданов-старший. – Опять героические замашки, Алёнушкин? Я ведь с твоим отцом вчера полночи говорил. Он мне клялся: парень остепенился, парень повзрослел, в академии ума набрался. А ты… Ты чуть группу под огонь не подставил! Ты понимаешь, что если бы бандит тебе в артерию попал, Стас бы тебя в мешке оттуда вынес?!– Так точно, товарищ полковник. Понимаю, – глухо отозвался Максим, глядя прямо перед собой в стену над головой начальника.– Не понимаешь ты нихрена! – полковник с силой бросил ручку на бумаги. – Индивидуалист хренов. Рок-н-ролл у тебя в башке до сих пор играет! В убойном отделе нет одиночек, Алёнушкин! Здесь либо спина к спине, либо на кладбище!Богданов-старший перевел тяжелый взгляд на сына. Стас стоял не шевелясь, желваки на его скулах ходили ходуном, а кулаки были сжаты с такой силой, что ногти впивались в ладони.– Стас, – голос отца звучал уже спокойнее, но все еще сухо и строго. – Ты свободен. Иди оформляй протоколы допросов по налетчикам. В десять тридцать жду сводку по вещдокам из салона. И с машиной своей разберись — капот изрешечен, стыдно к главку подъехать.– Товарищ полковник… – начал было Стас, чувствуя, как внутри все восстает против этой несправедливой, чудовищной развязки.– Я сказал — свободен, майор! – отрезал отец тоном, не терпящим возражений. – С Алёнушкиным я сам закончу разговор.Максим коротко, едва заметно скосил глаза на Стаса. Во взгляде младшего лейтенанта читалась неприкрытая, отчаянная мольба: *«Уходи. Не ломай всё. Пожалуйста»*.Стас шумно, яростно выдохнул сквозь стиснутые зубы. Коротко козырнув, он круто развернулся на каблуках и вышел из кабинета, с силой притянув за собой тяжелую дверь.Оказавшись в пустом приемном покое, майор остановился. Грудь вздымалась, воздух казался раскаленным. Через массивное дерево доносился приглушенный, суровый голос полковника Богданова:– …объявляю тебе строгий выговор с занесением в личное дело! Премии за квартал лишаешься полностью. Еще один подобный косяк, Максим, хоть полшага в сторону от приказа командира — и я лично подпишу приказ о твоем увольнении по несоответствию! И никакой Сергей Николаевич тебе не поможет! Усек?!– Так точно, товарищ полковник, – раздался спокойный, ровный ответ Максима.Стас закрыл глаза, прислонившись затылком к холодной штукатурке стены. В ушах звенело.***Через двадцать минут дверь кабинета начальника со щелчком отворилась.Максим вышел в коридор медленно, слегка волоча правую ногу

от накопившейся усталости. Лицо его было серым, почти землистым, на лбу блестела испарина. Он прижимал больную руку к груди, стараясь не делать глубоких вдохов — каждое движение ребер отзывалось резкой, пульсирующей болью в разорванной ключице.Стас ждал его у окна в конце коридора.Увидев майора, Максим слабо улыбнулся — открыто, без тени сожаления или обиды:– Вы еще здесь, товарищ майор? А я думал, вы уже протоколы строчите. Полковник сказал, у вас в десять тридцать…Договорить он не успел.Стас шагнул вперед, схватил Максима за здоровую правую руку повыше локтя и властно, но на удивление бережно потянул за собой:– Пошли.– Куда? – опешил Максим, пытаясь притормозить.– В архив. Там никого нет. Живо.Богданов довел его до конца коридора, толкнул неприметную металлическую дверь с надписью «Архив оперативно-служебной документации» и втолкнул Максима внутрь, щелкнув шпингалетом изнутри.В архиве было полутемно, пахло старой бумагой, сухим картоном и пылью. Вдоль стен тянулись бесконечные стеллажи с папками, перевязанными суровыми нитками. Единственная тусклая лампочка под потолком отбрасывала длинные, глубокие тени.Стас развернулся к Максиму. Майор возвышался над ним — высокий, широкоплечий, со взъерошенными светло-русыми кудрями и горящими голубыми глазами, в которых бушевала целая буря невысказанных эмоций.– Ты больной на всю голову, Алёнушкин? – прошипел Стас, нависая над младшим лейтенантом. Его голос дрожал от сдерживаемой ярости и чего-то еще, чему Богданов пока не мог подобрать названия. – Ты что там устроил?! Зачем ты подставился?! Строгач в личное дело! Без премии! Отец тебя чуть с дерьмом не смешал! Ты понимаешь, что теперь на тебе клеймо неадеквата на весь главк висеть будет?!Максим тяжело привалился спиной к деревянному стеллажу, прикрыл глаза и перевел дух. Боль в плече накатывала волнами, перед глазами плыли цветные круги, но он заставил себя выпрямиться и посмотреть майору прямо в лицо.– А вы бы предпочли, чтобы на вас висело клеймо убийцы собственного подчиненного? – негромко, но с поразительной силой спросил Максим. – Или чтобы вашего отца сожрали штабные волки?– Да плевать мне на штабных волков! – рявкнул Стас, сделав шаг вплотную. Расстояние между ними сократилось до нескольких сантиметров; Стас чувствовал прерывистое, горячее дыхание Максима, пахнущее больничной мятой. – Я привык отвечать за свои косяки сам! Я командир! Я должен был разрулить это дерьмо, а не прятаться за спину сопливого стажера с пулей в плече!– Я не сопливый стажер, майор, – Максим вдруг поднял здоровую руку и уперся ладонью в твердую грудь Стаса, не позволяя наступать дальше. Прикосновение было твердым, уверенным. – И за вашей спиной я не прятался. Я сделал то, что посчитал нужным. По совести. Вы — нормальный мужик, Богданов. Дерзкий, заносчивый, самоуверенный до тошноты… Но вы настоящий опер. И отдел этот на вас держится. Если бы я вас вчера не прикрыл, Шапочкин с Охманом вас бы утопили. А так — мы выиграли время.Стас замер, глядя на ладонь Максима, лежащую на его форменной рубашке — прямо над бьющимся, взбесившимся сердцем.В полумраке архива лицо Алёнушкина казалось другим. Пропала напускная простоватость круглого купчинского парня. В жестких складках у рта, в коротком колючем темном ежике волос, в абсолютно чистых, бесстрашных голубых глазах сквозила такая внутренняя порода, такая несокрушимая, спокойная мужская сила, которая встречается раз на тысячу.Он стоял перед ним — раненый, едва держащийся на ногах от боли, получивший незаслуженный нагоняй и строгий выговор, потерявший деньги и репутацию — и в его глазах не было ни капли жалости к себе. Ни тени упрека.Только готовность стоять до конца.И в этот момент Стаса Богданова словно ударило током.Его острый, тренированный ум, способный мгновенно расщеплять любую ситуацию на атомы, вдруг дал сбой. В груди разлилось странное, обжигающее тепло, от которого перехватило дыхание. Это было не просто профессиональное уважение старшего офицера к храброму напарнику. Это было глубже. Опаснее.Стас вдруг поймал себя на мысли, что жадно, неотрывно разглядывает лицо Максима: линию его упрямой челюсти, бледные, обветренные губы, темные ресницы, синеву глаз, в которых отражался тусклый свет лампы. Ему вдруг захотелось не оттолкнуть эту лежа-

щую на его груди ладонь, а накрыть ее своей рукой. Сжать крепко. Притянуть этого невысокого, упрямого черта ближе, закрыть от всего мира, от Шапочкина, от орущего отца, от промозглого питерского дождя.*«Твою мать, Богданов… Ты о чем думаешь вообще?»* – пронеслось в голове панической вспышкой.Но мысль уже пустила корни. Максим Алёнушкин был ему симпатичен. Безумно, чертовски симпатичен. Не просто как боевая единица, не как «пополнение в стаю», а как человек. Живой, настоящий, теплый. Тот редкий тип людей, ради которых хочется не просто рисковать шкурой, а жить и драться до последнего патрона.Максим, заметив, как изменился взгляд майора — стал глубже, темнее, потеряв привычную насмешливость, — чуть нахмурился:– Стас?.. Вы чего?Обращение по имени без звания сорвалось с губ Алёнушкина совершенно естественно, словно между ними уже давно не было казенных барьеров.Стас моргнул, сбрасывая оцепенение, но взгляда не отвел. Медленно, осторожно, стараясь не задеть перевязанную левую сторону, майор положил свою широкую ладонь на здоровое плечо Максима. Пальцы сжались чуть крепче, чем требовалось по уставу.– Болит? – негромко спросил Стас. Голос прозвучал хрипло, интимно в тишине архива.– Ноет, – честно признался Максим, и его веки на секунду опустились. – Дурное дело нехитрое. Обезбол отходит.– Дурак ты, Алёнушкин, – выдохнул Стас, и на его губах впервые за это чертово утро появилась та самая, фирменная богдановская усмешка — теплая, чуть дерзкая и невероятно обаятельная. – Сказочный, непроходимый дурак. Но… спасибо. За отца спасибо.Максим открыл глаза и слабо улыбнулся в ответ:– Сочтемся, командир. С вас теперь приличный кофе. Казенная жижа из автомата меня точно в гроб загонит.– Будет тебе кофе, – Стас убрал руку с его плеча, чувствуя странную пустоту в пальцах, но усилием воли вернул себе деловой тон. – Значит так, боец. Слушай мою команду. Сейчас идешь в дежурку, берешь ключ от моего «Форда». Ложишься на заднее сиденье и спишь. Часа три минимум. Попробуешь дернуться в сторону кабинета — лично свяжу и в багажник запру.– А протоколы? – вяло попытался возразить Максим.– Протоколы я сам напишу. Твой почерк один хрен ни один прокурор не разберет, – отрезал Стас, отпирая задвижку на двери архива. – А в два часа я тебя в Купчино отвезу. Отсыпаться будешь до понедельника. Это приказ, лейтенант.Максим посмотрел на него снизу вверх, и в глубине его синих глаз блеснуло чистое, искреннее доверие. Без подтекста, без фальши.– Есть спать в машине, товарищ майор.Когда Максим, осторожно ступая, вышел в коридор, Стас задержался в дверях архива еще на пару секунд. Он провел ладонью по своим светло-русым кудрям, глубоко вдохнул пыльный воздух и тихо, неслышно для окружающих усмехнулся.Город за окном по-прежнему захлестывала волна преступности, впереди маячили тяжелые допросы, разборки с наглыми налетчиками и неизбежная, глухая расплата со старшиной Шапочкиным, до которого Стас теперь обязательно доберется — тихо, без шума, так, как умел только он.Но впервые за долгие месяцы беспросветной ментовской рутины майор Богданов почувствовал, что в этой промозглой питерской тьме он больше не один.Рядом был Алёнушкин. И черт возьми, ради того, чтобы увидеть эту спокойную, уверенную улыбку снова, Стас был готов перевернуть весь Московский район вверх дном.

Точка кипения

Питерский ноябрь не оставлял шансов на иллюзии: небо над Московским районом висело так низко, что, казалось, шпили сталинок царапали его серое, набухшее ледяной влагой брюхо. Ветер с залива продувал широкий проспект насквозь, бросая в лобовые стекла припаркованных у РУВД машин мелкую, колючую крупу — полудождь, полуснег. В старом казенном здании пахло сырыми шинелями, мокрым асфальтом и дешевым табаком, пробивавшимся из вентиляционных шахт подвала.Стас Богданов поднялся на третий этаж, перешагивая через две ступени. Светло-русые кудри после утренней пробежки под дождем сбились в абсолютный хаос, мокрая кожаная куртка блестела от влаги, а в голубых глазах застыло привычное хмурое напряжение. В руке майор сжимал два больших бумажных стакана с нормальным американо из круглосуточной пекарни на углу — пить тошнотворный растворимый суррогат из автомата на первом этаже он больше не позволял ни себе, ни своему новому подчиненному.В кабинете начальника отдела царил полумрак, разгоняемый лишь настольной лампой под зеленым пластиковым абажуром. Полковник Богданов стоял у магнитной доски, на которой уже белели свежие фотографии, карты района и схемы с красными стрелками. Рядом на стуле, неестественно прямо держа спину, сидел Максим. На нем был темно-синий плотный свитер крупной вязки — Стас сразу понял, что под свободную ткань спрятана толстая марлевая повязка, закрывающая разорванное плечо. Лицо Алёнушкина оставалось бледным, под глазами залегли тени, но взгляд синих глаз был чистым, цепким и совершенно спокойным.Чуть поодаль, развалившись на казенных стульях, перешептывались Шапочкин и Охман. Шапочкин за прошедшие сутки разительно переменился: страх, душивший его на товарных путях, бесследно испарился. Поняв, что новичок взял всю вину на себя и проглотил выстрел, старшина уверовал в собственную безнаказанность. На его остроскулом лице снова цвела привычная хамская, самодовольная ухмылка.– Рассаживайтесь, – сухо бросил полковник, окинув вошедшего сына тяжелым взглядом. О вчерашней буре Богданов-старший больше не напоминал, но в голосе звенел металл. – Не до церемоний. Город на ушах. За последние четверо суток — пять эпизодов. И все в нашем квадрате: Бассейная, Благодатная, Гагарина.Стас молча поставил один стакан с кофе перед Максимом — тот благодарно, едва заметно кивнул, коснувшись пальцами теплого картона, — а сам прислонился плечом к оконному косяку, скрестив руки на груди.– Квартирные? – спросил майор, мгновенно переключаясь в рабочий режим.– Они самые, – полковник ткнул указкой в фотографии взломанных замков. – Но не типичные форточники и не наркоманы. Работает группа профи. Берут только элитку — сталинки с высокими потолками, новострои бизнес-класса. Заходят средь бела дня, строго с одиннадцати утра до трех дня, когда жильцы на работе, а консьержи или спят, или отходят на обед. Вскрывают сувальдные и цилиндровые замки высшей секретности без единого скола, чистейшая работа отмычками. На все уходит не больше пятнадцати минут. Уносят исключительно валюту, мелкую ювелирку и антиквариат. Никакой бытовой техники, шуб или тяжелых сейфов. Никаких отпечатков, камеры в подъездах заливают краской из баллончиков ровно за минуту до входа.– Наводка? – подал голос Охман, ковыряя спичкой в зубах. – Если адреса точечные, значит, кто-то сливает базу. Налоговая, риелторы, банки?– Все пять квартир принадлежат разным людям: коммерческий директор логистической фирмы, пластический хирург, вдова профессора и два владельца автосалонов, – ответил Богданов-старший. – Пересечений по банкам и имущественным сделкам эксперты не нашли. Сегодня в одиннадцать тридцать обчистили квартиру на Кузнецовской. Ущерб — под двенадцать миллионов рублей. Из главка звонили: если до конца недели не возьмем группу за жабры, нас всех смешают с грязью. Дело на контроле у генерала. Стас, группа твоя. Все силы района в твоем распоряжении.– Принял, – коротко кивнул Стас. – Поднимем всех скупщиков по городу, потрясем ломбарды в Московском и Адмиралтейском. Охман, запроси в

жилконторах графики дежурств дворников и консьержей по всем пяти точкам. Шапочкин — на тебе наружка у элитных домов на Московском.– А новенький у нас что делать будет? – ядовито протянул Шапочкин, смерив Максима наглым, вызывающим взглядом. – Бумажки в архиве перекладывать? Или опять грудью на амбразуру полезет, чтоб полковник медаль выписал? А то ведь у нас герои нынче хлипкие пошли, от одного щелчка сыплются.В кабинете повисла нехорошая, вязкая тишина.Стас медленно выпрямился, и в его голубых глазах заплясали опасные, бешеные искры. Желваки на челюсти майора натянулись так, что кожа побелела. Он уже открыл рот, чтобы стереть старшину в порошок прямо при отце, но Максим опередил его.– Я возьму на себя анализ видеозаписей с уличных перекрестков и обзорных камер «Безопасного города», – совершенно ровным, глуховатым голосом произнес Алёнушкин. Он даже бровью не повел на выпад Шапочкина, продолжая спокойно изучать фотографии на доске. – Если в подъездах глазки заливали краской, значит, к домам они подходили открыто. Машину отхода бросать близко не стали бы — в старых дворах днем не припарковаться. Они шли пешком минимум два-три квартала до неприметного авто. Пять эпизодов — это пять маршрутов отхода. Они обязательно должны пересечься на каком-то общем узле.Полковник Богданов внимательно посмотрел на Максима. В суровых глазах начальника мелькнуло одобрение, хотя вслух он ничего не сказал.– Разумно, – отрезал полковник. – Работайте. Докладывать каждые три часа. Свободны.Когда опера вышли в длинный полутемный коридор, Шапочкин намеренно притормозил, пропуская Максима вперед. Проходя мимо, старшина громко, демонстративно хмыкнул и бросил в спину младшему лейтенанту:– Смотри не перетрудись, следопыт купчинский. А то плечико заболит, к мамочке побежишь плакаться. Герой комнатный…Охман рядом мерзко заржал, поддакивая дружку.Максим продолжал идти вперед мерным, неторопливым шагом, придерживая здоровой рукой стопку распечаток. Ни один мускул на его круглом лице не дрогнул. Он просто не слышал их — или делал вид, что не слышит, демонстрируя абсолютную, гранитную невозмутимость.Стас, шедший позади, поравнялся с Шапочкиным. Его высокая атлетичная фигура нависла над низкорослым старшиной, перекрывая тусклый свет потолочной лампы. Взгляд майора был тяжелым, как обух топора.– Шапочкин, – тихо, одними губами произнес Стас. – Ты берега не путай. Я тебя предупреждал: еще одно слово не по службе — и я тебе язык лично в узел завяжу.Влад на мгновение стушевался под этим диким, бешеным напором, но тут же осклабился, почувствовав за спиной молчаливую поддержку Охмана:– А че такого, Станислав Владимирович? Шуток уже не понимаем? Мы ж по-свойски. Парень сам виноват, что под пули полез, полковник ему вчера все популярно объяснил. Или у нас теперь для блатных особые условия?Стас шагнул вперед, сокращая дистанцию до опасного минимума, но в этот момент впереди обернулся Максим:– Товарищ майор. Диски с Кузнецовской уже привезли. Поможете настроить сервер в оперчасти?Голос Алёнушкина звучал так спокойно и буднично, словно ничего не происходило.Стас шумно выдохнул сквозь сжатые зубы, смерил Шапочкина взглядом, обещавшим скорую и мучительную расправу, и резко развернулся, зашагав к кабинету оперов.***В кабинете убойного отдела пахло жженым кофе, пыльной бумагой и дождем, бившим в старые деревянные рамы. Стас сидел за своим массивным столом, заваленным папками с нераскрытыми делами, и крутил в пальцах пустую гильзу от ПМ. На мониторе его компьютера мигали таблицы телефонных соединений, но мысли майора раз за разом возвращались к парню, сидевшему у противоположной стены.Максим работал молча, сосредоточенно и методично. Левая рука его лежала на столе почти неподвижно — каждое резкое движение отзывалось тупой судорогой в порванной дельтовидной мышце, и Алёнушкин лишь изредка, на секунду прикрывал глаза, пережидая болевой спазм. Правой рукой он листал материалы, делал пометки в блокноте и отслеживал временные интервалы на записях камер наружного наблюдения.Из его старенького кассетного плеера, лежавшего рядом с клавиатурой, через один наушник тихо доносились приглушенные аккорды «Чайфа» — простая, честная музыка, под которую Максим, казалось, уходил в свой собственный, недосягае-

мый для окружающих мир.Стас не выдержал. Он отбросил гильзу на бумаги, встал и подошел к столу Алёнушкина, оперевшись ладонями о край столешницы.– Объясни мне, – негромко, но с глухим раздражением спросил Богданов. – Я нихрена не понимаю, Максим.Алёнушкин снял наушник, поднял на майора ясные голубые глаза и вопросительно приподнял бровь:– Что именно, товарищ майор?– Вот это всё! – Стас мотнул головой в сторону коридора, где периодически слышались громкие, развязные голоса Шапочкина и Охмана. – Почему ты молчишь? Он же откровенно нарывается. Он в тебя стрелял, он тебя калекой чуть не сделал, он вчера штаны от страха чуть не намочил! А сегодня глумится над тобой при всем отделе, словно он здесь хозяин жизни. Ты почему терпишь?! Где твоя хваленая дерзость из Центрального, за которую тебя поперли?!Максим слабо, чуть грустно улыбнулся. Он откинулся на спинку стула, осторожно поправив ворот свитера.– Вы хотите, чтобы я ему морду набил прямо в коридоре? – тихо спросил он.– Я хочу понять, из какого ты теста слеплен! – с жаром бросил Стас, наклоняясь ближе. Его светло-русые кудри качнулись, в глазах майора полыхнуло искреннее непонимание. – Любой нормальный мужик на твоем месте уже разорвал бы эту крысу на куски. А ты сидишь, глазки в пол, словно послушник в монастыре. Ты святого из себя строишь? Или боишься, что он еще раз папочке пожалуется?Взгляд Максима мгновенно изменился. Мягкость исчезла, уступив место той самой тяжелой, свинцовой глубине, которую Стас впервые увидел на пустыре у железнодорожных путей.– Я никого не боюсь, Стас, – негромко, с пугающей весомостью произнес Алёнушкин. – И святого из себя не строю. Меня отчим с девяти лет учил: собака лает — ветер носит. Если на каждый лай оборачиваться и камнями швыряться, до цели никогда не дойдешь. Шапочкин — мелкий, трусливый паразит. Он самоутверждается за счет того, что считает мою сдержанность слабостью. Он думает, что соскочил с крючка.Максим подался вперед, заглядывая майору прямо в душу:– Но он не соскочил. Я помню каждый миллиметр той пули, которая через меня прошла. И я с ним разберусь. Только не здесь, не в казенных стенах, и не ради дешевых понтов перед сослуживцами. Всему свое время. А сейчас у нас пять квартирных краж и город, который трясет. Если мы сцепимся в рукопашную — дело встанет. Ваш отец получит инфаркт. Кому от этого лучше будет?Стас замер, глядя на этого невысокого, сбитого парня, и внутри майора снова шевельнулось то самое острое, щемящее чувство, от которого перехватывало дыхание.Шок. Настоящий, чистый профессиональный и человеческий шок.Перед ним сидел парень на три года младше его самого, выросший на жестких купчинских улицах, прошедший через казарменную муштру жестокого приемного отца, получивший пулю в спину — и обладавший при этом такой колоссальной, железобетонной выдержкой, которой не было у половины штабных полковников. В этой тишине Максима не было ни капли покорности. В ней была страшная, сжатая до предела пружина. Сила, которая не нуждалась в крике.Стас медленно опустил руку на столешницу рядом с ладонью Максима. Пальцы майора чуть дрогнули, ему безумно захотелось накрыть широкую, сбитую кисть Алёнушкина своей рукой, ощутить тепло его кожи, заставить его забыть об этой проклятой боли в плече.– Ты сумасшедший, Алёнушкин, – хрипло выдохнул Стас, и на его губах появилась теплая, искренняя улыбка. – Абсолютно, наглухо отбитый. Но черт меня дери, если я хоть раз видел кого-то надежнее тебя.Максим встретил его взгляд, и на бледных щеках младшего лейтенанта проступил слабый румянец. Он смущенно кашлянул, опуская глаза на монитор:– Спасибо, командир. Лучше взгляните сюда. Я кое-что нашел.Стас мгновенно подобрался, перегнувшись через стол:– Что там?– Смотрите, – Максим указал карандашом на стопку скриншотов с уличных камер. – Это перекресток Благодатной и Новоизмайловского, вторник, двенадцать сорок. А это — угол Бассейной и Варшавской, четверг, тринадцать десять. Разница в два дня. Дома, которые грабили, находятся в противоположных кварталах. Но посмотрите на углы обзора. Видите этого мужчину?Стас вгляделся в зернистое черно-белое изображение.По тротуару шел мужчина среднего роста в неприметной серой куртке-спецовке с логотипом городской газовой службы, в надвинутой на лоб синей кепке и с прямоугольным металлическим чемоданчиком

для инструментов в руках.– Газовщик? – нахмурился Богданов.– Именно. На Кузнецовской он же попал в объектив камеры видеорегистратора припаркованного во дворе авто за десять минут до взлома. Но фокус в том, майор, что я пробил дежурную диспетчерскую «Петербург-Газа». В эти дни плановых проверок и аварийных вызовов по этим адресам не было вообще.Стас почувствовал, как охотничий азарт, острый и злой, ударил в виски. Аналитический ум майора мгновенно связал разрозненные звенья цепи.– Спецовка дает легальный повод зайти в подъезд, не вызывая подозрений у жильцов, – быстро заговорил Богданов. – А в чемодане не разводные ключи, а профессиональные отмычки, декодеры и пластилин для слепков. И краску из баллончика на глазок камеры наносит якобы рабочий, устраняющий утечку!– Более того, – добавил Максим, и его синие глаза азартно блеснули. – На чемоданчике есть круглая желтая наклейка. Фирменный стикер рок-фестиваля «Окна Открой» трехлетней давности. Мужик явно меломан. И по походке — правое плечо чуть опущено, шаг пружинящий, как у боксера. Он не одиночка, он вскрывает замки, запускает внутрь двоих «грузчиков» с рюкзаками, а сам страхует на лестнице.– Гениально, Алёнушкин, – Стас хлопнул ладонью по столу, чувствуя, как внутри все поет от восторга. – Ты просто чертов гений! Надо пробить по учетам ранее судимых «медвежатников» и форточников, кто сидел за кражи и увлекается тяжелой музыкой. Сейчас же подключим базу данных ИЦ!– Я пойду заберу свежие картотеки из архива, – Максим попытался подняться, но неловко задел раненым плечом спинку кресла. Лицо его побелело, он глухо охнул, хватаясь за край стола.Стас среагировал мгновенно. Майор подхватил его под здоровую руку, бережно поддерживая за талию, не давая осесть на пол:– Сиди! Куда ты дергаешься, ради бога?!– Нормально, нормально… – забормотал Максим, тяжело дыша и уткнувшись лбом в плечо Стаса. Майор почувствовал жар, исходивший от тела парня, и запах медицинского пластыря. – Просто шов потянуло. Я сам дойду, надо расходиться…– Я сказал — сидеть, – мягко, но властно приказал Стас, осторожно усаживая его обратно. – Картотеки в дежурке у дежурного следователя. Я сейчас спущусь на второй этаж и сам все заберу. А ты сиди смирно, пей кофе и дыши ровно. Понял меня?– Понял, командир, – слабо улыбнулся Максим, прижимая локоть к ребрам.Стас задержал на нем взгляд еще на пару секунд, проверяя, не кружится ли у Алёнушкина голова, и решительным шагом вышел из кабинета, притворив за собой дверь.***В полутемном коридоре третьего этажа было тихо. Охман ушел в курилку на черную лестницу, а Шапочкин скучал возле автомата с кофе.Старшина был взвинчен до предела. Он видел, как Богданов носится с этим новичком, как они вдвоем склоняются над монитором, как майор принес Алёнушкину дорогой кофе из пекарни. Зависть, черная, удушливая и гнилая, жгла Влада изнутри. Он, Шапочкин, отпахал в отделе четыре года, терпел разносы, грязь и копеечную зарплату, а этот купчинский увалень, переведенный за косяки, за два дня стал любимчиком лучшего опера района. И самое страшное — Шапочкин понимал, что Максим умнее. Намного умнее.Автомат с противным гудением выплюнул в пластиковый стаканчик порцию кипящего, дымящегося растворимого кофе. Шапочкин осторожно взял обжигающий стакан, подул на пенку и повернулся, собираясь идти в оперчасть.В этот момент из кабинета вышел Максим.Алёнушкин не послушал приказа майора. Сидеть на месте, пока Богданов бегает по этажам, ему претило купчинское воспитание. Он решил дойти до канцелярии сам, чтобы забрать распечатки по биллингам подозрительных телефонных номеров. Максим шел по коридору медленно, прижимая к груди здоровую правую руку с папкой, стараясь держаться ближе к стене, чтобы не тревожить разорванную ключицу.Увидев его, Шапочкин осклабился. В пустой голове старшины мгновенно созрел подлый, трусливый план. Вокруг никого не было. Стас внизу. Никаких свидетелей.– О, выполз, инвалид труда! – громко, с издевкой бросил Шапочкин, делая шаг навстречу. – Куда ковыляешь? До туалета проводить, а то штаны не удержишь одной рукой?Максим даже не поднял глаз. Он лишь чуть сдвинулся вправо, намереваясь молча обойти старшину по широкой дуге.– Пропусти, Шапочкин. Не до тебя сейчас, – глухо бросил Алёнушкин.– А если не пропущу? – прошипел Влад, в его глазах вспыхнул

злой, мстительный азарт. – Че ты мне сделаешь, колобок? Опять жаловаться побежишь?Когда Максим поравнялся с ним, Шапочкин резко, с подлым расчетом выбросил вперед ногу в тяжелом армейском ботинке, ставя жесткую подножку.Максим, не ожидавший такой откровенной низости на пустом месте и лишенный возможности нормально балансировать из-за прижатой к телу больной руки, споткнулся. Нога подвернулась на скользком казенном линолеуме, папка вылетела из пальцев, разлетаясь белыми листами по полу. Максим полетел вперед, инстинктивно выставив здоровую руку, но всем весом рухнул на левый бок, со страшной силой ударившись свежезашитым плечом о бетонный угол плинтуса.Дикая, нечеловеческая боль прошила тело раскаленной спицей. Из разорванной раны брызнуло горячим, повязка под свитером мгновенно намокла. Максим задохнулся, из его горла вырвался сухой, сдавленный стон, а перед глазами все вспыхнуло кроваво-красным туманом. Он скорчился на полу, прижимая плечо к груди, судорожно глотая воздух открытым ртом.Но Шапочкину этого показалось мало.– Ой, бля! Под ноги смотреть надо, урод! – с наигранным, визгливым испугом заорал старшина и с размаху, резко крутанув кистью, выплеснул полный стакан крутого кипятка прямо на лежащего Максима.Темная, дымящаяся жижа с температурой под сто градусов ударила Алёнушкину в шею, залила ключицу, грудь и тонкую трикотажную ткань свитера, мгновенно впитываясь и прилипая к обожженной, живой коже.Боль от кипятка наложилась на боль от разорванного огнестрельного шва. Максим выгнулся на полу, его пальцы впились в линолеум, сдирая ногти в кровь. Зубы сжались с такой силой, что по подбородку потекла тонкая струйка крови из прокушенной губы, но он не закричал. Лишь глухо, хрипло захрипел, утыкаясь лбом в грязный пол.Шапочкин стоял над ним, сжимая в руке смятый пустой стаканчик, и на его физиономии застыла смесь животного страха и омерзительного, садистского торжества:– Сам налетел, козел… Сам под ноги бросился…– ШАПОЧКИН, МАТЬ ТВОЮ!!!Рык, разорвавший тишину коридора, не был похож на человеческий голос. Это был рев раненого, обезумевшего от ярости зверя.Стас, поднимавшийся по лестнице с кипой папок в руках, замер на площадке третьего этажа ровно на одну секунду. Этой секунды хватило его острому аналитическому уму, чтобы зафиксировать всё: рассыпанные документы, пустой стаканчик в руке Шапочкина, пар, поднимающийся от свитера Максима, и самого Алёнушкина, лежащего на полу в луже кофе и собственной крови.В голове майора Богданова что-то с оглушительным, металлическим треском оборвалось. Все плотины, все сдержки, все офицерские уставы, субординация и отцовские наставления превратились в пепел за долю мгновения.Папки с грохотом полетели на ступени.Стас сорвался с места. Расстояние в десять метров он преодолел в три гигантских, стелющихся прыжка. Его светло-русые кудри разметались, лицо превратилось в белую, застывшую маску палача, а в голубых глазах бушевало черное, беспощадное пламя.Шапочкин успел лишь повернуть голову и вскинуть руки в защитном жесте.– Стас, я случайно…Договорить он не успел.Удар тяжелого кулака Богданова, в который майор вложил всю массу своего тренированного девяностокилограммового тела и всю накопившуюся ненависть, пришелся Шапочкину точно в челюсть. Раздался мокрый, страшный хруст ломающейся кости. Голова старшины мотнулась назад, брызнули выбитые зубы и кровавая слюна, и его тело, словно тряпичную куклу, оторвало от пола и швырнуло спиной на стену.Штукатурка осыпалась градом. Шапочкин сполз по стене, задыхаясь и пуская кровавые пузыри, но Стас не остановился.Майор шагнул вперед, схватил старшину за грудки обеими руками, с легкостью вздернул его на ноги и с размаху приложил затылком о стену еще раз.– Ты что сотворил, гнида?! – прошипел Стас. Голос майора вибрировал на низких, инфернальных частотах, от которых вибрировали стекла в дверях кабинетов. – Ты кого тронул, мразь?!– Стас… пусти… я не хотел… – сипел Шапочкин, захлебываясь кровью и пытаясь уцепиться ослабевшими пальцами за запястья Богданова.Стас ударил его еще раз — коротко, страшно, в печень. Шапочкин согнулся пополам, из его легких со свистом вылетел весь воздух. Богданов перехватил его за горло, впечатывая в дверной косяк, и его пальцы сжались на шее старшины железными тисками, перекрывая сонную артерию.– Ты

думал, я не знаю?! – бешеные голубые глаза Стаса буравили расширенные от смертного ужаса зрачки Шапочкина. Лицо майора было в сантиметре от лица старшины. – Ты думал, я пулю не нашел, тварь?! Девять на восемнадцать! Сверху вниз! В спину! Он тебя, падлу, от тюрьмы спас! Он имя бати моего от позора прикрыл, а ты на него кофе льешь, ублюдок?!Шапочкин хрипел, его лицо начало синеть, ноги судорожно засучили по полу. Он понял, что Богданов убьет его прямо здесь, в коридоре, и глазом не моргнет.Из кабинетов начали выскакивать ошалевшие сотрудники.– Стас, стой! – заорал выскочивший с лестницы Охман, бросаясь к напарнику, но тут же отшатнулся назад, наткнувшись на бешеный взгляд майора.– Назад, сука! Убью обоих! – рявкнул Стас, и Охман вжался в стену, подняв трясущиеся руки.– Стас…Тихий, слабый, хриплый голос донесся снизу.Стас на долю секунды замер.Максим, с трудом опираясь здоровой рукой о пол, приподнялся. Его свитер на груди дымился, кожа на шее покрылась багровыми волдырями ожога, из-под промокшей марли на левом плече сочилась свежая темная кровь. Но в затуманенных болью синих глазах не было злости. В них была тревога за Стаса.– Стас… отпусти его… – едва слышно прошептал Максим, сглатывая кровь с прокушенной губы. – Не марайся. Ты же… офицер. Пожалуйста.Слово «пожалуйста», сорвавшееся с губ этого несгибаемого парня, подействовало на Стаса как ведро ледяной воды.Пальцы майора медленно, неохотно разжались. Обмякшее тело Шапочкина мешком рухнуло на пол у стены. Старшина хрипел, кашлял, сплевывая кровь на линолеум, и скулил от боли в сломанной челюсти.Стас даже не посмотрел на него. Майор резко развернулся и упал на колени прямо перед Максимом, скользя джинсами по разлитому кофе.– Максим… – голос Стаса дрожал. Вся ярость, вся дикая агрессия испарилась, оставив после себя лишь жгучий, парализующий страх за человека, сидевшего перед ним. – Тише, тише, я держу…Богданов осторожно, стараясь не причинить лишней боли, обхватил Максима за спину, прижимая к себе. Пальцы майора мгновенно нащупали молнию на вороте свитера.– Надо снять. Он прилипнет к коже, твою мать… Потерпи, парень. Потерпи, родной.Стас резким движением рванул молнию вниз и осторожно стянул пропитанную горячей жижей шерсть со здорового плеча, обнажая грудь и шею. Кожа вокруг ключицы пылала малиновым пламенем ожога второй степени, а свежий послеоперационный шов разошелся на три сантиметра — капроновые нити не выдержали падения на бетонный угол, и кровь текла по ребрам густыми темными ручьями.Максим скрипнул зубами так, что свело скулы, его голова бессильно упала на плечо Стаса. Он тяжело, прерывисто дышал, обжигая шею майора своим горячим дыханием.– В оперчасть его! Живо! – рявкнул Стас застывшим в оцепенении операм. – Аптечку из дежурки! Пантенол от ожогов, перекись, бинты! Быстро, мать вашу, пока я вам головы не поотрывал!Двое молодых лейтенантов бросились исполнять приказ.Стас легко, словно Максим ничего не весил, подхватил сбитого парня на руки, бережно прижимая его здоровую сторону к своей груди, и понес в кабинет.Проходя мимо лежащего в крови Шапочкина, майор остановился на долю секунды. На лице Богданова застыло такое ледяное, окончательное презрение, от которого старшина зажмурился, вжимая голову в плечи.– Если ты через десять минут не исчезнешь из этого отдела навсегда, – негромко, страшно произнес Стас, – я лично отнесу пулю прокурору. И добавлю рапорт о нападении на сотрудника при исполнении. Ты сгниешь на зоне, Шапочкин. Пошел вон.***В кабинете оперов дверь была закрыта на ключ.Максим сидел на кожаном диване, обнаженный по пояс. Стас стоял перед ним на одном колене. Майор действовал с поразительной, несвойственной его взрывному характеру нежностью: аккуратно промокал кровь стерильными марлевыми салфетками, щедро заливал края разорванного шва перекисью водорода и наносил толстый слой белоснежной пены «Пантенола» на пылающие ожоги ключицы и шеи.Максим сидел неподвижно, лишь пальцы его правой руки судорожно сжимали кожаную обивку дивана при каждом прикосновении к ране. На его бледном лице блестели крупные капли холодного пота.– Больно? – тихо спросил Стас, поднимая глаза.– Жжет, – хрипло признался Максим, глядя на майора сквозь полуопущенные ресницы. – Но терпимо. Бывало хуже.– Ничего, сейчас обезбол вколю, отпустит, – Стас взял

ампулу с кеторолом, ловко сбил верхушку и набрал прозрачный раствор в одноразовый шприц. – Ты зачем под ноги ему полез, дурья твоя башка? Я же сказал: сиди в кабинете.– Не умею сидеть, – Максим слабо усмехнулся потрескавшимися губами. – Вы за картотеками пошли, а я в канцелярию…

Вне очереди

Глухой стук казенных дверей эхом разнесся по гулкому коридору третьего этажа. В воздухе еще стоял едкий запах пролитого кипятка, смешанный с железистым духом свежей крови и резким ментоловым ароматом противоожоговой мази.В кабинете оперов стояла тишина, нарушаемая лишь прерывистым дыханием Максима. Стас только успел зафиксировать тугую марлевую повязку на его левом плече и осторожно накинуть на бледные, вздрагивающие от озноба плечи младшего лейтенанта свою сухую форменную куртку, как в коридоре послышалась тяжелая поступь.Дверь распахнулась с таким грохотом, что жалобно звякнули стекла в старых оконных рамах.На пороге стоял Сергей Охман. Его круглое, лоснящееся лицо побагровело, редкие волосы на залысинах прилипли ко лбу, а маленькие заплывшие глазки горели неприкрытой, трусливой злобой. За его спиной, прижимая к разбитому лицу окровавленное полотенце и невнятно подвывая от боли в раздробленной челюсти, маячил Шапочкин.– Богданов! – задыхаясь, провизжал Охман, тыча толстым пальцем в сторону Стаса. – Ты… ты совсем берега попутал?! Ты кого калечишь, майор?! Полковник уже в курсе! Я лично доложил! Тебе конец, Стас! С тебя погоны сегодня же сорвут, зверюга!Стас даже не вздрогнул. Он медленно поднялся с колена, на котором сидел перед диваном, расправил широкие плечи и повернулся к дверям. Светло-русые кудри разметались по лбу, голубые глаза майора были абсолютно прозрачными, ледяными и пустыми, как зимняя гладь Невы. На костяшках его правой руки темнели свежие ссадины, с которых медленно капала сукровица.– Пошел вон, Охман, – негромко, почти шепотом произнес Стас. Но в этом шепоте было столько концентрированной, смертоносной силы, что старшина невольно отшатнулся назад, едва не сбив с ног стонущего за его спиной Шапочкина. – И урода своего забери. Пока я не вспомнил, что второй рукой еще не бил.– Ты мне не угрожай! – выкрикнул Охман из коридора, пятясь к лестнице. – Полковник тебя вызывает! Бегом в кабинет начальника! Живо!Стас на секунду прикрыл глаза, шумно выдохнул сквозь зубы и повернулся к Максиму.Алёнушкин сидел на диване, не шевелясь. Лицо его было серым от пережитой боли, на шее багровели волдыри от кипятка, но синие глаза смотрели на Богданова с глубокой, тревожной ясностью.– Стас… – негромко позвал Максим, с трудом шевеля пересохшими губами. – Не ходи на рожон. Скажи, что это была драка… Скажи, что Шапочкин первый полез.– Не учи ученого, лейтенант, – криво усмехнулся Стас, но в его голосе не было привычной насмешки — лишь глухая, свинцовая усталость. Он подошел, на секунду задержал ладонь на здоровом плече Максима, чуть сжав пальцы. – Сиди здесь. Врача из дежурки я уже вызвал, он сейчас поднимется, обезбол вколоть повторно. Никуда не дергайся.– Стас, он же тебя сожрет, – упрямо повторил Максим, пытаясь приподняться.– Пусть попробует, – Богданов мягко, но непреклонно толкнул его обратно на подушки дивана. – Я не из пугливых.Майор круто развернулся и вышел в коридор, хлопнув дверью.***В кабинете полковника Богданова можно было вешать топор. Воздух был раскален до предела, пахло валидолом и застарелым табачным перегаром. Владимир Александрович не сидел за столом — он мерил шагами пространство от сейфа до окна, заложив тяжелые кулаки за спину. Китель начальника отдела был расстегнут, галстук сбит набок, а седые виски взмокли от бешеного давления.Едва Стас переступил порог и закрыл за собой дверь, полковник резко затормозил. Его массивное, обветренное лицо потемнело от ярости.– Ты что натворил, скотина?! – рявкнул Богданов-старший с такой силой, что задрожали хрустальные подвески на старой люстре. – Ты кого избил?! Прямо на этаже, средь бела дня, при свидетелях! У Шапочкина открытый перелом челюсти со смещением! Сотрясение мозга! Он в травму уехал на «скорой», а Охман уже рапорт в прокуратуру строчит!Стас встал по стойке смирно у дверей. Взгляд майора был устремлен прямо перед собой, лицо окаменело, превратившись в бесстрастную маску.– Старшина Шапочкин совершил грубое дисциплинарное нарушение, повлекшее причинение вреда

здоровью сотрудника при исполнении, – ровным, казенным тоном отчеканил Стас. – Я пресек правонарушение.– Ты пресек?! – полковник подскочил к сыну, нависая над ним всей своей тяжелой фигурой. Их глаза оказались на одном уровне — одинаково синие, упрямые, яростные. – Ты ему морду в кашу превратил, майор! Ты старший группы! Ты офицер, черт бы тебя побрал, а ведешь себя как дворовый уголовник из Лиговских трущоб! Мне начглавка через пятнадцать минут звонить будет по квартирным кражам, а у меня в отделе опера друг другу зубы вышибают!Владимир Александрович тяжело, с присвистом задышал, сжимая и разжимая пудовые кулаки.– За что?! За какой хрен ты на него бросился?! Охман говорит, Шапочкин просто споткнулся с кофе! Случайность, несчастный случай!– Случайность? – Стас не выдержал. Ледяная броня дала трещину, в голосе майора зазвенело бешеное, клокочущее презрение. – Этот подонок поставил Алёнушкину подножку! Он намеренно плеснул в него кипятком! У парня шов разошелся, ожог второй степени на шее! Шапочкин — трусливая, завистливая гнида, и если бы я его не остановил, я бы его там на куски разорвал!– А ты кто такой, чтобы судить?! – перекрывая его слова, прогремел полковник. – Ты суд?! Ты трибунал?! Есть служебная проверка, есть рапорта, есть УСБ! Ты обязан был изолировать конфликт и доложить мне! А ты устроил показательную казнь! На глазах у всего управления!Полковник подошел к столу, опперся на него ладонями и заглянул сыну в лицо тяжелым, налитым свинцом взглядом:– Ты думаешь, если ты мой сын, тебе всё с рук сойдет? Думаешь, я тебя прикрывать буду перед главком?! Хрен тебе, Станислав! Я тридцать лет погоны ношу не для того, чтобы на старости лет меня собственный щенок в грязь втоптал!Стас стоял молча, не опуская подбородка. В груди жгло от несправедливости, но он не собирался раскрывать отцу главную тайну. Он не мог сказать: *«Батя, эта мразь стреляла Максиму в спину на товарных путях, а Максим соврал тебе, чтобы спасти твою шкуру и твою честь»*. Это значило бы перечеркнуть ту страшную жертву, которую Алёнушкин принес ради его семьи.– Молчишь? – горько усмехнулся полковник. – Правильно молчишь. Потому что крыть нечем. Превышение должностных полномочий с применением насилия. Чистая двести восемьдесят шестая статья. До десяти лет, между прочим.Владимир Александрович выпрямился, застегнул верхнюю пуговицу кителя и медленно, с расстановкой произнес:– Я не отдам тебя под следствие только по одной причине: отдел не должен стать посмешищем для города в разгар криминальной волны. Но спускать тебе это собачье бешенство я не намерен. С этого момента ты отстранен от оперативной работы до особого распоряжения. Дело по серийным кражам я передаю во вторую группу.Стас дернулся, словно от пощечины:– Батя… Алёнушкин уже нашел след газовщика! Мы почти вышли на группу!– Заткнись! – отрезал Богданов-старший. – Ты больше не опер, майор Богданов. Ты разнорабочий. В качестве дисциплинарного взыскания за рукоприкладство и дискредитацию звания офицера назначаю тебе двадцать нарядов вне очереди.Стас замер, не веря собственным ушам.Двадцать нарядов вне очереди для старшего оперуполномоченного, майора полиции — это было не просто наказание. Это было публичное, показательное унижение. Это значило сутками драить казенные коридоры, чистить загаженные до костей подвалы, разгружать уголь и песок во дворе РУВД, мыть автозаки и стоять на самых черных, собачьих постах, пока остальные работают по делам.– Вопросы есть, майор? – жестко спросил отец, глядя сыну прямо в глаза.Стас сжал челюсти так, что скрипнули зубы. В голубых глазах полыхнул дикий, неукротимый бунт, но майор усилием воли загнал его вглубь. Он вытянулся в струнку.– Никаких вопросов, товарищ полковник.– Приступать к исполнению немедленно, – приказал Богданов-старший, отворачиваясь к окну. – Начнешь с подвальных помещений и оружейного склада. Там после ремонта сорок тонн битого кирпича и пыли. И чтобы к утру архив и стрелковый тир блестели. Свободен.Стас четко развернулся через левое плечо, скрипнул подошвами ботинок и вышел из кабинета, не проронив больше ни звука.***Ночь над Московским районом опустилась черная, сырая и ледяная. Дождь перешел в мокрый, тяжелый снег, который лип к стеклам и мгновенно превращался на асфальте в серую жижу. Все сотрудники РУВД уже давно разошлись по домам,

в коридорах погасили основной свет, оставив лишь тусклые дежурные лампы, отбрасывавшие длинные, зловещие тени на облупленные стены.В подвале старого здания РУВД было холодно, пахло сыростью, машинным маслом, оружейным нагаром и вековой цементной пылью.Стас сбросил форменный китель, оставшись в одной черной обтягивающей футболке, промокшей от пота на груди и спине. Его светло-русые кудри совсем взмокли и прилипли ко лбу, на скуле темнела полоса строительной сажи, а ладони, сбитые в кровь о челюсть Шапочкина, саднили при каждом движении.Майор швырнул тяжелую совковую лопату в гору битого бетона и кирпичной крошки, оставшейся после перепланировки тира. Глухой металлический звон ударил по ушам. В углу уже стояло около тридцати набитых строительных мешков, каждый весом под сорок килограммов, которые нужно было на собственном горбу вытащить по узкой крутой лестнице во внутренний двор к мусорному контейнеру.Мышцы спины и плеч горели огнем, дыхание вырывалось из груди белесыми клубами пара. Но физическая боль была ничем по сравнению с тем, что творилось внутри.Стаса душила ярость. Не на отца — отца он где-то в глубине души понимал, полковник держал систему так, как умел. Майор бесился от собственного бессилия. Город задыхался от дерзких грабежей, наглый газовщик с чемоданчиком наверняка уже намечал следующую элитную сталинку, а он, лучший сыскарь района, перекидывает битый кирпич в промозглом подвале, словно штрафник на каторге.Богданов наклонился, ухватил мешок за завязанную горловину, рванул его вверх, забрасывая на широкое плечо, и сделал шаг к лестнице. Ноги гудели от усталости.– Тяжеловато для одного майора, не находите?Тихий, спокойный голос раздался из полумрака дверного проема.Стас резко замер, едва не выронив мешок. Он повернул голову.На нижней ступеньке лестницы стоял Максим Алёнушкин.Он был без куртки, в старом выцветшем темно-сером свитере с закатанным до локтя правым рукавом. Левая рука была аккуратно зафиксирована плотной косыночной повязкой через шею, прижимая предплечье к ребрам. Лицо Максима в тусклом свете одинокой подвальной лампочки казалось белым как мел, под глазами залегли глубокие тени, но синие глаза смотрели прямо, насмешливо и удивительно тепло. В здоровой правой руке он держал широкую швабру с грубым ворсом и оцинкованное ведро, доверху наполненное водой с хлоркой.– Ты… – Стас от неожиданности выронил мешок на бетонный пол. Тот глухо ухнул, подняв облако пыли. – Ты что здесь делаешь?!– Наряд вне очереди выполняю, товарищ майор, – невозмутимо отозвался Максим, спускаясь с последней ступеньки. Металлическое ведро глухо звякнуло о пол.– Ты с дуба рухнул, Алёнушкин?! – взревел Стас, шагнув к нему. Голубые глаза майора полыхнули искренним ужасом и бешенством. – У тебя огнестрел в плече! У тебя ожог второй степени! Тебя врач в больницу отправлял на повторную госпитализацию! Какого хрена ты здесь забыл в двачаса ночи?!– Не орите, командир, – спокойно оборвал его Максим, даже не поморщившись от командного баса майора. – Тут эхо такое, что дежурный на первом этаже проснется. В больницу я не поехал, отказную написал. Мне там тошно. А сюда пришел, потому что терпеть не могу, когда на нормальных людей чужое дерьмо вешают.– Пошел вон, – процедил Стас, нависая над ним. – Это приказ, лейтенант. Проваливай домой, в свое Купчино, ложись в кровать и не беси меня.– Не пойду, – Максим уперся взглядом в лицо Стаса. В этом коренастом, невысоком парне было столько несокрушимой, спокойной упертости, что сломать ее не смог бы и танковый батальон. – Вы из-за меня под раздачу попали. Шапочкину челюсть сломали из-за меня. И двадцать нарядов вам полковник впаял из-за меня. Я в сторонке стоять не привык, пока за меня другие горбатятся. Так что засуньте свои приказы в кобуру, майор. Официально я на больничном, значит, вашей субординации сейчас не подчиняюсь.Стас задохнулся от возмущения. Его властная, привыкшая к безоговорочному подчинению натура взбунтовалась, но слова застряли в горле.Майор смотрел на Максима — бледного, раненого, едва держащегося на ногах от действия обезболивающих и усталости, но пришедшего в этот сырой, ледяной подвал с ведром и шваброй просто потому, что его внутренний кодекс чести не позволял ему поступить иначе.Максим поставил ведро, здоровой рукой перехватил швабру и принялся

методично, аккуратно сгребать строительный мусор и пыль в ровные кучи у стены, освобождая проход к оружейным сейфам. Двигался он экономно, бережно прижимая больную сторону к корпусу, но каждый взмах черенка отзывался напряжением в мышцах шеи — Стас видел, как сжимаются челюсти Алёнушкина, как вздувается венка на его виске.И в этот момент у Стаса Богданова что-то с глухим, ноющим звуком оборвалось глубоко в груди.Это было странное, совершенно незнакомое чувство. Не просто благодарность. Не просто уважение к надежному боевому товарищу, готовому прикрыть спину.В груди майора разлилось горячее, острое, щемящее тепло, от которого перехватило дыхание и сжалось горло. Сердце забилось тяжело и гулко, отдаваясь в висках. Стас смотрел на короткий темный ежик волос Максима, на его широкие, сбитые плечи, на линию упрямой шеи, перечеркнутую белой марлей повязки, и чувствовал, как внутри него рушатся последние преграды.Этот парень, которого он еще сорок восемь часов назад считал сопливой обузой и навязанным блатным балластом, пророс в него намертво. Он вошел в его жизнь без стука, без просьб о снисхождении — с пулей в плече, со спокойной улыбкой и с той абсолютной, чистой верностью, о которой Стас раньше только в старых книгах читал.Стас медленно подошел к нему со спины.Майор осторожно, стараясь не напугать, протянул руку и перехватил деревянный черенок швабры чуть выше пальцев Максима. Его широкая, ссаженная ладонь на мгновение накрыла здоровую руку Алёнушкина. Кожа Максима была прохладной, но от нее исходило живое, пульсирующее тепло.Максим замер, подняв голову. Их глаза встретились в полумраке подвала.– Отдай, – негромко, хрипло сказал Стас. В его голосе не было и следа прежней командирской жесткости. Осталась только глухая, обнаженная нежность, которую майор уже не в силах был скрыть. – Швы разойдутся, дурак ты купчинский. Тебя же опять зашивать придется.– Не разойдутся, – тихо ответил Максим, но швабру не отпустил. Он смотрел на Стаса снизу вверх, и в глубине его синих глаз майор увидел то же самое: понимание. Чистое, без единого лишнего слова. Максим всё видел. Всё чувствовал.– Я сказал — отдай, – Стас мягко потянул инструмент на себя, отставляя его к стене. Затем майор, повинуясь какому-то неодолимому, слепому порыву, сделал полшага вперед, сократив расстояние между ними почти до нуля.Стас поднял руку и невероятно бережно, кончиками огрубевших пальцев, коснулся здоровой щеки Максима, стирая грязный след цементной пыли. Пальцы майора задержались на теплой коже чуть дольше, чем позволяли любые правила приличия, скользнули вниз по линии челюсти и замерли на здоровом плече.Максим не отстранился. Он лишь шумно, прерывисто вдохнул, его синие глаза потемнели, став почти черными в тусклом свете.– Зачем ты пришел, Макс? – тихо спросил Стас. Голос майора дрогнул на этом коротком имени, прозвучавшем как признание. – Зачем тебе всё это?Максим слабо, чуть виновато улыбнулся уголком губ.– А вы бы бросили? – спросил он в ответ. – Если бы меня вот так… в подвал сослали? За то, что я за вас заступился?Стас горько усмехнулся, покачав головой. Его светло-русые кудри упали на лоб:– Не бросил бы. Сгрыз бы любого, кто посмел бы.– Ну вот и не задавайте глупых вопросов, товарищ майор, – Максим осторожно, свободной рукой поправил ворот черной футболки Стаса, на секунду прижав ладонь к его груди — прямо туда, где бешено колотилось сердце. – Давайте работать. Вдвоем быстрее закончим. Мне еще надо успеть показать вам, что я по базам нарыл до того, как этот придурок с кипятком приперся.Стас удивленно вскинул брови:– Ты что-то нашел по газовщику?– Нашел, – в глазах Алёнушкина блеснул азартный сыщицкий огонек. – Но сначала — кирпичи. А то ваш батя утром придет с проверкой и расстреляет нас прямо у этой кучи.Стас не выдержал и тихо, хрипло рассмеялся — впервые за эти проклятые, тяжелые сутки. Напряжение, сжимавшее виски железными клещами, вдруг отпустило, растворилось в сыром подвальном воздухе.– Ладно, черт с тобой, напарник, – Богданов хлопнул его по здоровой руке. – Мешки таскаю я. Ты только веником пыль сметай и держи мешки открытыми, пока я лопатой кидаю. И если я увижу, что ты хоть раз левой рукой дернул — свяжу и брошу в оружейный сейф до утра. Усек?– Так точно, командир, – весело козырнул Максим здоровой рукой. – Усек.***Следующие три часа пролетели в тяже-

лой, монотонной, но удивительно слаженной работе.Они почти не разговаривали — в этом не было нужды. Стас мерно, мощными взмахами лопаты поддевал тяжелый бетонный лом и ссыпал его в мешки, которые Максим ловко придерживал одной рукой и коленом. Когда набирался очередной мешок, Стас завязывал его шпагатом, забрасывал на плечо и уносил наверх, во двор. Максим в это время широкими, размеренными движениями мыл пол, оттирая въевшуюся сажу и машинное масло оцинкованным ведром с хлоркой.В перерывах, когда мышцы майора начинали неметь от адской нагрузки, они садились прямо на деревянный ящик из-под патронов возле старой чугунной батареи. Батарея еле теплилась, но в углу было сухо.Стас достал из кармана куртки две шоколадки с орехами, припасенные еще со вчерашнего дня, и сломал одну пополам, протягивая Максиму:– Держи. Глюкоза для мозгов.Максим с благодарностью взял кусок, отправил в рот и блаженно прикрыл глаза:– Божественно. Лучше любого ресторанного десерта.– Ты в еде не привередливый, я погляжу, – усмехнулся Стас, жадно глотая холодную минералку из пластиковой бутылки. – В Купчино все такие неприхотливые?– В Купчино разные есть, – Максим улыбнулся, глядя на темные своды подвала. – Но меня Сергей Николаевич быстро отучил нос воротить. У него в доме дисциплина была почище, чем в казарме ВДВ. Гречка с тушенкой три раза в день, подъем в шесть утра, кросс по парку Интернационалистов в любую погоду. Если двойку в школе принес — двадцать отжиманий на кулаках на асфальте.Стас нахмурился, в его взгляде мелькнула тень сочувствия:– Батя говорил, Антонов мужик жесткий. Но чтоб настолько…– Он не жесткий, Стас. Он сломанный, – тихо, без тени злости произнес Максим. – Когда его напарника убили в девяносто шестом, а самого под пулеметную очередь бросили, в нем что-то перегорело. Он меня из детдома взял не ради отцовских чувств. Ему нужен был солдат. Тот, кого можно вымуштровать, сделать идеальным ментом, продолжением себя. Он пытался выбить из меня всё лишнее: музыку, стихи, мягкость…– Не выбил? – Стас заглянул ему в глаза.– Не выбил, – Максим открыто, спокойно встретил его взгляд. – Я рок свой в подвалах пел назло ему. На гитаре по ночам играл, пока он на сутках был. Детективы читал под одеялом с фонариком. Он бесился, орал, что я хлюпик и балласт. А когда я академию с отличием окончил и сам в убойный пошел — он даже на выпускной не пришел. Сказал: «Посмотрим, через сколько месяцев ты скурвишься или сбежишь».Стас почувствовал, как внутри поднимается глухая, защитная злость на этого далекого, деспотичного старика, который посмел ломать такого парня.– Дурак твой отчим, – отрезал Богданов. – Слепой старый дурак.Максим тихо усмехнулся:– Может быть. Но благодаря ему я научился держать удар. И пули не бояться.– Пули он не боится… – передразнил его Стас, но в голосе майора прозвучала такая щемящая теплота, что Максим невольно опустил глаза. – Ладно, философ купчинский. Рассказывай, что ты там по нашему газовщику раскопал. А то я от любопытства лопну.Максим оживился, достал из кармана сложенный вчетверо лист бумаги и развернул его на коленях:– Пока вы за картотеками ходили, я связался со своим старым приятелем из экспертно-криминалистического центра Центрального района. Попросил его прогнать по базе судимых всех «медвежатников», кто работал по сложным замкам и имел приводы за последние пять лет. Выкатили шестьдесят человек. Но когда я добавил фильтр: увлекается тяжелым роком, имеет татуировки с символикой групп или посещал фестивали — круг сузился до одного человека.Стас подался вперед, заглядывая в листок:– И кто он?– Сорокин Аркадий Павлович, сорок два года. Погремушка — «Артист». В девяностые и нулевые от звонка до звонка отмотал две ходки за квалифицированные квартирные кражи. Виртуозный взломщик, замки чувствует пальцами без всяких отмычек, на слух. Бывший клавишник какой-то питерской андеграундной рок-банды восьмидесятых, отсюда и кличка. Освободился полтора года назад по УДО.– И где он сейчас? – хищно прищурился Стас. Охотничий инстинкт майора вспыхнул с новой силой.– Официально работает сантехником в частной управляющей компании, которая обслуживает элитные дома на Московском и Ленинском проспектах, – Максим торжествующе посмотрел на Богданова. – Понимаете схему? Он имеет доступ к техническим помещениям, чердакам

и подвалам! Ему даже врать про газовую службу жильцам не надо — спецовка сантехника или электрика открывает любые двери! А наводки ему дает кто-то из диспетчеров, кто знает графики отпусков богатых жильцов.Стас хлопнул себя ладонью по колену:– Твою мать, Максим! Это же стопроцентное попадание!Майор вскочил на ноги, позабыв об усталости и боли в сбитых руках. Его светло-русые кудри взметнулись, в голубых глазах заплясал тот самый дикий, неудержимый огонь, за который его боялись бандиты всего города.– Мы возьмем его, Макс! Возьмем прямо на следующей точке! Он не успеет даже чемоданчик свой закрыть!– Кто «мы», майор? – с лукавой усмешкой напомнил Максим, поднимаясь следом. – Вы вообще-то отстранены. У вас двадцать нарядов вне очереди и сорок мешков кирпича во дворе.Стас замер, оглядев идеально чистый, выметенный и вымытый подвал. Кирпичи были убраны, пол блестел влажным бетоном, сейфы с оружием сияли в свете ламп.Богданов медленно повернулся к Максиму. На лице майора расплылась та самая, фирменная богдановская усмешка — дерзкая, бесшабашная и чертовски притягательная.– Наряды я до пяти утра закончу, – шагнув вплотную к Алёнушкину, произнес Стас. – А в восемь утра я лично положу эту распечатку на стол отцу. И плевать мне на его отстранение. Мы с тобой начали это дело — мы его и закроем. Вместе.Максим посмотрел на него, и в его синих глазах отразилась та же самая, безумная и верная решимость.– Вместе, командир.Они стояли посреди гулкого, пахнущего хлоркой подвала, два абсолютно разных человека, сведенных вместе чужой пулей, предательством и этим бесконечным серым городом.Стас не выдержал. Он протянул руку, обхватил Максима за затылок, зарывшись пальцами в его жесткий, темный короткий ежик волос, и мягко, но с огромной силой притянул к себе, упершись своим лбом в его лоб.Это не было уставным жестом. Это было чем-то неизмеримо большим.Максим затаил дыхание, чувствуя горячее дыхание Стаса на своих губах, запах его кожи, пропахшей дождем, металлом и порохом. Он не шелохнулся, лишь прикрыл глаза, доверчиво и полно отдаваясь этой странной, внезапно вспыхнувшей близости.– Спасибо тебе, Макс, – хрипло выдохнул Стас прямо ему в губы. – За всё спасибо.– Бросьте, майор, – едва слышно, с легкой дрожью в голосе отозвался Максим. – Служба такая.Стас медленно отпустил его, с трудом заставляя себя сделать шаг назад. В воздухе между ними словно натянулась невидимая, звенящая струна, готовая лопнуть от малейшего прикосновения.– Пошли наверх, – Богданов подхватил пустое ведро и швабру. – Чайник на плите в оперчасти согреем. У меня там заначка есть — пряники тульские. Ты пряники любишь?– Обожаю, – улыбнулся Максим, шагая вслед за ним по крутым ступеням подвальной лестницы. – Особенно с чаем.***Рассвет над Московским районом занимался медленно, неохотно пробиваясь сквозь серую пелену низких туч.Ровно в семь сорок пять утра тяжелые шаги полковника Богданова разорвали тишину коридора третьего этажа. Владимир Александрович шел с тяжелым сердцем. Всю ночь он не сомкнул глаз, ворочаясь на служебном диване, коря себя за излишнюю жестокость к сыну, но понимая, что иначе поступить не мог: дисциплина в отделе висела на волоске.Полковник толкнул дверь в кабинет оперов, ожидая увидеть пустую комнату или спящего на столе дежурного.Но картина, открывшаяся ему, заставила старого полковника застыть на пороге.В кабинете царил идеальный порядок. На столе майора аккуратной стопкой лежали журналы учета дежурств по подвалу и оружейной комнате — все двадцать пунктов наряда были закрыты четким, размашистым почерком Стаса с отметками о сдаче дежурному по РУВД.А на диване, привалившись плечом к плечу, спали двое.Максим Алёнушкин спал, откинув голову на спинку дивана, его здоровая рука лежала на коленях, а дыхание было глубоким и ровным. Рядом, вытянув длинные ноги и уронив светло-русую кудрявую голову на здоровое плечо Максима, спал Стас.

Взломщики чужих душ

Тяжелый скрип дверных петель прозвучал в утренней тишине кабинета громче оружейного затвора. Полковник Богданов замер на пороге. Сквозь пыльные жалюзи пробивался скупой, грязно-пепельный свет петербургского рассвета, ложась косыми полосами на заваленные бумагами столы, пустые чашки с засохшей кофейной каймой и на старый диван из потертого дерматина у стены. Владимир Александрович не шевелился целую минуту. Его тяжелое, изборожденное глубокими морщинами лицо оставалось непроницаемым, но под густыми седыми бровями застыл цепкий, сканирующий взгляд человека, отдавшего службе три десятка лет. Они спали глубоким, выматывающим сном людей, которые отдали физическим силам всё до последней капли. Максим Алёнушкин застыл, откинувшись на спинку дивана, вытянув ноги в тяжелых армейских ботинках. Его бледное лицо с коротким, взъерошенным темным ежиком волос казалось почти мальчишеским, если бы не жесткая складка у рта и белая косыночная повязка, туго фиксирующая поврежденное плечо. А рядом, вплотную, привалившись к его здоровому боку, спал Стас. Светло-русые кудри майора безнадежно спутались, разметавшись по темно-серому свитеру Максима. Широкая ладонь Стаса, покрытая ссадинами от вчерашней расправы над Шапочкиным, безвольно лежала на спинке дивана прямо за головой младшего лейтенанта, словно закрывая его от любой опасности даже во сне. На углу майорского стола лежала идеальная стопка документов: журналы учета дежурств по подвалу и оружейной, подписанные без единой помарки. Двадцать нарядов были закрыты за одну ночь. А поверх них лежал сложенный вчетверо лист с ориентировкой на Аркадия Сорокина по кличке Артист. Полковник медленно перевел взгляд с бумаг на спящих оперативников. В его груди шевельнулось что-то тяжелое, глухое — смесь отцовской боли, застарелой усталости и смутного, тревожного понимания, которому он пока боялся дать имя. Владимир Александрович сделал шаг вперед. Казенная подошва его форменного ботинка с сухим, отчетливым стуком опустилась на паркет. Реакция последовала мгновенно. Стас вскинулся первым: тело майора среагировало быстрее сонного разума. Он дернулся, рука рефлекторно метнулась к пустой поясной кобуре, синие глаза распахнулись — мутные, налитые кровью от недосыпа, но уже хищно фокусирующиеся на силуэте у двери. Он резко выпрямился, едва не задев подбородком висок Максима. – Батя?.. Алёнушкин открыл глаза на секунду позже. Никакой паники, никаких лишних движений. Он просто плавно подобрался, опперся здоровым локтем о валик дивана и сел прямо, тихо скрипнув зубами от резкого укола в раненом плече. Синие глаза младшего лейтенанта мгновенно стали ясными, словно он вовсе не спал на пыльном диване последние два часа. – Товарищ полковник, – сиплым спросонья, но абсолютно четким голосом произнес Максим. Владимир Александрович стоял посреди комнаты, заложив руки за спину. Ни один мускул на его массивном лице не дрогнул. Он словно не заметил, как секунду назад голова его сына покоилась на плече подчиненного, не заметил примятого дерматина и той странной, пугающей синхронности, с которой они оба вынырнули из небытия. – Докладывай, майор, – глухо, без тени эмоций приказал полковник, кивнув на лежащую на столе ориентировку. Стас тряхнул головой, прогоняя остатки сна, быстро провел ладонью по лицу и поднялся на ноги. Его высокий рост и широкие плечи заполнили пространство между столом и окном. – Наряды по тиру и оружейному складу закрыты, дежурный по части расписался, – быстро заговорил Стас, чеканя слова. – По серии квартирных краж вышли на конкретного исполнителя. Сорокин Аркадий Павлович, сорок два года, кличка Артист. Бывший виртуозный взломщик, судим. Работает сантехником в управляющей компании «Северный Квартал», обслуживающей элитные дома на Московском. В квартиры заходит под видом аварийщика или слесаря. Данные нашел Алёнушкин через свои каналы в экспертном центре. Полковник подошел к столу, взял в руки исписанный лист, пробежал глазами строчки с судимостями и адресами. Затем медленно поднял взгляд

на Максима: – Сам раскопал? – Сопоставил ориентировки и камеры, товарищ полковник, – ровно отозвался Максим, не вставая с дивана по молчаливому жесту старшего офицера. – У него на рабочем кейсе наклейка рок-фестиваля. Меломанов среди профессиональных «медвежатников» такого уровня в городе единицы. Сорокин подошел по всем маркерам. Владимир Александрович помолчал. В тишине кабинета было слышно, как за окном набирает силу промозглый ноябрьский ветер, гоня по проспекту ледяную крупу. – Вторая группа всю ночь рыла носом землю на Гагарина, – негромко произнес полковник. – Результат нулевой. Пустышка. В девять утра у меня совещание у начальника главка. Если мы не дадим результат до обеда, нас всех показательно выпорют и отдадут дело в городское управление. Богданов-старший бросил лист обратно на стол, повернулся к сыну и посмотрел ему прямо в глаза: – Отстранение от оперативной работы с тебя снято, майор. Условно. Бери Алёнушкина, бери свою колымагу и докажи, что вы оба не зря здесь штаны протираете. Возьмете Артиста с поличным — забуду про выбитую челюсть Шапочкина. Не возьмете — пойдете под суд оба. Свободны. Полковник резко развернулся и вышел, оставив за собой тяжелый сквозняк и запах крепкого табака. Стас медленно выдохнул, чувствуя, как внутри разжимается тугая пружина. Он посмотрел на Максима. Тот сидел на диване, чуть склонив голову набок, и на его бледных губах играла та самая, неубиваемая купчинская усмешка. – Ну что, командир? – весело спросил Максим. – Кажется, нас помиловали. – Нас не помиловали, Макс, – Стас схватил со спинки стула свою кожаную куртку и набросил ее на плечи. В глазах майора вспыхнул знакомый, азартный огонь. – Нам просто дали заряженный пистолет и одну попытку не прострелить себе ноги. Поднимай задницу. У нас максимум два часа, пока этот сантехник не ушел на очередной вызов. *** Черный «Форд Фокус» несся по мокрому серому асфальту Московского проспекта. Дворники с надрывным воем смахивали липкую снежную кашу. В салоне вкусно пахло свежим кофе из бумажных стаканчиков, которые Стас перехватил на заправке, и горячими пирожками с мясом. – Ешь, – скомандовал Стас, не отрывая взгляда от дороги. – Ты со вчерашнего дня на одних таблетках держишься. Зеленый весь, как болотная кочка. Максим послушно взял пирожок здоровой рукой, откусил и с явным удовольствием зажмурился: – С капустой вкуснее, но сойдет. Спасибо, Стас. – Пожалуйста, – хмыкнул майор. – Музыку включи. Вон ту кассету в бардачке возьми, черную. Максим открыл бардачок, достал старую кассету без подписи и щелкнул магнитолой. Через секунду салон наполнился тягучими, мистическими звуками бас-гитары и надломленным голосом Бутусова: «Прогулки по воде». Алёнушкин тихо хмыкнул и покачал головой в такт: – Классика. А я думал, вы только по жести вроде «Алисы» угораете. – «Наутилус» — это для мозгов, – отозвался Стас, ловко перестраиваясь через трамвайные пути. – Когда нужно картинку сложить, лучше них никто не пишет. Ты лучше жуй и слушай сюда. Богданов переключил передачу, и стрелка тахометра дернулась вверх. – Я пробил график работы аварийной службы этой управляйки. Сорокин заступает в смену в восемь тридцать утра на диспетчерском пункте на Варшавской. Но квартирные кражи происходили строго между одиннадцатью и часом дня. Почему? Максим дожевал, запил глотком обжигающего американо и прищурился, глядя на проносящиеся за окном сталинские фасады: – Потому что жильцы элитных домов к одиннадцати гарантированно разъезжаются: кто в офисы, кто по спа-салонам, а домработницы приходят либо рано утром, либо к вечеру. Но главное не это. Квартиры, которые он брал, были расположены в домах, где накануне объявляли о проверке вентиляции или отключении горячей воды. – В точку! – Стас азартно ударил ладонью по рулю. Его аналитический ум работал на полных оборотах, расставляя фигуры на невидимой доске. – Он сам эти объявления на подъездах и вешал! За день до взлома. Жильцы видят бумажку: «Внимание, плановый обход сантехника». На следующий день звонок в дверь. Если кто-то дома — он вежливо извиняется, крутит вентиль на батарее для вида и уходит. Если никого нет — достает свои отмычки, вскрывает замок за три минуты, забирает кэш и уходит через черный ход. – Значит, нужно узнать, где сегодня висит свежее объявление, – быстро подхватил мысль Максим. – Уже

узнал, – усмехнулся Стас. – Пока ты со шваброй в подвале развлекался, я через дежурного связался с главным инженером управляющей компании. Сегодня у них по графику только один проблемный объект — генеральский дом на углу Московского и Бассейной. Четырехкомнатная квартира на пятом этаже. Хозяин — крупный застройщик, позавчера улетел с семьей в Дубай на две недели. Заявка на проверку отопления поступила… от самого Сорокина. Якобы соседи снизу пожаловались на сырость по стояку. – Красиво работает, черт, – с профессиональным уважением протянул Максим. – Сам создал повод, сам пошел устранять. Стас мельком глянул на напарника. Поразительно. Еще двое суток назад он видел в этом плотно сбитом, круглоголовом парне ходячую проблему, обузу, которую навязал ему отец. А сейчас Богданов ловил себя на странном, пьянящем ощущении: рядом сидел человек, с которым не нужно было разжевывать каждую мысль. Максим схватывал логику расследования с полуслова, просчитывал варианты на два шага вперед, не скулил от боли в разорванном плече и не задавал идиотских вопросов. Он был дерзким, язвительным, но в этой его дерзости не было трусости или дешевого понта — была лишь спокойная, монолитная уверенность в себе. – Ты стрелять сегодня сможешь, если что? – прямо спросил Стас. – Правой рукой — без проблем, – Максим спокойно похлопал по куртке, под которой прятался табельный ПМ. – На тридцать метров в десятку положу. Но лучше без стрельбы, майор. Дом элитный, там у каждого второго жильца охрана с карабинами в машинах сидит. Начнем палить в подъезде — устроим Норд-Ост районного масштаба. – Согласен, – кивнул Стас. – Берем тихо. На месте преступления, прямо в дверях. *** Дом на углу Московского проспекта и Бассейной улицы выглядел как неприступная крепость сталинского ампира: гранитный цоколь, массивные лепные карнизы, тяжелые дубовые двери парадных со стеклянными витражами и тихий, закрытый двор со шлагбаумом. Стас припарковал «Форд» через дорогу, укрывшись за фургоном службы доставки. Часы на приборной панели показывали ровно десять сорок пять. – Вон он, – тихо произнес Максим, чуть подавшись вперед. Из служебного микроавтобуса с выцветшей надписью «Жилкомсервис», притормозившего у ворот двора, вышел мужчина. На вид ему было чуть за сорок: жилистый, среднего роста, в синей спецовке с потертыми светоотражающими полосами и темно-серой вязаной шапке, натянутой до самых бровей. В правой руке он нес знакомый металлический кейс для инструментов. Правое плечо мужчины было чуть опущено, походка — мягкая, пружинящая, словно он шел не по асфальту, а по канату. – Артист, – сквозь зубы процедил Стас. – Один к одному с картотекой. Сорокин уверенно набрал код на калитке, прошел во двор и скрылся в третьем подъезде. – Пошли, – Стас потянулся к ручке двери, но Максим вдруг перехватил его за рукав здоровой рукой. – Стойте, майор. Подождите. – Чего ждать?! – вскинулся Стас. – Он сейчас квартиру вскроет! – Вот именно — пусть начнет вскрывать! – с нажимом прошептал Максим. В его синих глазах блеснула лисья хитрость. – Если мы влетим в подъезд сейчас, он услышит шаги снизу, бросит отмычки на площадке и заявит, что просто звонил в дверь проверить трубы. За покушение на кражу ему дадут два года условно с учетом чистых документов, и он выйдет через полгода. Нам нужно взять его с поличным, когда декодер уже будет торчать в личинке замка! Стас замер, оценивая расклад. Аналитический ум майора мгновенно согласился с доводами Алёнушкина. – Ладно, черт с тобой. Две минуты даем ему подняться на пятый этаж. Но как мы зайдем? Если он работает со страховкой на лестнице, он нас засечет. – А мы пойдем не как опера, – Максим хитро прищурился, стягивая свою косыночную повязку и пряча ее в карман куртки. – Вы — злой хозяин соседней квартиры, который спускается вниз выгуливать собаку или ругаться на шум. А я… я буду пьяным рокером, который перепутал этажи. Стас уставился на него с немой смесью шока и восхищения: – Ты серьезно? – Абсолютно, – ухмыльнулся Максим. – Он бывший музыкант. На подсознании он не воспримет пьяного пацана с похмелья как угрозу. Главное — выиграть те самые две секунды, чтобы он не успел выдернуть инструмент из замка. Доверьтесь мне, командир. Стас посмотрел на него долгим, тяжелым взглядом, затем коротко усмехнулся и покачал головой: – Ты ненормальный,

Алёнушкин. Но план принимается. Пошли. *** Парадная встретила их гулким эхом, запахом дорогого парфюма жильцов и старинной лепниной на лестничных маршах. Лифт вызывать не стали — старая шахта заскрипела бы на весь подъезд. Они поднимались пешком, бесшумно ступая по ковровым дорожкам, покрывавшим мраморные ступени. На площадке четвертого этажа Стас прижался спиной к стене, достав табельный ПМ и сняв его с предохранителя. Выше, на пятом этаже, стояла абсолютная, противоестественная тишина, сквозь которую едва различимо пробивался тонкий, ритмичный металлический щелчок. *Клик. Клик. Шуршание.* Артист работал над сложнейшим итальянским замком «Mottura». Максим подмигнул Стасу, взъерошил здоровой рукой свой темный ежик волос, расстегнул куртку на две пуговицы, придавая себе максимально разболтанный вид, и, громко топая ботинками, шагнул на лестничный пролет пятого этажа. – «Группа крови на рукаве-е-е…» – заплетающимся, хриплым, фальшивым баритоном затянул Максим, нарочито громко спотыкаясь о ступеньку. – «Мой порядковый номер на рукаве-е-е…» Слышь, братан, а шестнадцатая квартира здесь, не?.. Металлические щелчки наверху мгновенно прекратились. Сорокин замер у массивной дубовой двери квартиры 18. В правой руке он сжимал тонкую никелированную спицу декодера, глубоко утопленную в замочную скважину, левая рука придерживала вороток. Чемоданчик с инструментами стоял у его ног открытым — внутри на бархатной подкладке блестели десятки отмычек, пластин и магнитных сканеров. Взломщик медленно повернул голову. Его глаза под шапкой сузились, превратившись в две ледяные щели. Он мгновенно оценил вошедшего: невысокий, сбитый парень, слегка помятый, идет нетвердой походкой, левая рука прижата к карману, взгляд полусонный. – Ошибся, парень, – глухо, с хрипотцой бросил Сорокин, не вынимая спицу, надеясь, что незваный гость сейчас уйдет. – Шестнадцатая на третьем этаже. Вали отсюда. – Да ладно тебе, командир, че ты злой такой? – Максим сделал еще два нетвердых шага, сокращая дистанцию до трех метров. Его синие глаза скользнули по наклейке на чемоданчике. – Опа! «Окна Открой» две тысячи двадцатого! Ты там был, что ли? Я там с пацанами в слэме всю морду разбил под «Пилот»! Сорокин на долю секунды ослабил бдительность. Знакомое название старого рок-фестиваля рефлекторно зацепило профессиональную гордость старого музыканта: – Был. Иди давай, не мешай аварии… Слово «авария» застряло у него в глотке. В этот момент пьяная расслабленность Максима слетела, как осенний лист под ураганом. Его тело спружинило с невероятной, звериной резкостью. Не обращая внимания на адскую боль в левом плече, Алёнушкин в один мощный прыжок преодолел разделявшее их расстояние и правой рукой намертво впечатал кисть Сорокина вместе с торчащей из замка отмычкой прямо в массивную дубовую дверь! – Стоять, сука! Полиция! – рявкнул Максим, прижимая взломщика к косяку всем корпусом. – Ах ты падла! – взревел Артист. Опыт десятков тюремных драк сработал мгновенно: Сорокин свободной левой рукой выхватил из раскрытого чемодана тяжелый полуторакилограммовый разводной ключ и с размаху, целясь в висок Максиму, нанес страшный круговой удар. Но удар не дошел до цели. Из-за угла лестничной клетки метнулась тень. Стас Богданов взлетел на площадку в одно неуловимое движение. Майор не стал стрелять — в замкнутом пространстве пуля дала бы рикошет. Он перехватил летящую руку с ключом на излете, выкрутил запястье Сорокина так, что сухожилия хрустнули, и с размаху впечатал лицо рецидивиста в гранитную плитку стены. Раздался глухой удар, брызнула кровь из разбитого носа Артиста. Разводной ключ с грохотом полетел на пол. – Лежать, тварь! – гаркнул Стас, заламывая вторую руку преступника за спину и наступая тяжелым ботинком ему на голень. Щелкнули стальные браслеты наручников. – Дёрнешься — башку отстрелю! Сорокин захрипел, уткнувшись лицом в пол, и сплюнул сгусток крови: – Менты… суки… Как вы меня срисовали?.. – По музыке, Артист, – тяжело дыша, произнес Максим, опускаясь на колено рядом и осторожно придерживая разболевшееся плечо. На лице Алёнушкина снова цвела спокойная, победная улыбка. – Вкус у тебя хороший. А вот бдительность хромает. Стас поднял голову. Его светло-русые кудри промокли от пота, голубые глаза сияли бешеным, диким триумфом. Он

посмотрел на торчащую в замке отмычку, на раскрытый кейс с инструментами, на скованного рецидивиста — чистейшая тридцатая статья через сто пятьдесят восьмую, с поличным, без единого шанса для адвокатов. Затем майор перевел взгляд на Максима. Тот сидел на корточках, тяжело переводя дух, бледный, но живой, целый и абсолютно счастливый. Стас почувствовал, как сердце внутри делает мощный, пьянящий кульбит. Он шагнул к Максиму, протянул руку, помогая подняться, и когда Алёнушкин встал на ноги, майор с силой, не сдержавшись, притянул его к себе за здоровое плечо, хлопнув по спине: – Сработали, парень. Сработали! Максим уткнулся лбом в кожаную куртку Стаса, ощущая тепло его тела и бешеный стук его сердца, и тихо, хрипло рассмеялся: – А вы сомневались, товарищ майор? – Ни секунды, Макс, – выдохнул Стас, заглядывая в его синие глаза так близко, что их дыхание снова смешалось. – Ни единой чертовой секунды. *** Возвращение в Московское РУВД напоминало триумфальный марш. Новость о том, что отстраненный майор Богданов и раненый новичок Алёнушкин вдвоем, без группы захвата, взяли неуловимого газовщика-Артиста прямо у дверей квартиры крупного застройщика, разнеслась по отделу со скоростью лесного пожара. В дежурной части стоял гул. Опера высыпали в коридор, следователи бросали ручки, глядя, как Стас и Максим ведут в наручниках матерого рецидивиста с разбитым носом. Следом за ними дежурный лейтенант тащил опечатанный металлический кейс с десятками сложнейших отмычек и протоколом изъятия. В углу коридора, возле злополучного кофейного автомата, стоял Охман. Лицо старшины было серым, дряблые щеки мелко подрагивали. Он смотрел на Максима так, словно увидел восставшего из мертвых. Шапочкина в отделе не было — тот валялся в челюстно-лицевой хирургии со сломанной челюстью, но Охман прекрасно понимал: теперь их песенка спета. Авторитет Стаса и его нового напарника после этого задержания стал абсолютным, непререкаемым. Максим прошел мимо Охмана, даже не повернув головы. Он держался прямо, спокойно, как человек, сделавший свою тяжелую мужскую работу и не нуждающийся в чужих аплодисментах. – Богданов! – раздался с конца коридора громовой голос. Все мгновенно притихли. У дверей своего кабинета стоял полковник Богданов. Китель застегнут на все пуговицы, руки скрещены на широкой груди, взгляд тяжелый, непроницаемый. Он окинул взглядом задержанного Сорокина, опечатанный чемодан и двоих своих оперативников. – Оформить в ИВС, – коротко приказал полковник дежурному следователю. – Материалы дела подготовить к двум часам, лично повезу в главк на доклад генералу. – Есть, товарищ полковник! – козырнул следователь, уводя понурого Артиста по коридору. Владимир Александрович задержал взгляд на сыне, затем перевел его на Максима. На секунду в глазах старого волка промелькнула едва заметная, глубоко скрытая гордость, но голос прозвучал сухо и строго: – Алёнушкин. – Я, товарищ полковник, – отозвался Максим. – В санчасть. Немедленно. Пусть фельдшер обработает ожоги и заново перевяжет плечо. Если к вечеру поднимется температура — лично отправлю в госпиталь под конвоем. Свободен. – Есть в санчасть, – Максим козырнул здоровой рукой, бросил быстрый, теплый взгляд на Стаса и неторопливо зашагал в сторону лестницы. Полковник проводил его взглядом, затем повернулся к сыну: – А ты, майор, зайди ко мне. Разговор есть. *** Дверь кабинета начальника убойного отдела закрылась с глухим щелчком. Стас остался стоять у порога, не снимая расстегнутой куртки. Его светло-русые кудри все еще были в живописном беспорядке, на щеке алела царапина, полученная во время захвата, но синие глаза горели спокойной, взрослой уверенностью. Он больше не чувствовал себя провинившимся пацаном. Сегодня они доказали всё. Полковник медленно подошел к окну, отодвинул тяжелую портьеру и несколько секунд молча смотрел на серые крыши Петербурга. Затем подошел к сейфу, достал пузатую бутылку коньяка и два толстостенных граненых стакана. Плеснул на два пальца в каждый. Один стакан он молча пододвинул сыну по полированной столешнице. – Пей, – коротко бросил Владимир Александрович. Стас подошел к столу, взял стакан, но пить не спешил: – Служебное время, товарищ полковник. – Заткнись, Стас, – устало, без злобы произнес отец. – Пей. Заслужил. Главк уже на ушах стоит. Генерал лично звонил, сказал: дырки в

погонах крутить пока рано, но министерскую премию отделу выпишут. Серию закрыли чисто. Комар носа не подточит. Стас опрокинул коньяк в горло. Обжигающая жидкость прокатилась по пищеводу, смывая привкус адреналина, цементной пыли и ночного недосыпа. Отец выпил свой стакан залпом, крякнул и тяжело опустился в кресло. – С Шапочкиным я вопрос закрыл, – негромко заговорил полковник, глядя на свои сцепленные в замок пальцы. – Утром ко мне его мамаша прибегала, визжала про прокуратуру. Я ей положил на стол заключение баллистической экспертизы из двадцать шестой больницы. Стас вздрогнул, вскинув глаза на отца: – Ты… ты знал? – Я начальник отдела, Станислав, – Богданов-старший поднял на сына тяжелый, все понимающий взгляд. – Я этот район знаю тридцать лет. Ты думал, хирург тебе пулю отдал и мне не доложил? Мы с Петром Сергеевичем еще в Афгане спирт из одной фляжки пили. Он мне сразу позвонил, как операцию закончил. В кабинете повисла гулкая, напряженная тишина. – Шапочкин написал рапорт по собственному желанию, – продолжил отец. – Задним числом. С волчьим билетом пойдет на гражданку, пусть радуется, что под трибунал не пошел. Охман переводится участковым в Колпино с понижением в звании. Гниль из отдела я вычистил. Стас молчал, чувствуя, как внутри ворочается тяжелый ком. – Почему ты мне не сказал, Стас? – тихо, с неподдельной болью в голосе спросил полковник. – Почему ты позволил мне орать на тебя? Позволил мне повесить на тебя эти чертовы наряды? Почему не сказал, что Шапочкин стрелял в спину своему же?! Стас сжал пальцы на пустом стакане так, что стекло жалобно скрипнуло. – Потому что Максим попросил, – твердо ответил майор. – Он сказал: если поднимется шум, снимут тебя. Генерал спишет тебя на пенсию, отдел расформируют. Алёнушкин взял всё на себя, батя. Он соврал тебе в лицо, стерпел твой строгач, лишился премии — только чтобы прикрыть твою спину. И мою тоже. Владимир Александрович тяжело закрыл глаза. На его висках отчетливо проступили серые вены. Старый полковник медленно покачал головой: – Серега Антонов воспитал железного волчонка. Жестокий он мужик, Серега… Сколько раз я ему говорил: нельзя с пацаном как на плацу. А он всё свое гнул: «Либо сломается, либо станет кремнем». Не сломался. Кремень. Полковник открыл глаза и посмотрел на сына долгим, пронзительным взглядом. В этом взгляде не было командира — был только отец, знающий своего единственного сына до последней косточки. – Я утром заходил в кабинет оперов, Стас. Сердце майора пропустило глухой, тяжелый удар. – Я видел, как вы спали, – голос полковника звучал пугающе тихо, разрезая тишину кабинета. – Видел, как он к тебе прижался. И как ты его держал. Стас не отвел взгляда. Его голубые глаза стали ледяными, челюсти сжались. Майор приготовился к чему угодно: к скандалу, к обвинениям, к угрозам вышвырнуть из органов. Он не собирался оправдываться или лгать. Не перед отцом. Не после того, что произошло за эти трое суток. – И что? – глухо, с вызовом спросил Стас. Владимир Александрович долго молчал. Он смотрел на взъерошенные кудри сына, на сбитые костяшки его пальцев, на упрямую морщину между бровей — точно такую же, как у покойной матери Стаса. – А то, Станислав, – полковник тяжело вздохнул, оперевшись локтями о стол. – Что я тебя знаю. Ты тридцать лет живешь как на пороховой бочке. Всегда один. Всегда вперед паровоза. Женщины у тебя не держались больше месяца — орали, что ты на службе женат. Друзей настоящих не было — только сослуживцы, которые тебе в рот смотрели. Ты никого к себе близко не подпускал. Слишком гордый. Слишком колючий. Отец сделал паузу, заглядывая сыну в самую душу: – А за этого парня ты готов был Шапочкина голыми руками разорвать прямо на этаже. Ты ради него всю ночь в подвале лопатой махал. И сегодня… я видел, как ты на него смотришь. Как на икону. – Батя, прекрати… – сквозь зубы процедил Стас, чувствуя, как краска заливает шею. – Молчи и слушай, майор! – в голосе полковника снова звякнула командирская сталь, но в ней не было злобы — была безмерная отцовская тревога. – Мне плевать, что там у вас в головах крутится. Мы не в Голливуде живем, а в Питере, в убойном отделе. Здесь за такие взгляды сожрут живьем, не подавятся. Служба ошибок не прощает. Если кто-то из главка или УСБ хоть

краем глаза зацепит то, что увидел я — вас обоих закопают так глубоко, что никакие раскрытые серии не помогут. Ты это понимаешь своими кудрявыми мозгами?!

Книги мёртвых и живых

Стылый ноябрьский воздух пах мокрым гранитом, подмерзающей грязью и выхлопами бесконечной пробки на Московском проспекте. За окнами третьего этажа РУВД висела привычная свинцовая хмарь, сквозь которую солнце не могло пробиться уже третью неделю. В кабинете оперов тихо шуршал старенький чайник. Стас Богданов сидел за своим столом, закинув длинные ноги в тяжелых ботинках на нижнюю полку сейфа, и вертел в пальцах незажженную сигарету. Курить он ненавидел, дым терпеть не мог с юности, но старая привычка крутить что-то в руках во время работы мысли помогала сосредоточиться лучше любых новомодных четок. Напротив, склонившись над кипой ориентировок, сидел Максим. Стас невольно поймал себя на том, что разглядывает напарника дольше, чем позволял устав. За прошедшие семь дней Алёнушкин заметно ожил: землистая больничная бледность уступила место нормальному цвету лица, короткий темный ежик волос был аккуратно подровнен, а тугую косыночную повязку с левой руки он вчера демонстративно снял и выбросил в мусорную корзину. Швы на ключице затянулись, ожоги от кипятка на шее превратились в розоватые пятна новой кожи. Максим уже свободно двигал плечом, хотя при резких поворотах корпуса все еще едва заметно прищуривался, пряча боль глубоко в себе. И черт возьми, Стаса это радовало. Безумно, до щемящего тепла где-то под ребрами радовало. Видеть его снова в строю, живого, спокойного, с этой его невозмутимой купчинской уверенностью, было лучшим, что случилось с майором за весь этот паршивый осенний месяц. – Перестань пялиться, командир, – не поднимая головы от протокола, негромко произнес Максим. В его голосе скользнула едва уловимая насмешка. – Дырку во мне прожжешь. – Много чести — пялиться на тебя, – фыркнул Стас, бросив сигарету в пепельницу. Майор спустил ноги на пол и подался вперед, уперев локти в стол. – Рука как? Честно говори. Если на выезде начнешь сопли на кулак наматывать, я тебя в машине наручниками к ручке пристегну. Максим поднял глаза. Чистая, прозрачная синева его взгляда встретилась с голубыми глазами майора. – Не начну. Мышца держит, синовит ушел. Я вчера в зале полтинник от груди пожал одной правой, а левой двадцать килограммов протянул. Для задержания хватит. – Герой, мать твою, – покачал головой Стас, но в уголках его губ дрогнула теплая улыбка. – Ладно. Что у нас там по макулатуре? Максим разложил перед собой три тонкие картонные папки со штампами разных отделов города: Адмиралтейского, Центрального и их родного, Московского. Новое дело свалилось на них сегодня утром, прямо с генеральского стола. Город накрыла серия весьма странных, почти театральных налетов. Кто-то методично потрошил закрытые антикварные лавки, букинистические салоны и частные книжные хранилища. Но если обычные налетчики выносили серебро, монеты эпохи Николая II, ордена или редкие золотые табакерки, то этот неуловимый гость действовал по абсолютно бредовой логике. – В ночь на четверг — лавка «Старый свиток» на Гороховой, – начал перечислять Максим, постукивая шариковой ручкой по бумаге. – Замки вскрыты отмычками, сигнализация заглушена частотным сканером. Сейф с наличкой не тронут. Витрина с золотыми карманными часами «Брегет» цела. Пропали: трактат французского оккультиста Элифаса Леви издания тысяча восемьсот девяносто шестого года и рукописный дневник розенкрейцеров начала девятнадцатого века. – Настоящие чернокнижники в городе объявились, – хмыкнул Стас. В его глазах блеснул неподдельный азарт. Мистику и старинные тайны Богданов любил с детства, перечитав в свое время всю классику от Эдгара По до Лавкрафта. – Дальше что? – В ночь на субботу — частная букинистическая галерея на Загородном, – продолжил Максим, и на его круглом лице проступила та самая сосредоточенность, которая так нравилась Стасу. – Унесли три тома «Каббалы» на латыни с гравюрами семнадцатого века и старинный немецкий травник с заклинаниями против мора. Стоимость по каталогам Сотбис — как чугунный мост через Неву, но продать такое легально на антикварном рынке Петербурга невозможно.

Это штучный товар. Музеи и частные коллекционеры сразу маякнут в Интерпол. – А сегодня ночью вскрыли лавку древностей на Московском, прямо у нас под носом, возле парка Победы, – закончил за него Стас, ткнув пальцем в свежую сводку. – И снова: касса на месте, старинные иконы в серебряных окладах не тронуты. Утащили масонский уставник Павла Первого и книгу по ритуальной демонологии. Стас встал из-за стола, подошел к магнитной доске и прикрепил к ней фотографии мест преступлений. – Значит так, лейтенант. Давай включать мозги. Для обычных воров этот хабар — чистый геморрой. Сбыть сложно, риск огромный. Для наркоманов — слишком ювелирная работа по замкам. Здесь работает профи высшей пробы, но по конкретному заказу. – Либо фанатик, – тихо добавил Максим. Стас обернулся, удивленно приподняв бровь: – В каком смысле? – В прямом, – Максим встал, подошел к доске и встал плечом к плечу со Стасом. От Алёнушкина тонко пахло свежим мылом и легким хвойным одеколоном — запахом простым, мужским и необъяснимо уютным. – Я в академии факультативом изучал деструктивные культы и психологию сектантства. Посмотрите на выборку книг. Леви, розенкрейцеры, демонология, ритуалы перехода. Это не случайный набор раритетов для интерьера на даче олигарха. Человек, который это заказывает или ворует сам, искренне верит, что собирает ритуальный круг. Он ищет конкретный текст. Инструкцию. Стас посмотрел на Максима с искренним восторгом: – Ты меня продолжаешь удивлять, Алёнушкин. То купчинский рукопашник, то эксперт по черной магии. Откуда такие познания? – Рок-музыка, командир, – чуть усмехнулся Максим. – В моей группе половина текстов была замешана на средневековой мистике. Пока тексты писал — в Публичке дневал и ночевал. Так что я эту публику нутром чую. – Ладно, чернокнижник, – Стас хлопнул его по здоровому правому плечу. – Батя подписал постановление на отработку круга лиц. Нам скинули картотеку по нашему району: антиквары с судимостями, скупщики краденого и бывшие «книжники». Всего восемь адресов. Поехали, пока этот сектант не принес кого-нибудь в жертву на стрелке Васильевского острова. – Форд на ходу? – уточнил Максим, натягивая плотную темную куртку. – Как часы, – подмигнул Стас. – Дырки от пуль на капоте я вчера зашпаклевал и баллончиком задул. Почти незаметно.

***

Весь день прошел в бесконечной, изматывающей ментовской круговерти. Они колесили по промозглым улицам Московского района, петляя между серыми громадами сталинских домов и хрущевскими кварталами. Стас вел уверенно, агрессивно вклиниваясь в потоки машин, а из колонок «Форда» на всю мощь орал нестареющий «Пикник» — шаманские, гипнотические риффы Эдмунда Шклярского идеально ложились на тему их расследования. Максим не просил сделать потише; напротив, он постукивал пальцами по приборной панели в такт барабанам, иногда тихо подпевая про фиолетово-черный цвет и мракобесие. Первые четыре адреса дали глухой ноль. Один старый скупщик на Варшавской спился до белой горячки и не мог вспомнить собственный день рождения, не то что оккультные гримуары. Владелец букинистического подвальчика на Бассейной клялся всеми святыми, что завязал еще в девяносто восьмом и теперь торгует исключительно советскими собраниями сочинений Дюма и Жюля Верна. Еще двое фигурантов давно переехали в спальные районы на север города. К четырем часам дня сумерки в Петербурге уже окончательно сгустились, сменившись вязкой, сырой темнотой. – Остался один адрес по нашему квадрату, – сказал Максим, сверяясь с планшетом, пока «Форд» стоял на светофоре у площади Братьев Стругацких. – Улица Типанова, дом сорок два. Квартира семнадцать. Некто Грачев Игорь Семенович, сорок восемь лет. В середине нулевых привлекался за кражу редких рукописей из архива Академии наук. Получил три года условно. По оперативным данным, до сих пор крутится вокруг антикварных барыг, выполняет роль оценщика и наводчика. – Знакомая фамилия, – нахмурился Стас, поворачивая во дворы. – Кажется, его фамилия всплывала в старых делах по контрабанде икон. Ладно, потрясем гражданина Грачева. Дом оказался типичной пятиэтажной «брежневкой» из серого силикатного кирпича, зажатой между новостройками и пустырем. Двор был темным, единственный фонарь

над помойкой тускло мигал, освещая раскисшую глину и ржавые остовы детских качелей. Стас заглушил двигатель. В салоне повисла тишина, нарушаемая лишь потрескиванием остывающего мотора. – Оружие проверь, – негромко бросил Богданов, снимая свой ПМ с пояса и привычным движением передергивая затвор, загоняя патрон в патронник, после чего мягко поставил пистолет на предохранитель. Максим проделал ту же операцию со своим табельным оружием: четко, без суеты, одной правой рукой. – Готов, командир. – Работаем по классике, – Стас посмотрел на него, и в полумраке салона его голубые глаза блеснули жестким светом. – Я захожу первым, опрашиваю. Ты страхуешь в коридоре, прикрываешь спину. Никаких резких движений. Если Грачев чист — берем расписку и едем в отдел ужинать. Я шаверму на Московском знаю, пальчики оближешь. – Договорились, – улыбнулся Максим. – Только без лука. Они вышли из машины. Холодный ветер мгновенно ударил в лицо, заставив поднять воротники. Поднявшись на второй этаж по заплеванной окурками лестнице, оперативники остановились у старой деревянной двери, обитой рваным коричневым дерматином, из-под которого клочьями торчал серый поролон. Звонок был вырван с мясом, из стены сиротливо торчали два оголенных провода. Стас трижды тяжело постучал костяшками пальцев в дерево: – Полиция. Грачев, открой. Разговор есть. За дверью послышался невнятный шорох, затем звук упавшего предмета — словно кто-то второпях задел стопку книг или посуду. Стас насторожился, его тело мгновенно подобралось, принимая боевую стойку. Майор толкнул дверь ладонью — она неожиданно подалась с глухим скрипом. Замок был открыт, защелка не сработала. – Нехорошо, – шепнул Стас через плечо. – Входим. Богданов плавно извлек пистолет, держа его стволом в пол, и шагнул в темную прихожую. Максим бесшумной тенью скользнул следом, прикрывая тыл и перекрывая входную дверь. В квартире стоял тяжелый, затхлый запах: смесь дешевого табака, сухой бумажной пыли, валерьянки и… свежего парафина. В узком коридоре горела тусклая сорокаваттная лампочка, едва разгонявшая мрак. Под ногами скрипели старые газеты. Справа виднелась кухня, где капала вода в раковине, прямо по курсу — единственная жилая комната, заставленная до самого потолка стеллажами со старыми книгами. – Грачев! – громко окликнул Стас, проходя вглубь комнаты. – Полиция Московского района. Выходи, иначе хуже будет. В комнате никого не было. На массивном круглом столе горели три толстые восковые свечи, стоявшие прямо на перевернутых блюдцах. Между ними лежали раскрытые старинные фолианты в тяжелых кожаных переплетах с медными застежками. Те самые книги из «Старого свитка». На желтоватых страницах мерцали черные гравюры с очертаниями средневековых демонов и каббалистические круги. – Твою мать… – выдохнул Стас, опуская ствол. Острый сыщицкий азарт мгновенно заслонил осторожность. – Алёнушкин, смотри! Они здесь! Он их даже спрятать не успел! Максим стоял в дверном проеме комнаты, внимательно сканируя взглядом пространство. Его цепкий, натренированный взгляд скользил по теням. Что-то в этой комнате было не так. Свечи горели ровно, воск едва успел оплавиться — значит, их зажгли буквально пять минут назад. Чашка чая на столе еще испускала тонкую струйку пара. – Стас, стой, – глухо, с нарастающей тревогой произнес Максим. – Он не один ушел. Или… не ушел вообще. – Да брось, окно нараспашку, – Стас подошел к распахнутой балконной двери. Старая балконная дверь с разбитым верхним стеклом выходила на крошечный, хлипкий балкон второго этажа с низкими ржавыми перилами из гнутых металлических прутьев. Внизу чернел темный, заваленный строительным мусором и старыми покрышками палисадник. – Видимо, через балкон сиганул, когда мы стучали, – бросил майор, делая шаг на балконную плиту и перегибаясь через перила, чтобы осмотреть землю. – Следы на снегу… – СТАС, БЕРЕГИСЬ! – дикий, срывающийся крик Максима разорвал тишину квартиры. Все произошло за доли секунды. Массивный трехстворчатый дубовый шкаф, стоявший в темном углу возле балконного проема, с грохотом распахнулся. Из его нутра с яростным, нечеловеческим ревом вывалилась огромная фигура. Это был не тщедушный букинист Грачев — это был двухметровый громила в грязном ватнике и с натянутой на лицо черной шапкой с прорезями для глаз. В руках у амбала блес-

нула тяжелая полуметровая монтировка. Стас среагировал мгновенно, начав разворачиваться и вскидывая табельный пистолет, но громила даже не стал бить оружием. Используя колоссальную массу своего тела и разгон, амбал с размаху, как таран, врезался плечом прямо в грудь Богданова. Удар был сокрушительным. Стаса буквально вынесло на балкон. Спина майора со страшной силой ударилась о прогнившие, ржавые перила ограждения. Металл не выдержал двойного веса: сварные швы у основания бетонной плиты лопнули с оглушительным скрежетом, прутья вывернуло наружу, и Стас, потеряв опору под ногами, перевалился через край и полетел вниз спиной вперед с высоты второго этажа! – СТА-А-АС! – заорал Максим. В глазах Алёнушкина мир на мгновение потерял цвет, превратившись в черно-белый кошмар. Забыв о боли в плече, о дыхании, обо всем на свете, Максим вскинул пистолет. Громила с монтировкой уже разворачивался к нему, оскалив желтые зубы сквозь прорезь маски, но Алёнушкин не стал стрелять в корпус. Два сухих, оглушительных выстрела разорвали комнату. Первая пуля вошла нападавшему точно в правое колено, дробя чашечку. Вторая вспорола бедро. Великан взвыл, выронил монтировку и кульком рухнул на пол, заливая старые ковры темной кровью. Максим даже не посмотрел на него. Он бросил пистолет в кобуру, в два гигантских прыжка перемахнул комнату, вылетел на полуразрушенный балкон и, не раздумывая ни секунды, рыбкой перемахнул через выломанный край перил вниз, в темноту. Удар о мерзлую землю отозвался вспышкой острой боли в заживающем левом плече, но Максим даже не поморщился. Он перекатился через бок, вскочил на ноги и бросился к телу майора. Стас лежал ничком на куче битого кирпича и ржавых металлических уголков, припорошенных тонким слоем снега. Его светло-русые кудри разметались по грязи, правая рука неестественно подогнулась под корпус, из разбитого виска тонкой струйкой текла кровь. Он был без сознания. – Стас! Стас, слышишь меня?! – Максим упал перед ним на колени прямо в ледяную жижу. Руки младшего лейтенанта мелко дрожали, когда он осторожно коснулся шеи Богданова, нащупывая пульс. Пульс был. Частый, нитевидный, слабый, но живой. Дыхание Стаса вырывалось с хрипом, со свистом — верный признак сломанных ребер и возможного пневмоторакса. Максим поднял голову к темным окнам второго этажа. Там, наверху, оставались ценнейшие улики, раскрытое дело века по оккультным грабежам и раненый подельник, которого можно было расколоть за полчаса. Любой правильный, образцовый опер вызвал бы подкрепление по рации, перекрыл периметр и ждал следственную группу. Но для Максима в эту секунду весь мир, весь гребаный уголовный розыск и все древние книги мира перестали существовать. Перед ним умирал Стас. Человек, который прикрыл его в подвале. Человек, который смотрел на него так, как никто никогда в жизни не смотрел. – Держись, родной… Слышишь? Держись, я с тобой, – шептал Максим, срывая с себя шарф и прижимая его к ране на голове майора. Забыв о запретах врачей, превозмогая адскую, рвущую боль в собственной разорванной ключице, Алёнушкин подвел здоровое плечо под корпус Стаса. Собрав всю свою купчинскую, волчью силу, парень взревел от натуги и оторвал тяжелое, девяностокилограммовое тело майора от земли. Ноги скользили по мерзлой грязи. В левом плече Максима словно провернули раскаленный штык, перед глазами поплыли красные круги, но он не ослабил хватку. Прижимая бесчувственного Стаса к своей груди, бережно удерживая его запрокинутую голову, Максим потащил командира через весь темный двор к припаркованному «Форду». Скорую ждать было нельзя — в пятничных пробках карета ехала бы сорок минут. Счет шел на секунды. Максим распахнул заднюю дверь машины, осторожно уложил Стаса на сиденье, подложив под его голову свою свернутую куртку. Сам прыгнул за руль, повернул ключ зажигания. Двухлитровый мотор взревел, и «Форд», взвизгнув покрышками по мокрому асфальту, вылетел со двора на улицу Типанова, сметая снежную кашу.

***

До Городской больницы 26 на улице Костюшко Максим долетел за семь минут, грубо нарушая все существующие правила дорожного движения, пролетая перекрестки на глухой

красный свет с включенной аварийкой и зажатым клаксоном. Он ворвался в приемный покой с окровавленным Стасом на руках, выбив ногой пластиковые двери. – Реанимацию! Живо! – рявкнул Максим с такой страшной, первобытной яростью, что пожилая медсестра за стойкой выронила журнал регистрации, а двое санитаров мгновенно подкатили металлическую каталку. Стаса бережно переложили. Тут же подбежал дежурный травматолог — тот самый коренастый хирург с седой бородой, который неделю назад зашивал самого Максима. – Богданов?! – врач мгновенно узнал майора. Пальцы хирурга забегали по телу Стаса, оценивая повреждения. – Падение с высоты? – Второй этаж, на кирпичи и металл, – хрипел Максим, опираясь ладонью о стену, чувствуя, как его собственное плечо немеет от перегрузки. – Без сознания минут десять. Закрытая черепно-мозговая, перелом ребер справа, подозрение на внутреннее кровотечение! – В операционную, срочно! Интубацию готовьте, две дозы плазмы первой положительной! – скомандовал врач санитарам. Каталка с грохотом покатилась по кафелю коридора к двойным дверям хирургического блока. Доктор на секунду задержался, посмотрев на Максима: – Сам как? Рука цела? – Плевать на меня! Спасите его, доктор… Пожалуйста, – выдохнул Максим, и в его синих глазах блеснули непрошеные, злые слезы. – Сделаем всё, сынок. Жди здесь. Двери операционной захлопнулись. Загорелось красное табло: «Идет операция». Максим остался один в пустом, пахнущем хлоркой и карболкой коридоре. Он тяжело опустился на холодный линолеум прямо у стены, прижал колени к груди и зарылся здоровой рукой в короткие волосы. На его ладонях, на форменных брюках и на сером свитере темнела кровь Стаса. Густая, липкая, чужая кровь, которая жгла кожу сильнее любого кипятка. Алёнушкин достал из кармана служебный мобильник. Пальцы плохо слушались. Он набрал прямой номер начальника отдела. Трубку сняли после второго гудка. – Полковник Богданов, слушаю, – раздался в динамике тяжелый, спокойный бас. – Товарищ полковник… – голос Максима сорвался, он судорожно сглотнул ком в горле. – Младший лейтенант Алёнушкин докладывает. Мы взяли след по оккультным книгам. На адресе была засада. На том конце провода повисла секундная пауза: – Подозреваемый задержан? Максима словно ударили наотмашь. Ни вопроса о сыне, ни тревоги в голосе. – Подозреваемый ранен на месте, книги в квартире на Типанова, – сквозь зубы выдавил Максим. – Но майор Богданов… Стас… Его сбросили с балкона второго этажа. Он в двадцать шестой больнице. Сейчас на операции. Травмы тяжелые, подозрение на внутреннее… Полковник не дал ему договорить. – Я понял, – сухо, ровно, без единой дрожи в голосе произнес Владимир Александрович. – Адрес квартиры на Типанова передай дежурному по РУВД. Я отправляю туда вторую следственную группу для изъятия вещдоков и задержания подельника. – Товарищ полковник… – опешил Максим, поднимаясь на ноги. Внутри него начала закипать слепая, яростная волна протеста. – Вы меня слышите?! Ваш сын на операционном столе! Он без сознания! Вы приедете?! Ответ Богданова-старшего прозвучал как удар обухом топора по живому мясу: – Нет, Алёнушкин. Я не приеду. У меня через сорок минут селектор с министерством по результатам спецоперации. – Что?.. – выдохнул Максим, не веря собственным ушам. – Майор Богданов — взрослый мужик и опытный офицер, – ледяным, казенным тоном продолжал чеканить полковник. – Если его выкинул с балкона какой-то уголовник из шкафа — значит, майор проявил преступную халатность. Не проверил сектор зачистки, потерял бдительность, полез вперед как сопливый пацан, забыв все тактические наставления. Он сам виноват в своем падении. В убойном отделе за ошибки платят здоровьем. Врачам я доверяю, двадцать шестая травма — лучшая в городе. Закончишь там — езжай в отдел писать рапорт по применению табельного оружия. Конец связи. Короткие гудки ударили в ухо Максима, словно автоматная очередь. Алёнушкин медленно опустил руку с телефоном. Его круглое лицо окаменело, побелев до синевы. Челюсти сжались с такой силой, что хрустнули зубы, а в синих глазах заплясало такое бешеное, удушливое пламя ненависти, которого он не испытывал даже к Шапочкину, стрелявшему ему в спину. «Сам виноват… Преступная халатность… Я не приеду…» Слова полковника эхом бились о кафельные стены коридора, выво-

рачивая душу наизнанку. Максим вспомнил своего приемного отца, деспота Сергея Николаевича Антонова. Тот был жестоким, бил его ремнем за двойки, муштровал как пса, выбивал дурь армейскими сапогами — но когда шестнадцатилетний Максим попал в аварию на мопеде и сломал ключицу, Антонов провел трое суток на стуле в коридоре больницы, не сомкнув глаз и срываясь на каждого врача, проходившего мимо. В нем, при всей его искалеченной душе, жило звериное, волчье чувство стаи. А этот… Этот кабинетный истукан, увешанный орденами и грамотами, списал родного сына за одну секунду, потому что тот «не проверил сектор» и помешал селектору с министерством! Максим с размаху ударил здоровым кулаком в стену. Штукатурка брызнула во все стороны, по костяшкам потекла кровь, но физической боли он не почувствовал. Его колотило от бессильной, разрывающей грудь ярости. – Скотина… – прошипел Максим в пустой коридор. – Какая же ты бессердечная скотина, полковник Богданов…

***

Операция длилась бесконечные четыре часа. Максим не ушел. Он отказался от предложения медсестры перевязать его собственное ноющее плечо, отказался от чая. Он сидел на жестком стуле напротив операционной, не двигаясь, уставившись неподвижным взглядом в красную светящуюся надпись над дверью, словно пытаясь силой собственной воли удержать Стаса на этом свете. Красная лампа погасла в девять вечера. Двери распахнулись, и в коридор вышел уставший хирург. Зеленый хирургический костюм врача был мокрым от пота на груди, под глазами залегли темные круги. Он стянул шапочку, тяжело вздохнул и подошел к Максиму. Алёнушкин вскочил на ноги, затаив дыхание: – Доктор?.. Хирург слабо, ободряюще улыбнулся: – Жить будет твой майор, лейтенант. Опять в рубашке родился, чертяка кудрявый. Максим шумно, с дрожью в груди выдохнул, почувствовав, как подгибаются колени. – Что с ним? – Сотрясение тяжелое, но гематомы в мозге нет, трепанация не понадобилась. Два ребра справа сломаны, одно надломило плевру, пришлось ставить дренаж и откачивать кровь. Правое предплечье — трещина лучевой кости, наложили гипс. Ушиб почек приличный, но разрывов внутренних органов нет — кирпичи спружинили на старых покрышках, повезло ему сказочно. Молодой, тренированный организм. Час назад перевели в реанимационную палату, сейчас отходит от наркоза. – К нему можно? – с надеждой спросил Максим. Врач посмотрел на перепачканного в чужой крови, бледного, едва держащегося на ногах парня и понимающе кивнул: – На пять минут. Халат накинь у дежурной. *** В палате интенсивной терапии пахло озоном, лекарствами и тишиной. Мерно, гипнотически попискивал кардиомонитор, выводя на темный экран зеленую ломаную линию пульса. Стас лежал на высокой функциональной кровати, укрытый белой казенной простыней до пояса. Его голова была плотно забинтована, на правом виске белела марлевая наклейка. Правая рука от кисти до локтя была закована в свежий белый гипс. Из-под ребер с правой стороны тянулась тонкая дренажная трубка к пластиковому резервуару на полу. Лицо майора казалось неестественно бледным, светло-русые кудри разметались по подушке, но дыхание через кислородную маску было глубоким и ровным. Максим тихо, почти бесшумно вошел в палату, притворив за собой дверь. Он подошел к кровати, опустился на колени прямо на холодный пол и осторожно, боясь причинить боль, накрыл своей широкой, сбитой ладонью здоровую левую руку Стаса. Пальцы майора были прохладными. Максим уткнулся лбом в край матраса, закрыв глаза. Горло сдавило спазмом. – Живой… – прошептал Максим в полутьму палаты. – Живой, черт кудрявый… Пальцы Стаса под его ладонью слабо, едва заметно шевельнулись. Максим мгновенно поднял голову. Ресницы Богданова дрогнули. Майор медленно, с видимым трудом приоткрыл глаза. Голубые зрачки были мутными от остатков наркоза, но сфокусировались точно на лице Алёнушкина. Стас слабо повел головой, скривившись от боли во всем теле. Свободной левой рукой он неуклюже потянулся к лицу и сдвинул кислородную маску на подбородок. – Алёнушкин… – голос майора прозвучал хрипло, еле слышно, как шелест сухой листвы. – Ты… чего тут расселся?.. – Тебя караулю, командир, – Максим не сдержал слабой, дрожащей улыбки, не выпуская его ладони. – Чтобы

ты опять в окно не вышел. Стас тихо, сдавленно хмыкнул и тут же застонал, зажмурившись от боли в сломанных ребрах: – Сука… шкаф этот… как бревно прилетело… Книги… где? – Изъяли, – мягко успокоил его Максим, поглаживая большим пальцем костяшки его руки. – Вторая группа всё забрала. Амбала твоего я спеленал, две пули в ногу загнал, никуда не денется. Грачева тоже на чердаке взяли. Дело раскрыто, Стас. Чистая победа. Отдыхай. Стас медленно обвел затуманенным взглядом белые стены палаты, штатив капельницы, приборы. На его лице промелькнуло смутное, горькое осознание. – Батя… звонил? – тихо, с затаенной надеждой спросил он, заглядывая Максиму в глаза. – Он… приедет? У Максима внутри всё перевернулось. Сердце сжалось от такой острой, невыносимой жалости к этому сильному, дерзкому майору, который сейчас лежал перед ним изломанный, беззащитный и ждал простого отцовского слова. Максим на секунду опустил глаза. Врать он не умел. Но сказать правду — сказать, что родной отец назвал его падение халатностью и предпочел селектор с генералами — значило добить Стаса прямо сейчас. Максим поднял взгляд, и его синие глаза были полны абсолютной, несокрушимой теплоты и нежности: – Звонил, Стас. Сразу же, как тебя привезли. Рвался сюда, еле дежурный по главку удержал — там ЧП какое-то на севере города, министерская проверка нагрянула. Он велел передать, что ты лучший опер...

Дин, Лось и яблочный пирог

Больничная палата травматологического отделения Городской больницы 26 на улице Костюшко жила по собственному, тягучему и монотонному расписанию. Здесь время не измерялось привычными суточными циклами убойного отдела: не было бесконечных звонков дежурного следователя, визга тормозов на мокром асфальте, запаха остывшего казенного кофе и протоколов допросов, пахнущих дешевой бумагой. Здесь время отмерялось каплями, мерно падающими в прозрачную пластиковую колбу капельницы, скрипом колесиков тележки с перевязочными материалами в коридоре и далеким, приглушенным рокотом дизельных грузовиков на Варшавской улице. Стас Богданов лежал на высокой койке у окна, уставившись в потолок, покрытый сетью мелких трещин, похожих на пересохшее русло реки. Правая рука майора от костяшек пальцев до самого локтя была замурована в тяжелый, белоснежный гипс и покоилась на специальной треугольной подушке. Справа под ребрами при каждом вздохе тупо и злобно пульсировало: сломанные кости, стянутые тугой фиксирующей повязкой, напоминали о полете со второго этажа дома на улице Типанова. Дренаж из плевральной полости сняли только вчера, и на его месте под слоями марли и лейкопластыря осталась противная, ноющая дыра. Но хуже физической боли было ощущение собственной беспомощности. Для тридцатилетнего майора полиции, привыкшего по утрам наматывать десятикилометровые кроссы по парку Победы, ворочать штангу в спортзале и влетать в криминальные притоны первым, лежать пластом в казенной хлопковой рубахе с расстегнутым воротом было изощренной пыткой. В дверь палаты коротко, дважды стукнули. Стук был знакомым — не робким, как у дежурных медсестер, и не наглым, как у санитаров, а твердым, чуть глуховатым. Дверь приоткрылась, и на пороге появился Максим Алёнушкин. Он был без куртки, в темно-зеленом вязаном свитере с закатанными рукавами и потертых темных джинсах. Лицо Максима после недели беготни по городу посвежело, короткий темный ежик волос был чисто вымыт, а в синих глазах горело то самое неистребимое, спокойное тепло, от которого у Стаса в груди в последние дни неизменно теплело. В правой руке Максим держал увесистый бумажный крафтовый пакет с логотипом фермерской лавки, а из левого кармана его джинсов торчала стопка потрепанных книг в мягких обложках.

– Здорово, поломанный, – негромко, чтобы не беспокоить двух соседей по палате — пожилого профессора с шейкой бедра и сонного парня с вывихом ключицы, — произнес Максим.

Он подошел к койке Стаса, легко и уверенно подтянул тяжелый казенный стул, развернул его спинкой вперед и сел верхом, положив подбородок на скрещенные предплечья.

– Сам ты поломанный, – проворчал Стас, но в его голубых глазах блеснула неприкрытая радость. Майор попытался приподняться на левом локте, чтобы сесть повыше, но тут же зашипел сквозь зубы: сломанные ребра отозвались острой, режущей судорогой.

– Куда ты дергаешься, горе луковое? – Максим мгновенно поднялся на ноги. Его сильные, широкие ладони осторожно, но несокрушимо легли Стасу на здоровое плечо и затылок.

Действовал он поразительно чутко: аккуратно, миллиметр за миллиметром, приподнял майора, второй рукой взбил две плоские больничные подушки, подоткнул их под лопатки Богданова и усадил его полусидя.

Прикосновения Алёнушкина были теплыми, от его рук пахло морозным ветром, мылом и почему-то корицей. Стас шумно выдохнул, откинувшись на подушки. Близость Максима на долю секунды сбила дыхание: майор успел поймать взглядом ровную линию темных ресниц Алёнушкина, крошечный светлый шрамик над левой бровью и едва заметные розовые пятна на шее — следы ожога от того проклятого кипятка Шапочкина, которые теперь стремительно бледнели.

– Спасибо, – хрипло сказал Стас, чувствуя, как краска приливает к шее.

Чтобы скрыть внезапное смущение, майор мотнул головой в сторону пакета:

– Чего притащил? Если опять этот куриный бульон без соли из диетической столовой — клянусь, я тебя загипсованной лапой по уху огрею.

– Спокойно, майор, бунт на корабле отменяется, – усмехнулся Максим, снова усаживаясь на стул.

Он раскрыл пакет и принялся выставлять на прикроватную тумбочку сокровища:

– Бульон был позавчера, ты его честно выхлебал. Сегодня у нас контрабанда. Настоящий морс из лесной брусники — сам вчера варил, сахара минимум, витамина С вагон. Потом — два пирожка с говядиной и луком из той самой пекарни на Чернышевской, где тесто слоеное и хрустит. И… – Максим выдержал театральную паузу и извлек из недр пакета термос из нержавеющей стали.

– Чай. Черный, крупнолистовой, с чабрецом и сушеными ягодами можжевельника. Никаких больничных помоев.

Стас недоверчиво посмотрел на термос, затем перевел взгляд на круглое, спокойное лицо напарника.

– Ты сам морс варил? – с искренним изумлением спросил Богданов.

– Ты серьезно? Ментовский опер из Купчино варит морс по ночам?

– А что такого? – Максим пожал плечами, ловко отвинчивая крышку термоса, выполнявшую роль чашки.

По палате мгновенно поплыл густой, пряный, терпкий аромат таежных трав и горячего чая, напрочь заглушая казенный дух хлорки и пенициллина.

– У меня отчим в детстве заставлял всю домашнюю работу делать по струнке. Если компот скисал или суп пригорал — драил чугунный казан песком до зеркального блеска. Так что готовить я умею. Жить захочешь — научишься. Держи.

Максим вложил горячую кружку в здоровую левую руку Стаса. Майор поднес чай к губам, сделал осторожный глоток и блаженно прикрыл глаза. Тепло прокатилось по пищеводу, мягко согревая изнутри измученное травмами тело, смывая привкус анальгетиков. – Божественно, – искренне выдохнул Стас.

– Алёнушкин, если тебя когда-нибудь выпрут из органов за неподчинение начальству, открывай кофейню. Я к тебе каждый день буду заезжать.

– Не дождетесь, товарищ майор, – улыбнулся Максим, доставая из кармана одну из принесенных книг и кладя ее на край матраса.– Я из органов только вперед ногами уйду. Или на генеральскую пенсию. Стас скосил глаза на обложку. Это был потертый томик Эдгара Аллана По — старое советское издание в черном коленкоровом переплете с тиснением: «Падение дома Ашеров и другие рассказы».

– Опа, – Богданов приподнял бровь. – Классика готического хоррора? Ты серьезно это читаешь?

– Перечитываю, – поправил Максим.

– С детства люблю. У меня в купчинской хрущевке на книжной полке всего три вещи стояли: устав патрульно-постовой службы, справочник фельдшера и полное собрание По с Конан Дойлем. Я по ночам с фонариком под одеялом «Золотого жука» и «Убийство на улице Морг» штудировал. Отчим ловил, порол ремнем за то, что электричество жгу и глаза порчу, а я все равно читал. Мне всегда нравилось, как из мелких, на первый взгляд бредовых деталей вырастает железная логика.

Стас уставился на него так, словно увидел перед собой инопланетянина.

– Да ладно… – протянул майор. – Ты тоже на Конан Дойле вырос?

– А на чем еще расти нормальному сыскарю? – хмыкнул Максим.

– На «Знатоках», что ли? Хотя «Знатоки» тоже неплохи, но дедукция Холмса — это база. Только у Эдгара По круче: у него детектив всегда замешан на чистой чертовщине, на психологии безумия. Он понимал, что самый страшный монстр — это не вампир из гроба, а человек, у которого чердак потек.

Стас тихо, хрипло рассмеялся, но тут же поморщился, прижав загипсованную руку к правому боку:

– Не смеши меня, скотина, ребра трещат… Слушай, это прямо мистика какая-то. Я ведь в старших классах от Кинга и Лавкрафта не вылезал. Меня батя за «Хребты безумия» чуть в суворовское досрочно не сдал. Орал: «Ты советский офицерский сын, а читаешь американскую бесовщину!» А я балдел от этой атмосферы. Когда за окном питерская слякоть, фонари через туман еле светят, а ты сидишь в полутьме и читаешь про старые проклятые особняки Новой Англии.

– Питер вообще самый лавкрафтовский город в мире, – совершенно серьезно заметил Максим, разламывая пирожок пополам и протягивая большую половину Стасу. – Ты на Васильевский остров в ноябре выйди в полночь. Когда вода в каналах черная, как смола, гранит скользкий, туман с залива ползет, а дома с атлантами на тебя пустыми окнами смотрят. Тут любой нормальный опер через пару лет либо мистиком станет, либо сопьется. Стас с аппетитом вгрызся в хрустящее тесто пирожка. Начинка была горячей, сочной, истекающей ароматным бульоном.

Майор прожевал, запил глотком можжевелового чая и с неприкрытым любопытством посмотрел на напарника:

– Слушай, Макс… А музыку ты какую слушаешь? Ну, кроме того старья, что на радио крутят?

Максим хитро прищурился, вытащил из заднего кармана старенький кассетный плеер «Sony» в потертом пластиковом корпусе, перемотанном на углу синей изолентой, и щелкнул кнопкой выброса кассеты. На магнитной пленке белела аккуратная надпись гелевой ручкой: «Пикник. Египтянин. 2001».

– Можешь не продолжать, – выдохнул Стас, и на его лице расплылась широкая, мальчишеская улыбка.

– Шклярский?

– Шклярский, – подтвердил Максим.

– А еще «Алиса» времен «Шабаша», ранний «Наутилус», «Агата Кристи» и «Калинов Мост». Я в шестнадцать лет гитару во дворе нашел — старую ленинградку с треснувшей декой. Сам струны натянул, пальцы в кровь стер, пока аккорды учил. А потом в Купчино свою банду сколотили. Репетировали в котельной при ЖЭКе за то, что по выходным уголь разгружали. Назывались «Седьмой круг». Я там орал так, что вороны с крыш падали.

Стас покачал головой, не сводя с него сияющих голубых глаз:

– «Седьмой круг»… Твою мать, Алёнушкин, ты с каждой минутой становишься всё интереснее. А я на мотоцикле гонял под «Арию». У меня первый байк был — старая «Ява» вишневая, шестьдесят седьмого года. Мы с пацанами в гаражах на Краснопутиловской сутками ковырялись. Батя мне бензин сливал тайком, чтоб мать не видела. Летишь ночью по Пулковскому шоссе, Кипелов в наушниках ревет про улицу Роз, ветер в харю — и кажется, что весь мир у твоих ног.

– Мотоциклы — это тема, – тихо согласился Максим, и в его синих глазах отразилась какая-то далекая, затаенная мечта.

– Я всегда на «Чоппер» заглядывался. Низкий, тяжелый, с V-образным движком, чтоб вибрировал прямо в ребра. Но отчим сказал: «Купишь двухколесный гроб — лично в канаву спущу». Так и не срослось. Все деньги на академию ушли, потом на съемную халупу…

– Срастется еще, – твердо сказал Стас. – Выпишут меня, руку разработаю — поедем ко мне в гараж. У меня там старый «Днепр» перебранный стоит, я из него боббер строю уже года три. Хрома навесил, движок расточил. Поможешь проводку перебрать, я в электрике как баран в апельсинах.

Максим вскинул голову, и в его взгляде вспыхнул такой чистый, детский восторг, что Стасу на мгновение перехватило горло:

– Правда? Не врешь, командир?

– Майоры убойного отдела не врут, лейтенант, – наставительно поднял палец Стас, но тут же добавил с ухмылкой: – Ну, разве что начальству главка, когда протоколы горят.

Они помолчали, слушая, как за окном дождь методично колотит по жестяному отливу. В палате стало совсем тепло и уютно, словно это была не казенная травматология, а старая питерская мансарда, где двое старых друзей коротают промозглый вечер.

– Стас, – вдруг позвал Максим, крутя в пальцах пустой пластиковый стаканчик.– А сериалы ты смотришь? Ну, ментовские наши?

Богданов скривился, словно от зубной боли:

– Ментовские? Эту туфту про крутых оперов в кожаных плащах, которые на «Мерседесах» летают и с двух рук из автоматов по мафии палят? Да меня тошнит от них. Единственное, что более-менее правдиво снято — это «Улицы разбитых фонарей» первый сезон, да «Глухарь». – «Глухарь»?

Максим даже подскочил на стуле.

– Ты тоже его смотрел?!

– А то! – фыркнул Стас. – Мы с ребятами в Центральном, когда я еще стажером был, каждую серию разбирали. Там хоть психология настоящая. Глухарев — циник, усталый, помятый, берет взятки по мелочи, чтобы бензин в служебную колымагу залить, но при этом душу окончательно не пропил. А Антошин — оторва и псих с разбитым сердцем. И дружба эта их… кривая, косая, с мордобоем по пьяни, но насмерть. Когда Денис за Серегу под пули готов, а Серега за него в огонь.

– Вот! – горячо подхватил Максим, жестикулируя здоровой рукой.

– Вот именно! Без глянца, без соплей. Жизнь как она есть: серый спальный район, разбитые фонари, вечная нехватка бензина и понимание, что кроме твоего напарника тебе в этой жизни прикрыть спину некому.

Максим замолчал, лукаво покосился на Стаса и вдруг тихо, с заговорщицкой интонацией спросил:

– А заграничное что-нибудь? Не про ментов?

Стас прищурился, чувствуя подвох:

– Ты на что намекаешь, Алёнушкин?

– Да так… Мистика, демоны, старая черная «Импала» шестьдесят седьмого года, классический рок на кассетах… Ничего не напоминает?

Стас замер с кружкой в руке. Его брови медленно поползли вверх, а голубые глаза округлились:

– «Сверхъестественное»?! Ты смотришь «Сверхъестественное»?!

– Пятнадцать сезонов, майор, – с абсолютной гордостью, приложив руку к груди, отчеканил Максим.

– От первой серии, где мама на потолке горит, до самого финала. Наизусть знаю. Все ритуалы изгнания на латыни помню. *«Exorcizamus te, omnis immundus spiritus…»*

– Заткнись, ради бога, а то сейчас дежурный врач решит, что у нас белая горячка началась! – расхохотался Стас, на этот раз наплевав на ноющую боль в сломанных ребрах. Майор хохотал до слез, запрокинув кудрявую голову на подушку.

– Не могу… Оперуполномоченный Московского РУВД изгоняет демонов в травматологии!

– Смешно ему, – притворно надулся Максим, но сам не смог сдержать широкой улыбки.

– Между прочим, культовая вещь. Два брата мотаются по мотелям, спасают людей, охотятся на нечисть под «Kansas» и «AC/DC». Романтика чистой воды.

– Ага, семейный бизнес, – сквозь смех выдохнул Стас, вытирая пальцем выступившую слезинку.

– Слушай, Макс… А ведь если подумать… Стас внимательно, с ног до головы окинул взглядом напарника: невысокий, крепко сбитый, коренастый, с широкими плечами, короткой стрижкой-ежиком, упрямым подбородком и насмешливыми синими глазами. В потертой куртке, с вечной готовностью влезть в драку и прикрыть чужую шкуру.

– Слушай, Алёнушкин… А тебя в академии случайно никак не называли? Позывной какой-нибудь дурацкий был?

Максим вдруг смутился. На его скулах проступил легкий румянец, он опустил глаза и принялся ковырять ногтем край деревянной спинки стула.

– Ну… было дело, – нехотя буркнул он.

– Ну-ка, ну-ка! – Стас подался вперед, сгорая от любопытства. – Колись, лейтенант! Это приказ старшего по званию!

– Дин, – тихо выдохнул Максим. Стас на секунду онемел, а затем палата снова огласилась его раскатистым, счастливым хохотом. Пожилой профессор на соседней койке зашевелился и недовольно забормотал во сне.

– Дин Винчестер! – давясь смехом, шептал Стас.

– Ну вылитый! Короткий ежик, характер дурной, вечно под пули лезет, рок слушает, жрет пироги тоннами и брата старшего прикрывает! Дин, твою мать! Это же гениально! Кто тебя так окрестил?

– Сокурсники в общаге, – вздохнул Максим, но в его глазах плясали веселые чертики. – Я на втором курсе откуда-то кожаную куртку коричневую надыбал, старую, авиационную. Ходил в ней нараспашку, плеер в ушах орал, дрался по любому поводу, если слабых обижали. Вот пацаны и прилепили: «Винчестер младший», потом просто «Дин». До самого выпуска так и звали. Даже преподаватель по криминалистике иногда на семинарах прикалывался: «Ну что, Дин, найдем сегодня вендиго в купчинских гаражах?»

Стас вытер лоб здоровой рукой, все еще посмеиваясь:

– Ох, не могу… Дин… А знаешь, как меня за глаза некоторые в отделе зовут? И в академии так звали?

Максим мгновенно оживился, выпрямившись на стуле:

– Как?

Стас тяжело вздохнул, покачал головой и нехотя признался:

– Лосем. Максим замер.

Его синие глаза распахнулись так широко, словно он только что увидел живого архангела Михаила посреди двадцать шестой больницы.

– Лосем?.. – переспросил Алёнушкин, и его губы начали предательски дрожать от подступающего хохота. – В смысле… Сэмом?!

– В прямом, – буркнул Стас, стараясь выглядеть сурово, но уголки его губ неудержимо ползли вверх. – Рост под метр девяносто, плечи как у шкафа, кудри эти дурацкие светло-русые вечно торчат во все стороны. И главное — зануда я страшный. Анализирую всё подряд, схемы строю, за книги цепляюсь, логику во всем ищу. Меня Шапочкин за спиной так звал: «Опять наш Лось в дебри полез». Кроули недоделанный…

Максим закрыл лицо ладонями. Его плечи мелко подрагивали, из-под пальцев доносились приглушенные всхлипы чистого, безудержного восторга.

– Я не верю… – простонал Алёнушкин, поднимая сияющее от смеха лицо.

– Стас, это… это судьба. Ты понимаешь?! Дин и Сэм! Лось и Винчестер! В одном убойном отделе Санкт-Петербурга!

– Только вместо черной «Импалы» шестьдесят седьмого года у нас черный «Форд Фокус» с простреленным капотом, – подхватил Стас, чувствуя, как внутри разливается пьянящее, абсолютно мальчишеское счастье.

– Ничего, «Форд» тоже зверь-машина! – отрезал Максим. – Зато багажник вместительный, бита и дробовик поместятся!

Они переглянулись и снова рассмеялись — тихо, переглядываясь как двое заговорщиков, нашедших друг друга среди миллионов чужих и равнодушных людей. В этот момент в кармане джинсов Максима заиграл телефон — старая полифоническая мелодия группы «Deep Purple». Алёнушкин достал мобильник, глянул на экран, и выражение его лица мгновенно переменилось: стало мягким, почти виноватым.

– Алло? Тетя Валя?.. Да, здравствуйте… Гуляли уже?.. Ох, спасибо вам огромное… Корм сухой в зеленом пакете, две мерные ложки… Да-да, уши закапать не забудьте, а то опять чесать начнет… Я завтра утром приеду, обязательно! Спасибо! Максим нажал отбой и виновато посмотрел на Стаса. – Соседка звонила. Из Купчино.

– По работе? – поинтересовался Стас.

– Хуже. По семейным обстоятельствам, – Максим улыбнулся и достал из бумажника небольшую глянцевую фотографию три на четыре, бережно протянув ее майору. – Вот. Моя головная боль.

Стас взял снимок здоровой левой рукой. С фотографии на него смотрела очаровательная собачья морда: шелковистая бело-рыжая шерсть, длинные свисающие уши с легкими завитками и огромные, темные, влажные глаза, в которых светилась вселенская доброта и легкая грусть.

– Это кто? – удивленно выдохнул Стас. – Спаниель?

– Кавалер кинг Чарльз спаниель, – с неприкрытой гордостью пояснил Максим. – Мартин зовут. Ему три года.

– Мартин… – Стас не мог отвести взгляда от фотографии.

– Надо же… Какой красивый. Аристократ настоящий.

– Ага, аристократ помоечный, – хмыкнул Максим, но в голосе звенела безмерная нежность.

– Я его щенком на помойке нашел, возле товарной станции. Какие-то уроды выбросили в коробке из-под обуви зимой, в мороз. Он пищал еле слышно, замерзал уже. Я его под куртку сунул, домой притащил. Отчим как увидел — за ремень схватился. Орал: «Вышвырни эту шавку! В моем доме блохастым тварям не место! Офицер не должен сюсюкать с диванными собачонками!»

Максим помрачнел, вспоминая старое:

– Я тогда первый раз в жизни против него пошел. Встал в дверях, щенка за спину спрятал и сказал: «Если тронешь его — я из дома уйду. Прямо сейчас, в метель». Отчим опешил. Посмотрел на меня как на бешеного, плюнул и ушел в свою комнату. Три месяца со мной не разговаривал. А Мартин выжил. Отогрел, выходил, ветеринару все карманные деньги снес. Теперь вот живет со мной в Купчино. Спит исключительно на моей подушке, наглый, как сто чертей. Когда я на сутках — соседка, тетя Валя, с ним гуляет.

Стас молча смотрел на маленькую фотографию. В груди майора шевельнулось старое, детское, давно похороненное под слоями офицерской брони воспоминание.

– Везет тебе, – тихо, почти неслышно произнес Стас.

Максим поднял на него внимательный взгляд:

– А ты? Не любишь собак?

– Люблю, – Стас горько усмехнулся, глядя в окно на серые питерские тучи. – Всю жизнь мечтал. С самого детства. Лет в семь притащил со двора щенка беспородного — черного такого, лопоухого, хвост колечком. Думал, мама заступится. А батя… Полковник Богданов как с дежурства пришел, даже сапоги не снял. Взял щенка за шкирку, вынес на лестницу и спустил в мусоропроводный отсек дворнику. Мне сказал: «Собака должна служить на границе или на зоне. В квартире от нее только шерсть, грязь и бабская слабость. Офицер не имеет права привязываться к тому, что нельзя подчинить уставу».

Стас сглотнул вставший в горле ком. Воспоминание сорокалетней давности до сих пор обжигало детской обидой.

– Я тогда неделю не разговаривал с ним. Ревел в подушку по ночам. А потом вырос… Понял, что батю не переделать. Он ведь не со зла, он просто систему в себе вырастил вместо сердца. Так и живу один. Ни собаки, ни кошки. Только цветы на подоконнике, да и те кактусы — поливать забываю.

Максим слушал его не перебивая. В синих глазах младшего лейтенанта не было жалости — жалость оскорбила бы гордого майора. В них было глубокое, щемящее понимание. Максим медленно протянул руку и накрыл загипсованную кисть Стаса своей теплой ладонью.

– Ничего, командир, – мягко, с поразительной уверенностью произнес Максим.

– Вот снимут с тебя этот скворечник, выйдешь на волю — поедем ко мне в Купчино. Познакомлю тебя с Мартином. Он гостей обожает, особенно больших и кудрявых. Зализет тебя до полусмерти, гарантирую.

Стас повернул голову, встретился с ним взглядом и слабо, благодарно улыбнулся:

– Договорились. Только ты его предупреди, чтоб штаны мне не слюнявил, а то я форму не отстираю. – Он интеллигент, он в душу плюет редко, – отшутился Максим.

Они снова помолчали. За окном начало смеркаться, зажглись первые фонари на улице Костюшко, бросая косые желтые отсветы на больничный подоконник.

– Слушай, Макс, – Стас оживился, переведя разговор на более безопасную тему.

– А вот ты морс варишь, пироги таскаешь… А нормальную еду ты любишь? Мясо там, жаркое?

– А кто ж мясо не любит? – удивился Алёнушкин. – Я хоть и не привередливый, но хороший стейк или шашлык за милую душу умну. Только готовить его на съемной хате в старой духовке — то еще приключение. Стас гордо расправил здоровое плечо:

– А вот тут, лейтенант, ты попал по адресу. – Да ладно? – Максим недоверчиво прищурился.

– Неужели наш грозный начальник убойного отдела умеет готовить что-то сложнее пельменей из пачки? – Пельмени из пачки жри сам! – шутливо возмутился Стас. – Я, между прочим, кулинар высшей категории. У меня это наследственное, от бабушки по материнской линии. Она в старом питерском ресторане шеф-поваром работала еще в советские годы. Для меня готовка — это как расследование. Чистая аналитика и алхимия. Пропорции специй, температурный режим, время выдержки… Ошибешься на полградуса — и всё дело насмарку.

– И какая же у тебя коронка, шеф-повар Богданов? – с неприкрытым интересом спросил Максим.

– Говядина, тушенная в темном стауте с розмарином, можжевеловыми ягодами и белыми грибами, – с расстановкой, смакуя каждое слово, произнес Стас. – Мясо берется только шейная часть, маринуется три часа, потом обжаривается на чугунной сковороде до карамельной корочки и томится в чугунке в духовке четыре часа на медленном огне. На гарнир — картофельный гратен со сливками и мускатным орехом под корочкой из пармезана. Мясо получается такое, что его губами есть можно, оно само на волокна распадается.

Максим судорожно сглотнул, прижав руку к животу:

– Твою мать, Станислав Владимирович… Ты надо мной издеваешься? Я с семи утра на ногах, у меня в желудке со вчерашнего дня только эти два пирожка перевариваются!

– А нечего было надо мной из-за гипса подтрунивать, – довольно осклабился Стас. – Но я мужик не жадный. Даю тебе слово офицера: через две недели гипс снимут, ребра срастутся — я тебя лично к себе приглашаю. Накормлю так, что из-за стола на карачках выползать будешь. И яблочный пирог испеку. Мой фирменный, с корицей, грецкими орехами и шариком пломбира сверху.

Максим посмотрел на него долгим, теплым, потрясенным взглядом. В полумраке палаты лицо майора, освещенное желтым светом уличного фонаря, казалось удивительно открытым, красивым и родным. Пропала ментовская жесткость, исчезла броня цинизма. Остался просто красивый, сильный парень со взъерошенными светло-русыми кудрями, который обещал ему яблочный пирог.

– Ловлю на слове, майор, – негромко, с легкой хрипотцой в голосе произнес Максим.

– Если соврешь — лично наряд вне очереди выпишу. – Не совру, – так же тихо ответил Стас, не отводя взгляда. Воздух между ними словно снова сгустился, завибрировал той самой тонкой, невидимой, звенящей нитью, которая натянулась между ними еще в подвале управления. Они сидели в тишине, глядя друг другу в глаза, и в этой тишине не было неловкости.

Пепел и железо

Декабрь встречал Петербург колючим, немилосердным ветром, гнавшим с Финского залива тяжелые свинцовые тучи. Снег то начинал сыпать густой, слепящей крупой, то мгновенно таял на горячем от бесконечного потока машин асфальте, превращая Московский проспект в бесконечную черно-серую жижу.Стас Богданов стоял на крыльце двадцать шестой больницы на улице Костюшко и жадно, полной грудью вдыхал этот стылый, пропахший выхлопами и мокрым гранитом воздух. В легких на самом глубоком вдохе всё еще неприятно тянуло — сломанные ребра срослись, но напоминали о себе тупой ноющей пульсацией, а правое запястье, освобожденное от гипса всего два часа назад, казалось тонким, непривычно слабым и стянутым тугой эластичной манжетой.– Богданов, ты у меня доиграешься, – ворчал коренастый седобородый хирург, стоявший рядом в расстегнутом белом халате и куривший тонкую ментоловую сигарету прямо под запрещающим знаком. – Я твоему полковнику лично справку выписал: легкий труд, никаких физических нагрузок, никаких погонь и мордобоя минимум на месяц. Тебе легкое едва спасли, дренаж сняли на прошлой неделе. Если хоть одно ребро снова сместится — я тебя обратно на операционный стол положу и лично к койке ремнями привяжу. Усек?– Усек, Петр Сергеевич, – криво усмехнулся Стас, натягивая кожаную перчатку на левую руку. Светло-русые кудри майора трепал ледяной ветер, но голубые глаза уже горели тем самым знакомым, неуемным сыщицким огнем. – Я аккуратно. В кабинете посижу, пыль с папок сдувать буду.– Знаю я твое «аккуратно», – сплюнул врач, затушив окурок о край урны. – Вся порода у вас с отцом такая — бешеная, на износ. Вон, встречающий твой подрулил. Забирай его, Алёнушкин, пока он тут на крыльце новое расследование не начал!К тротуару с тихим урчанием подкатил черный «Форд Фокус». Хлопнула водительская дверь, и из машины выбрался Максим.На нем была темно-зеленая теплая куртка-аляска с меховым капюшоном, под ней виднелся плотный свитер. Выглядел он собранным, свежим, а его походка — упругая, кошачья — больше не выдавала последствий недавнего ранения. Синие глаза Максима мгновенно зацепились за фигуру майора, сканируя его с головы до ног с въедливостью опытного криминалиста.– Здорово, поломанный, – весело бросил Максим, поднимаясь по гранитным ступеням и крепко, по-мужски пожимая здоровую левую руку Стаса. – Вещи все забрал? Больничную пижаму не умыкнул на память?– Сам ты поломанный, – беззлобно огрызнулся Стас, чувствуя, как внутри разливается густая, теплая волна спокойствия. – Поехали в отдел, Макс. Я от этой больничной хлорки и манной каши уже выть готов на луну.– Домой надо, Станислав Владимирович. Врач велел…– В отдел, я сказал, – тоном, не терпящим возражений, отрезал Богданов, спускаясь к машине. – Дома я от тоски сдохну за полдня. Батя на месте?Максим на долю секунды замешкался, открывая пассажирскую дверь, и в его взгляде промелькнула едва заметная, глубокая тень. Но он тут же отвел глаза, коротко кивнув:– На месте. С утра в кабинете сидит, почту разгребает. Садись давай, печку на тройку врубил, салон теплый.***В Московском РУВД за две недели ничего не изменилось. Все тот же въевшийся в стены запах старой бумажной пыли, мокрых шинелей и дешевого табака из подвала. Разве что в коридорах стало заметно тише: после показательного увольнения Шапочкина и перевода Охмана в глухое Колпино опера вели себя тише воды, ниже травы, прекрасно понимая, кто в этом доме теперь обладает абсолютным авторитетом.Стас поднялся на третий этаж не торопясь, бережно придерживая правый бок, когда на лестничных маршах приходилось делать широкие шаги. Максим шел чуть позади, готовый в любую секунду подставить плечо, но держался ненавязчиво, не уязвляя гордость командира.Они подошли к кабинету начальника отдела. Стас коротко стукнул здоровой рукой по дубовому полотну и, не дожидаясь ответа, толкнул дверь.Полковник Богданов сидел за своим массивным полированным столом, заваленным документами с красными грифами «Срочно». Перед ним остывал чай в граненом стакане в тяжелом мельхиоровом подста-

каннике. Владимир Александрович поднял тяжелый, налитый свинцом взгляд на вошедшего сына. Ни тени радости, ни отцовского облегчения на его крупном, обветренном лице не отразилось. Лишь желваки на челюстях каменно напряглись.– Здравия желаю, товарищ полковник, – четко доложил Стас, вытягиваясь по стойке смирно. Внутри майора теплилось странное, неловкое ожидание: он помнил слова Максима в реанимации. Помнил, как напарник рассказывал, что отец рвался к нему в больницу, что велел передать слова гордости, что переживал. – Майор Богданов после прохождения лечения прибыл для дальнейшего несения службы. Справка от главврача…– Положи на край стола, – ледяным голосом перебил его полковник, даже не взглянув на протянутую бумагу.Стас опустил лист на полированное дерево. Пауза затянулась.– Батя… – негромко, уже без уставного тона произнес Стас, чуть наклонив голову. – Спасибо, что звонил тогда. В реанимацию. Максим передал твои слова. Я… ценю.Максим, стоявший за спиной Стаса у самых дверей, тихо, едва слышно втянул воздух сквозь зубы и замер, опустив подбородок.Полковник Богданов медленно отложил тяжелую перьевую ручку. Его густые седые брови поползли вверх, а в глазах полыхнуло такое искреннее, холодное и яростное недоумение, что в кабинете мгновенно стало трудно дышать.– Звонил? – переспросил полковник. Его голос опустился до низкого, угрожающего рокота. – Куда я звонил, майор? Стас нахмурился, чувствуя, как по спине пробегает неприятный холодок:– В двадцать шестую. Когда меня привезли… после Типанова. Максим сказал, ты на селекторе был, но рвался приехать, передал, что я…– Алёнушкин соврал тебе, – с безжалостной, хирургической четкостью отрезал Владимир Александрович.Слова упали между ними, как разорвавшаяся граната.Стас замер. Голубые глаза майора расширились. Он медленно повернул голову к Максиму. Младший лейтенант стоял у стены, не шевелясь, глядя прямо перед собой в пол. На скулах Максима ходили желваки, руки были сжаты в кулаки в карманах куртки, но он не произнес ни звука, не попытался оправдаться.– Никуда я не звонил, – продолжал полковник, тяжело поднимаясь из-за стола и нависая над сыном. – И ехать не собирался. Потому что ты, майор Богданов, повел себя на адресе как сопливый курсант-первогодка! Ты полез на балкон, не проверив комнату! Не зачистил углы, повернулся спиной к закрытому шкафу и получил удар от заурядного уголовника! Тебя вышвырнули со второго этажа как мешок с отрубями! Ты чудом не свернул себе шею, сорвал оперативную разработку и подставил под удар всё управление!– Батя… – ошарашенно выдохнул Стас. Земля под ногами майора словно качнулась. В висках застучала кровь.– Молчать! – рявкнул полковник так, что жалобно звякнул подстаканник на столе. – Я закрыл глаза на твою драку с Шапочкиным! Я спустил на тормозах твои выходки в подвале! Но делать из меня идиота я не позволю никому! Если ты еще раз — слышишь меня, Станислав? — еще хоть один раз выкинешь что-то подобное, забудешь про тактику и устав, решив поиграть в бессмертного героя, я лично сниму с тебя погоны майора. Отправлю участковым в Красное Село, будешь до пенсии пьяных трактористов по канавам собирать! Ты меня понял?!– Понял, товарищ полковник, – мертвым, абсолютно пустым голосом ответил Стас.Внутри него словно выжгли всё дотла. Та хрупкая, детская надежда на то, что отец хоть на секунду испугался за его жизнь, рассыпалась в серый прах. Полковник Богданов не менялся. Он не был отцом — он был функцией. Механизмом.Владимир Александрович тяжело опустился обратно в кресло, достал из папки толстое серое дело в картонной обложке с надписью «Следственный комитет» и с глухим стуком швырнул его на середину стола.– На эмоции времени нет, – сухо бросил он, окончательно вычеркивая тему больницы из разговора. – Город стоит на ушах. Прокуратура требует результатов. Дело особой важности.Стас с трудом заставил свой аналитический мозг включиться, стряхнув оцепенение. Он подошел к столу, здоровой рукой придвинул папку к себе и открыл первую страницу.– Серийка? – голос майора звучал глухо, с хрипотцой.– Хуже, – ответил полковник. – Ритуальные убийства. За последние шесть дней — три трупа. Все трое — бездомные, опустившиеся бродяги без документов и постоянного места жительства. Первый найден в заброшенной котельной у железнодорожной ветки на Воздухоплавательной. Вто-

рой — на пустыре за проспектом Юрия Гагарина, в теплотрассе. Третий — сегодня ночью, в подвале расселенного дома на Варшавской.Стас перевернул страницу и наткнулся на цветные фотографии судмедэкспертов. Даже его ко всему привыкший желудок опера убойного отдела сжался в тугой узел.У всех жертв была вскрыта грудная клетка. Ребра были разломаны грубо, с чудовищной силой, словно их ломали слесарным инструментом или топором. А в зияющих багровых ранах… зияла пустота.– Сердца? – тихо спросил подошедший ближе Максим. Его голос звучал ровно, но в синих глазах застыла ледяная ярость.– Сердца вырезаны начисто, – подтвердил полковник. – Изъяты на месте преступления, пока жертвы были еще живы или в состоянии агонии. Патологоанатом утверждает, что надрезы сделаны широким изогнутым лезвием, похожим на ритуальный клинок или серп. Но самое скверное — обстановка вокруг тел.Владимир Александрович ткнул пальцем в снимки общего плана.Рядом с каждым изуродованным телом чернело пепелище. Аккуратный, выложенный по кругу из речных камней или битого огнеупорного кирпича костер. В золе эксперты обнаружили остатки трав: полынь, белена, можжевельник. А на стенах вокруг — копотью и кровью выведены странные, ломаные геометрические знаки, напоминающие перевернутые руны.– Пресса пока молчит, утечку мы заблокировали, – полковник посмотрел на сына тяжелым, немигающим взглядом. – Но слухи по Московскому району уже поползли. Если поползут дальше — в городе начнется паника. На раскрытие и задержание уродов, Станислав, я даю твоей группе ровно трое суток. Семьдесят два часа.– Трое суток на серийного маньяка с ритуальным уклоном? – Стас поднял на отца потемневшие голубые глаза. – Батя, это безумие. Тут нужен перекрестный анализ по всей области, агентурная сеть, проверка психдиспансеров…– Время пошло, майор Богданов, – отрезал полковник. – Не уложишься в трое суток — пойдешь под служебную проверку. Материалы дела у тебя. Свободны оба.***В кабинете оперов хлопнула дверь.Стас швырнул тяжелую папку на свой стол так, что подпрыгнула настольная лампа. Майор медленно развернулся, прислонился спиной к сейфу, скрестил руки на груди — правое запястье тут же заныло под эластичным бинтом, — и уставился на Максима.Алёнушкин стоял посреди комнаты. Он снял куртку, оставшись в темно-зеленом свитере, и молча смотрел на командира. Ни тени страха, ни вины на его круглом, спокойном лице не было. Лишь глубокая, взрослая усталость.– Зачем? – негромко, но так, что каждое слово резало воздух как стекло, спросил Стас. – Зачем ты мне соврал, Максим?Максим не отвел взгляда:– А что я должен был тебе сказать?– Правду! – с жаром, сорвавшись на крик, бросил Стас. Ребра справа обожгло резкой болью, он поморщился, но шагнул к напарнику. – Ты должен был сказать мне правду! Что бате плевать на меня! Что он назвал меня сопливым пацаном и предпочел свой гребаный министерский селектор! Зачем ты устроил этот цирк?! «Он звонил, он рвался, он сказал, ты лучший»… Ты надо мной посмеяться решил?! Из жалости эту сказку сочинил?!Максим резко шагнул вперед, сокращая дистанцию. В его невысокой, плотно сбитой фигуре вдруг проснулась такая дикая, сжатая в стальную пружину сила, что Стас невольно осекся.– Из жалости?! – прошипел Максим, заглядывая майору прямо в зрачки. Синие глаза Алёнушкина потемнели до цвета грозового неба. – Ты себя в зеркало видел тогда, Богданов?! Ты лежал на операционном столе, из тебя кровь литрами качали, у тебя ребра в легкое вонзились! Я тебя на руках до машины тащил, у меня самого плечо рвалось к чертовой матери! Я думал, ты до больницы не доедешь! А когда ты очнулся — первое, что ты спросил своими пересохшими губами: «Батя звонил? Он приедет?»Максим тяжело перевел дыхание, его грудь вздымалась под свитером:– Ты лежал там, весь поломанный, зашитый, и смотрел на меня как пацан семилетний, который ждет, что отец придет и скажет, что он молодец! И что я должен был сделать?! Сказать: «Нет, Стас, твой батя положил на тебя хрен, потому что у него отчет в главке, а ты, по его мнению, сам виноват, что из окна выпал»?! Добить тебя прямо там, на койке?!В кабинете повисла оглушительная, мертвая тишина. Было слышно только, как за окном свистит декабрьский ветер и гудят старые чугунные батареи.Стас стоял, опустив руки. Вся ярость, вся обида, душившая его последние полчаса, вдруг вытекла

из него без остатка, оставив после себя лишь ноющую пустоту и странное, почти пугающее потрясение.Майор смотрел на Максима. На его упрямый подбородок, на короткий ежик волос, на сжатые в кулаки руки, готовые защищать его — Стаса — даже от правды, даже от собственного отца. Никто в жизни не закрывал Богданова собой так, как делал этот купчинский парень. Ни мать, пока была жива, ни армейские друзья, ни женщины.Стас медленно поднял здоровую левую руку, протянул ее вперед и тяжело, крепко опустил ладонь на затылок Максима. Пальцы майора зарылись в жесткие темные волосы, притягивая Алёнушкина ближе.– Дурак ты, Дин, – хрипло, со сбившимся дыханием выдохнул Стас, упираясь своим лбом в лоб напарника. – Набитый, упертый купчинский дурак.Максим шумно выдохнул, напряжение в его плечах спало. Он не отстранился. Напротив, положил свою ладонь на здоровое плечо Стаса, слегка сжав пальцы:– Какой есть, командир. Другого в убойный не завезли.– И слава богу, – тихо отозвался Стас.Они простояли так несколько секунд, деля одно дыхание на двоих в пыльном полумраке казенного кабинета. Граница между ними, та самая невидимая черта устава и званий, окончательно стерлась, уступив место чему-то нерушимому, спаянному кровью и верностью.Стас медленно отпустил его, тряхнул кудрявой головой и кивнул на стол:– Ладно. Сопли в сторону. У нас семьдесят два часа, чтобы не отправиться пасти коров в Красное Село. Давай бумаги.***Следующие четыре часа прошли в бешеной интеллектуальной гонке.Стас расчистил большую магнитную доску на стене и принялся выстраивать аналитическую схему. В центре появились фотографии трех жертв: неопознанный мужчина лет пятидесяти (кличка «Сиплый»), бродяга с Варшавской по имени Генка-Хромой и пожилая бездомная женщина, известная местным как «Мать Тереза».Максим сидел за компьютером, с поразительной скоростью пробивая базы данных, картотеки закрытых религиозных сект и форумы неоязычников.– Смотри, Стас, – Максим повернул монитор к майору. – Я связался со специалистами по этнографии из Музея религии. Эти знаки на стенах — не славянские руны. Это стилизация под скандинавские «гальдраставы» и символы древнегерманского культа Черного Солнца и Вотана в его самой темной, хтонической ипостаси. По их верованиям, перед зимним солнцестоянием границы миров истончаются. Чтобы получить абсолютную силу, здоровье или власть над душами, адепты культа должны принести в жертву «отверженных» — тех, чья жизнь для общества не имеет ценности.– Бездомные, – мрачно кивнул Стас, крутя в здоровых пальцах маркер. – Никто не заявит о пропаже, никто не кинется искать на следующий день. Идеальный расходный материал для психов.– Именно. Но жертв должно быть определенное количество, – Максим ткнул пальцем в распечатку текста из старинного трактата. – Четыре стихии. Четыре стороны света. Четыре сердца. Первое — Огонь (котельная на Воздухоплавательной). Второе — Земля (пустырь на Гагарина, теплотрасса). Третье — Воздух (расселенный дом на Варшавской, верхний этаж под крышей).– Значит, осталась Вода, – глаза Стаса хищно сузились. Мозг майора заработал как швейцарский хронометр. – Четвертая жертва должна быть принесена у воды. И замкнуть ритуальный круг до дня солнцестояния! А солнцестояние когда?– Через двое суток, – тихо произнес Максим. – В ночь с двадцать первого на двадцать второе декабря. Ровно к исходу нашего дедлайна.– Где у нас вода в Московском районе? – Стас шагнул к карте. – Район сухой, это не Васька и не Петроградка. Каналов нет. Есть пруды в парке Победы и парке Авиаторов. Есть река Волковка на границе с Фрунзенским. И система старых пожарных резервуаров и подземных коллекторов бывшего мясокомбината имени Кирова на Московском шоссе.– Поехали на Варшавскую, – Максим поднялся, застегивая куртку. – Третий труп нашли только утром. Эксперты закончили, но мы там еще не были. Место преступления всегда говорит больше, чем протоколы.***Дом на Варшавской представлял собой угрюмый памятник советскому конструктивизму: пятиэтажка с выбитыми окнами, заколоченными подъездами и облупившейся серой штукатуркой, ожидавшая сноса посреди новостроек.Они поднялись на чердак по полуразрушенной бетонной лестнице, подсвечивая путь мощными тактическими фонарями. Воздух здесь был ледяным, пахло промозглой сыростью, птичьим пометом и тем

самым сладковато-приторным, металлическим духом свежей человеческой крови, который ни один опер не спутает ни с чем на свете.Тело женщины уже увезли в морг, но на полу чердака отчетливо виднелся меловой контур. Рядом чернел круг ритуального костра, выложенный из кусков старого кирпича. На балках перекрытия бурыми разводами застыли рунические символы.Стас осторожно опустился на одно колено, стараясь не напрягать правый бок. Его фонарь медленно скользил по доскам пола.– Работали двое, – негромко произнес майор, указывая лучом света на следы в вековой чердачной пыли. – Смотри, Макс. Вот здесь — тяжелые берцы с глубоким протектором, размер сорок четвертый-сорок пятый. Шаг широкий, уверенный. Он держал жертву, заламывал руки. А вот второй след — размер сорок первый, аккуратная подошва дорогого зимнего ботинка без каблука. Он не боролся. Он подошел, когда жертва уже была обездвижена, и сделал надрез.Максим подошел к кострищу, присел на корточки и кончиком карманного ножа аккуратно разворошил серый пепел.– Травы те же. Полынь, белена, – пробормотал Алёнушкин. Вдруг лезвие ножа обо что-то звякнуло. – Опа. А это что такое? Максим осторожно подцепил пинцетом из кармана небольшой предмет, запекшийся в угле, и поднес к свету фонаря.Это был обгоревший металлический кругляк размером с пятирублевую монету. На очищенной от сажи поверхности тускло блеснуло серебро: оскаленная морда волка в кольце из рунической вязи.– Клубный жетон, – Стас прищурился, разглядывая находку. – Или пропуск. На обратной стороне есть гравировка?Максим перевернул кругляк:– Латинские буквы: «L.V.». И номер: 014.Стас замер на секунду, а затем его лицо озарила хищная, торжествующая улыбка:– «Lupus Venator». Охотничий волк. Закрытый стрелковый клуб на Лиговском проспекте! Они позиционируют себя как элитное сообщество любителей исторического холодного оружия и практической стрельбы. Год назад по оперативным сводкам проходила информация, что там собираются отмороженные ультраправые фанатики и оккультисты, но доказательств не было.– Если жетон номерной — у них есть список членов, – подхватил Максим, поднимаясь на ноги. – Четырнадцатый номер… Это руководство или старый костяк.– В машину, – скомандовал Стас. – Время не ждет.***Вторые сутки расследования превратились в адский марафон без сна и отдыха.Официально нагрянуть с обыском в элитный клуб полковник Богданов запретил: у заведения была серьезная «крыша» в городском комитете по законности и правопорядку.– Без прямых улик вас самих там положат мордой в пол, – бросил полковник по телефону. – Ищите связь жетона с конкретным человеком. У вас осталось тридцать шесть часов.Стас и Максим не спали больше суток. Глаза майора покраснели, правое запястье дергало от сырости, но мозг продолжал выстраивать безупречную комбинацию.Через старые связи Максима в Центральном районе и хакерские базы данных они вскрыли закрытый реестр стрелкового клуба. Жетон под номером 014 принадлежал некоему Воронову Кириллу Андреевичу, тридцати шести лет. Владелец сети частных медицинских клиник, практикующий хирург-кардиолог, кандидат медицинских наук. Коллекционер средневекового оружия.– Кардиолог… – выдохнул Стас, глядя на досье Воронова на экране монитора в три часа ночи. – Господи, ну конечно! Кто еще может за две минуты в полевых условиях анатомически чисто вскрыть грудную клетку и извлечь сердце?! Для него это привычная операция!– А второй — исполнитель, – добавил Максим, открывая страницу окружения Воронова. – Его личный водитель и начальник охраны, бывший боец ЧВК с позывным «Молот». Сорок пятый размер ноги, рост под два метра, судимость за нанесение тяжких телесных.– Где они возьмут четвертую жертву? – Стас подошел к карте города. – Вода. Время — следующая ночь, пик солнцестояния.– Мясокомбинат на Московском шоссе, – уверенно произнес Максим, ткнув пальцем в южную окраину района. – Там огромный заброшенный комплекс водоочистных сооружений и подземных резервуаров с ледяной водой. Идеальное место: глухое, закрытое, туда часто забредают на ночлег бездомные, спасаясь от морозов у теплотрасс. Никаких случайных свидетелей.Стас посмотрел на часы. До полуночи третьих суток оставалось двадцать часов.– Едем на место, – сказал майор, проверяя обойму табельного ПМ. – Сделаем засаду заранее. Брать будем с полич-

ным, на месте ритуала. Чтобы ни одна прокурорская крыса не смогла их отмазать.***Ночь зимнего солнцестояния накрыла южные окраины Петербурга глухим, беспросветным мраком. Мороз ударил под минус пятнадцать, сковав ледяной коркой раскисшую грязь вокруг циклопических, полуразрушенных корпусов заброшенного мясокомбината.Внутри подземного резервуара водоочистной станции царил могильный холод. С потолка свисали длинные сосульки, под ногами на полуметровой глубине плескалась черная, маслянистая ледяная вода, затянутая тонким ломким ледком. В центре зала возвышался бетонный постамент — техническая площадка насосной станции, куда вела ржавая железная лестница.На площадке уже пылал костер. Пламя от сухих дров, пропитанных горючей смесью, отбрасывало пляшущие, зловещие тени на облупленные стены резервуара. Воздух был напоен удушливым, дурманящим запахом горящей белены и горькой полыни.На бетонном полу, связанный по рукам и ногам толстой альпинистской веревкой, лежал пожилой бездомный. Во рту у него был кляп, глаза бродяги были расширены от смертного ужаса: он видел то, что готовилось на алтаре.Над ним возвышались двое.Один — огромный, плечистый громила в черном камуфляже без знаков различия, державший в руках тяжелую металлическую дубинку. «Молот».Второй стоял у самого костра. На нем был длинный черный кожаный плащ, под которым белел хирургический костюм. На лице — серебряная маска волка, закрывавшая верхнюю половину черепа. В руках Кирилла Воронова тускло мерцало широкое, изогнутое лезвие ритуального жертвенного серпа из дамасской стали.– Вода принимает последнюю дань, – глухим, вибрирующим от религиозного экстаза голосом нараспев произнес Воронов. – Четвертый узел завязан. Сила древних возвращается в кровь избранных…Хирург шагнул к лежащему бродяге, занес клинок над его грудью, выбирая точку между третьим и четвертым ребром…– БРОСИТЬ ОРУЖИЕ! ПОЛИЦИЯ!Голос Максима Алёнушкина разорвал гулкую тишину подземелья, как выстрел крупнокалиберного орудия.Максим возник на краю освещенного круга словно из ниоткуда. Без куртки, в одном свитере, с табельным пистолетом, направленным точно в переносицу Воронова.План, который они разработали со Стасом, был безумным и смертельно опасным: Максим отвлекал внимание на себя, вызывая огонь на открытом пространстве, пока Стас, ограниченный травмой ребер и не способный на рукопашную схватку, занимал скрытую огневую позицию на техническом мостике под самым потолком резервуара.– Стоять, ублюдки! – крикнул Максим, делая шаг вперед по щиколотку в ледяной воде. – Руки за голову, оба! Шаг в сторону — стреляю на поражение!Воронов от неожиданности отшатнулся, опустив серп. Но гигант «Молот» среагировал мгновенно, как дрессированный боевой пес.С глухим звериным рыком амбал выхватил из-под камуфляжной куртки помповое ружье двенадцатого калибра и вскинул его к плечу, целясь прямо в грудь Максима. Дистанция была убойной — картечь разнесла бы Алёнушкина в клочья за долю секунды.Максим даже не дрогнул. Бесстрашие купчинского парня в эту секунду граничило с безумием: он не стал прыгать в ледяную воду в поисках укрытия, а нажал на спуск своего ПМ. Пуля выбила щепу из цевья ружья, но «Молот» успевал передернуть затвор…*БАХ!*Сухой, раскатистый винтовочный грохот разорвал темноту под сводами резервуара.Это был Стас.Лежа на узком металлическом мостике на высоте шести метров, превозмогая адскую вспышку боли в сломанных ребрах от отдачи оружия, майор Богданов стрелял левой рукой — расчетливо, выверено, с филигранной снайперской точностью, помноженной на его феноменальную реакцию.Пуля калибра 9х18 вошла точно в правое плечо «Молота», перебив сухожилие. Ружье со звоном выпало из ослабевших пальцев громилы и булькнуло в черную воду.– Твою мать! – взвыл Воронов.Поняв, что ритуал сорван, хирург-фанатик впал в слепую, бешеную ярость. Он с размаху опустил ритуальный серп вниз, намереваясь во что бы то ни стало вонзить его в горло связанного бездомного, чтобы завершить кровавую жертву! Но Максим уже преодолел разделявшие их десять метров.В невероятном, стелющемся прыжке Алёнушкин взлетел на бетонный постамент, сбил Воронова с ног всем весом своего тела, и они покатились по камням прямо сквозь угли костра. Огненные искры брызнули во все стороны,

запахло паленой шерстью свитера.Воронов, обладавший жилистой, сумасшедшей силой фанатика, полоснул клинком наотмашь. Острое лезвие рассекло рукав Максима, оцарапав предплечье, но Алёнушкин лишь глухо зарычал. Правой рукой он намертво перехватил запястье кардиолога, впечатал его кисть в бетон, выбивая оружие, а левой — коротко, страшно, со всей пролетарской купчинской ненавистью врезал Воронову точно в серебряную маску.Металл маски треснул, брызнула кровь из сломанного носа хирурга. Воронов обмяк, потеряв сознание.В этот момент раненый «Молот», зажимая плечо, попытался рвануть к выходу через дренажный тоннель.Сверху раздался металлический лязг.

Анатомия верности

Сверху раздался металлический лязг. Стас Богданов, наплевав на запреты врачей, съехал по крутой железной лестнице на одних перилах, приземлился в ледяную воду, зашипел от вспышки боли в сломанных ребрах, но инерцию движения не потерял ни на долю секунды.

Вода в резервуаре обожгла ноги холодом через берцы, доходя почти до середины голени. Мелкие льдинки с хрустом крошились под подошвами.

Раненый «Молот», прижимая простреленное плечо, споткнулся о затопленный рельс узкоколейки и обернулся. В мутном полумраке подземелья, освещенного лишь затухающим ритуальным костром, амбал походил на загнанного в угол полярного медведя. Увидев перед собой высокого, светло-русого майора, у которого правая рука была жестко зафиксирована эластичной манжетой, наемник оскалил окровавленные зубы и с глухим утробным рыком попытался сбить Стаса уцелевшей левой рукой, целясь тяжелым кулаком в висок.

– Стоять, мразь! – хрипло выдохнул Стас.

Богданов не стал принимать удар на блок — с его ребрами это было бы самоубийством.

Аналитический мозг майора мгновенно просчитал траекторию в вязкой водной среде: Стас резко ушел влево, поднырнув под летящую руку амбала. Ледяные брызги хлестнули по лицу, заливая глаза, но Богданов, используя инерцию нападающего и собственную массу, впечатал здоровое левое плечо прямо под ребра наемника, одновременно ставя жесткую подсечку левой ногой.

Огромная туша «Молота» с пушечным грохотом и фонтаном маслянистой жижи рухнула на спину в черную ледяную воду.

Волна окатила Стаса с головой. Перехватив дыхание от нечеловеческого холода, майор навалился коленом на грудь нападающего, вдавливая его в илистое дно резервуара. Здоровая левая рука Богданова выхватила из кармана стальные наручники, но амбал, захлебываясь, еще пытался отбиваться, молотя свободной ногой по воде.

– Мордой в дно, урод! – прорычал над ухом знакомый голос.

С бетонного помоста, взметнув столб черных брызг, прямо на плечи наемнику приземлился Максим Алёнушкин.

Коренастый, плотно сбитый лейтенант действовал с методичной, сокрушительной яростью купчинских подворотен. Не тратя времени на уговоры, Максим перехватил уцелевшую левую руку гиганта на излом, вывернул локтевой сустав до сухого щелчка и с силой прижал голову наемника к затопленному рельсу.

– Дёрнешься — связки порву к чертовой матери, – ледяным, вибрирующим от адреналина шепотом бросил Максим. – Защелкивай, Стас! Живо!

Стас щелкнул стальными браслетами на запястьях «Молота», сводя их за широкой спиной амбала. Тот лишь тяжело, с бульканьем захрипел, окончательно сдаваясь и выплевывая на лед темную пену.

Майор медленно поднялся на ноги.

Тело сотрясал крупный, судорожный озноб. Штаны и куртка насквозь промокли в ледяной жиже, вода стекала по светло-русым кудрям, заливая воротник, а правый бок жгло так, словно туда вогнали раскаленный штырь. Стас судорожно втянул морозный воздух сквозь сжатые зубы, прижав загипсованную руку к ребрам, и едва не осел обратно в воду — колени предательски подкосились.

Максим мгновенно оказался рядом.

Мокрый, перепачканный в саже костра и чужой крови, с разорванным рукавом свитера, он подставил свое крепкое правое плечо, намертво перехватив Стаса за пояс и удерживая его в вертикальном положении.

– Держу, командир. Держу, – горячо зашептал Максим, заглядывая снизу вверх в побледневшее лицо Богданова. – Не падай. Всё, взяли гадов. Слышишь? Взяли обоих!

– Слышу… – с трудом вытолкнул из груди Стас. Сердце майора колотилось о сломанные ребра, как птица в клетке. Он посмотрел на Алёнушкина, встретившись с ним взглядом прозрачных синих глаз, в которых сквозь торжество победы пробивалась почти паническая тревога за него. – Деда… развяжи. Он там… замерзнет нахрен.

Максим бросил быстрый взгляд на бетонный постамент, где в свете догорающих углей лежал связанный бродяга.

– Сейчас. Обопрись на лестницу, стой здесь и не шевелись!

Максим взлетел на постамент, выхватил из кармана складной нож и в два точных движения перерезал толстые альпинистские веревки на запястьях и лодыжках старика. Выдернул из его рта грязный кляп.

Пожилой бездомный, трясясь всем телом в грязном ватнике, всхлипнул, упал на колени перед Максимом и попытался схватить его за руки:

– Сынок… Сыночек, господи… Они ж меня зарезать хотели… Сердце вынуть хотели… Живьем…

– Всё, батя, тихо, тихо, – Максим мягко, но властно поднял старика, накинул на его дрожащие плечи сухую камуфляжную куртку, брошенную наемником, и помог подняться. – Полиция Московского района. Всё закончилось. Никто тебя не тронет. Наверх потихоньку иди, там теплотрасса рядом.

Рядом на каменном постаменте застонал поверженный хирург Воронов. Кардиолог шевелился, сплевывая кровь сквозь разбитые губы. Его серебряная маска волка валялась в золе, расколотая пополам страшным ударом Максима, открывая холеное, искаженное ненавистью лицо кандидата медицинских наук.

– Вы… вы ничтожества… – хрипел Воронов, слепо шаря пальцами по камням в поисках выпавшего серпа. – Вы сорвали круг… Вы не понимаете, что натворили… Солнцестояние… кровь должна была замкнуть цикл…

Стас, превозмогая адскую боль в боку, тяжело поднялся по ступеням на постамент. Шаги майора были медленными, чеканными, с его мокрой куртки ручьями стекала грязная вода.

Богданов остановился над поверженным фанатиком, наклонился, глядя прямо в безумные зрачки врача своими ледяными, васильковыми глазами, и негромко, с убийственным спокойствием произнес:

– Цикл твой, гражданин кандидат наук, замкнется в «Крестах». По двести десятой и сто пятой, через пожизненное. Там тебе сокамерники быстро объяснят анатомию жертвоприношений.

Стас повернулся к выходу из резервуара, достал из внутреннего непромокаемого кармана рацию и нажал тангенту:

– «Волга-один», я «Байкал». Ритуальное место зачищено. Подозреваемые Воронов и исполнитель обезврежены, оружие на месте, свидетель жив. Вызывайте две кареты «скорой» и следственную группу главка на территорию мясокомбината. Прием.

Из динамика сквозь треск помех донесся ошарашенный, почти испуганный голос дежурного:

– «Байкал», вас понял! Спецназ и следственная выехали! Полковник Богданов на связи, движется к вам лично!

Стас медленно опустил рацию.

– Ну вот и всё, Дин, – тихо сказал майор, бросив взгляд на Максима. – Кажется, успели. До полуночи еще целый час.

Максим слабо усмехнулся, но тут же нахмурился, заметив, как сильно дрожат губы Стаса от подступающего переохлаждения:

– Успели, Сэм. А теперь садись к костру, пока мы с тобой тут памятниками не замерзли. Тебе только пневмонии сейчас не хватало для полного счастья.

***

Через двадцать минут заброшенные корпуса мясокомбината озарились десятками красно-синих проблесковых маячков.

Тяжелые бронированные «Тигры» СОБРа с ревом моторов проломили ржавые въездные ворота, оцепляя периметр. Следом за ними по ледяной колее вкатились три кареты реанимации, микроавтобусы криминалистической лаборатории и черный служебный «УАЗ Патриот» руководства РУВД.

Когда бойцы в черной броне с автоматами наперевес ворвались в подземный резервуар, их взорам предстала картина, достойная милицейских летописей: двое закованных в железо опаснейших преступников города сидели на ледяном полу под дулом табельного пистолета Алёнушкина, испуганный бомж пил горячий чай из дежурной фляжки, а майор Богданов, привалившись спиной к бетонной колонне, методично диктовал прибывшему эксперту протокол осмотра места происшествия, не обращая внимания на лужу воды, натекшую под его ногами.

Тяжелые шаги раздались у входа.

СОБРовцы расступились, беря под козырек. В освещенный прожекторами зал вошел полковник Богданов.

Владимир Александрович был в длинной генеральской шинели с каракулевым воротником, расстегнутой на груди. Его массивное, обветренное лицо казалось высеченным из серого карельского гранита. Старый полковник медленно обвел взглядом подземный зал: ритуальный костер, серебряные обломки маски, жертвенный серп в руках эксперта, двух поверженных головорезов и дрожащего от пережитого ужаса свидетеля.

Затем его взгляд остановился на сыне.

Стас не шевелился. Он стоял, прислонившись к бетону, мокрый до нитки, с синими от холода губами, с темными кругами под глазами от двух суток бессонной гонки, но его подбородок был поднят высоко и гордо. Рядом плечом к плечу стоял Максим — такой же мокрый, перепачканный, но абсолютно несокрушимый, готовый в любую секунду закрыть командира собой.

Владимир Александрович подошел вплотную.

Воздух между отцом и сыном сгустился до предела. Эксперты и следователи затаили дыхание, зная крутой, беспощадный нрав начальника управления. Все помнили, как две недели назад полковник показательно разносил сына за разбитую челюсть Шапочкина и наряды вне очереди.

Полковник долго, тяжело смотрел в глаза Стасу. В этих синих, бездонных глазах старого волка не было больше служебной ярости. В них плескалась глухая, ошеломленная, почти благоговейная гордость человека, который вдруг понял, что воспитал офицера, превзошедшего его самого.

Взгляд полковника скользнул на Максима. Алёнушкин не опустил глаз, встретив взор начальника твердо, открыто и спокойно — взглядом волка, защищающего свою стаю.

Владимир Александрович медленно поднял руку к каракулевой папахе и четко, по-военному отдал честь:

– Докладывай, майор.

– Поставленная задача выполнена, товарищ полковник, – севшим, но абсолютно твердым голосом отчеканил Стас. – Серия ритуальных убийств в Московском районе ликвидирована в полном объеме. Четвертая жертва спасена. Исполнители задержаны с поличным, орудия преступления изъяты. Срок исполнения — сорок семь часов сорок минут.

В гулком подземелье повисла звенящая тишина.

Полковник Богданов медленно опустил руку. Затем, неожиданно для всех присутствующих, он шагнул вперед, сбросил с плеч свою тяжелую, сухую и теплую офицерскую шинель на меху и одним широким, властным движением накинул ее на мокрые, вздрагивающие от холода плечи сына, плотно запахнув воротник.

Стас замер, опешив от этого жеста. За все тридцать лет жизни отец ни разу не укрывал его своей одеждой.

– В машину, – негромко, без единой командирской нотки, глухим от волнения голосом произнес Владимир Александрович. Его тяжелая ладонь на долю секунды опустилась на затылок Стаса, сжав светло-русые влажные кудри точно так же, как сам Стас сжимал волосы Максима в больнице. – Живо в машину, Станислав. Врач ждет.

Затем полковник повернулся к Максиму. Окинул взглядом его разорванный свитер, коренастую фигуру и синие, упрямые глаза:

– Алёнушкин.

– Я, товарищ полковник.

Владимир Александрович протянул ему свою широкую, мозолистую руку:

– Спасибо за сына, сынок. И за работу спасибо. Сергей Николаевич вырастил настоящего человека. Я перед ним в долгу.

Максим крепко, по-мужски пожал сухую ладонь полковника.

– Служу закону, товарищ полковник.

– Закон сегодня в вашем лице сработал, – покачал головой Богданов-старший. – Значит так. Доклады в главк я беру на себя. Генералу доложу лично. Премиальные и представление к ведомственным наградам подпишу утром. А сейчас — оба на трое суток освобождаетесь от любой оперативной работы. Чтобы духу вашего в отделе не было до понедельника. Шагом марш греться.

***

Выбраться из лап ведомственных медиков оказалось сложнее, чем обезвредить банду кардиолога.

В служебном микроавтобусе скорой помощи Стаса и Максима раздели до пояса, растерли спиртом докрасна, заставили выпить по стакану горячего чая с глюкозой и заново наложили тугие фиксирующие повязки. Хирург долго ругался, щупая ребра майора, но, к удивлению врачей, кости устояли: эластичный бандаж и мышечный корсет спасли Стаса от повторного смещения, хотя синяк на правом боку налился багрово-черным цветом.

От госпитализации в двадцать шестую больницу оба оперативника отказались категорически, написав совместную отказную прямо на планшете фельдшера.

– Еще один день в этой богадельне — и я сам кого-нибудь в жертву принесу, – ворчал Стас, натягивая на сухое тело принесенный из машины запасной свитер и теплую зимнюю куртку. – Поехали, Макс. У меня кости ноют так, будто по мне каток проехал.

– А за руль кто сядет, калека? – усмехнулся Максим, закрывая дверь скорой. – Твое правое запястье опять как бревно.

– Ты сядешь, – Стас бросил ему ключи от «Форда». – Довезешь командира до базы?

– Обижаешь, майор, – поймал связку Алёнушкин. – Садись. Печка уже шпарит.

Когда они выехали за ворота мясокомбината, стрелки часов на приборной панели показывали половину первого ночи.

Петербург засыпал под пушистым, белым покрывалом свежего снега. Мороз усилился, выбеливая кроны деревьев в парках, но на душе было странно, непривычно тихо. Все тревоги, все призраки древних культов, вся кровь и грязь остались позади, растворившись в морозном воздухе.

«Форд» мерно урчал, разрезая фарами метель на Московском проспекте. Из колонок тихо, почти интимно пел Бутусов про крылья, которых жаль, но которые все-таки есть.

Стас сидел на пассажирском сиденье, откинув голову на подголовник. Его глаза были полуприкрыты, но он не спал — майор украдкой наблюдал за профилем Максима в зеленоватом свете приборной панели. За его уверенными, спокойными руками на руле, за тем, как Алёнушкин мягко входит в повороты, не допуская ни малейшей тряски, чтобы не потревожить сломанные ребра напарника.

– Макс, – негромко позвал Стас.

– Чего, Сэм? – не отрывая взгляда от дороги, отозвался Максим.

– Куда мы едем? Мой поворот на Краснопутиловскую мы три перекрестка назад проскочили.

Максим коротко хмыкнул, перестраиваясь в крайний левый ряд:

– Домой к тебе мы не поедем.

Стас удивленно приподнял бровь:

– Это еще почему?

– Потому что у тебя в холодильнике, майор, шаром покати, – отрезал Максим менторским тоном. – Мышь повесилась и записку оставила. Ты две недели в больнице валялся, у тебя там даже молока к чаю нет. Квартира вымерзла, отопление в сталинках после аварии еле дышит, а тебе сейчас нужно тепло, горячий бульон и нормальный уход, иначе к утру с воспалением легких свалишься.

– И куда же ты меня везешь, похититель в погонах? – с затаенной улыбкой спросил Стас, хотя сердце в груди почему-то сладко екнуло.

– В Купчино, – невозмутимо ответил Максим. – На улицу Димитрова. Ко мне на базу. Тетя Валя суп с фрикадельками сварила, батареи у нас жарят как в аду, а главное…

Максим повернул голову и лукаво подмигнул Стасу:

– Тебя кое-кто три недели ждет. Тот самый аристократ с помойки. Обещания надо выполнять, товарищ майор.

Стас замолчал. Внутри разлилась такая щемящая, теплая волна нежности, что перехватило дыхание. Он посмотрел в окно на проносящиеся мимо огни спальных районов, на серое ленинградское небо, которое больше не казалось чужим и враждебным, и тихо, хрипло выдохнул:

– В Купчино так в Купчино. Рули, Дин.

***

Дом на улице Димитрова оказался типичной панельной девятиэтажкой брежневской эпохи: вытертый временем фасад, подъезд с запахом жареной картошки и мокрой побелки, старый лифт, обитый листами крашеного железа, поднимавшийся на шестой этаж с натужным стоном.

Стас шел медленно, опираясь левой рукой о плечо Максима. Сказывалась страшная усталость: адреналин окончательно схлынул, оставив после себя свинцовую тяжесть в мышцах и ноющую, тупую боль в заживающих костях.

Максим достал связку ключей, открыл старую дерматиновую дверь квартиры 48 и толкнул ее вперед:

– Заходи, командир. Добро пожаловать в купчинские трущобы.

Едва порог переступила тяжелая фигура Стаса, из глубины узкого, освещенного тусклым бра коридора раздался звонкий, радостный перестук когтей по старому линолеуму.

– Тяв!

Из комнаты, заносясь на поворотах и смешно виляя всей задней частью тела, вылетело маленькое бело-рыжее пушистое торпедо.

– Мартин, тихо! Свои! – со смехом скомандовал Максим, опускаясь на одно колено.

Кавалер кинг чарльз спаниель затормозил перед вошедшими всеми четырьмя лапами. Его длинные, шелковистые уши с рыжими завитками смешно подлетели вверх, влажный чер-

ный нос заработал с бешеной скоростью, втягивая запахи морозной улицы, пороха, больницы и чужого человека.

Собака замерла на секунду, склонив голову набок, уставившись на высокого, незнакомого майора огромными, темными, абсолютно человеческими глазами-вишнями.

Стас затаил дыхание.

Майор убойного отдела, который полчаса назад хладнокровно смотрел в глаза серийному убийце и стрелял без промаха на поражение, сейчас стоял в тесной купчинской прихожей, боясь пошевелиться. В памяти с безжалостной отчетливостью вспыхнул зимний вечер тридцатилетней давности: холодные руки отца-полковника, сжимающие шкирку беспородного черного щенка, глухой стук дверцы мусоропровода и безжалостные слова: *«Офицер не имеет права привязываться к бабской слабости»*.

Стас сглотнул вставший поперек горла ком. Его светло-русые кудри упали на лоб, голубые глаза заблестели от внезапно подступивших, непрошеных слез, которые он не позволил бы себе ни перед кем в мире.

Майор медленно, осторожно, стараясь не делать резких движений, опустился на здоровое левое колено прямо на потертый коврик у порога. Вытянул вперед здоровую левую руку открытой ладонью вверх:

– Привет, малыш… – сиплым, дрогнувшим голосом позвал Стас. – Ну привет…

Мартин сделал осторожный шаг вперед. Обнюхал пальцы майора, пахнущие металлом и холодом.

А в следующую секунду произошло то, чего не ожидал даже сам Максим.

Спаниель радостно, заливисто взвизгнул, подпрыгнул на передних лапах и всем своим маленьким шелковистым телом буквально впечатался в грудь Стаса! Его теплый шершавый язык принялся с неистовой, слепой собачьей любовью вылизывать лицо майора: соленую щеку, ссадину на скуле, кончик носа, мокрые виски. Длинные пушистые уши Мартина обвились вокруг шеи Стаса, маленький рыжий хвост ходил ходуном, поднимая легкий сквозняк.

Стас не выдержал.

Он зажмурился, спрятал лицо в мягкую, густую, пахнущую детским шампунем и домашним теплом шерсть собаки, и крепко, насколько позволяли сломанные ребра, обнял спаниеля здоровой рукой. Плечи тридцатилетнего майора полиции мелко, судорожно дрогнули один раз. Другой.

Он сидел на коленях в прихожей чужой съемной квартиры в Купчино, прижимая к себе маленькое живое существо, которое безоговорочно, с первой секунды приняло его со всеми его шрамами, сломанными костями и изувеченной душой. Рана из далекого детства, нывшая тридцать лет, затягивалась прямо сейчас — мягко, бережно, навсегда.

Максим стоял у стены, прислонившись к дверному косяку. Он молча смотрел на эту картину, и в его синих глазах стояло такое глубокое, тихое счастье, какого он не испытывал, наверное, с тех самых пор, как впервые взял в руки гитару.

Алёнушкин осторожно подошел, опустился рядом на корточки и положил свою широкую, теплую ладонь на вздрагивающее плечо Стаса, слегка сжав пальцы:

– Я же говорил, командир… Он гостей любит. Особенно кудрявых.

Стас поднял голову. Глаза майора были влажными, покрасневшими, но на лице цвела такая открытая, сияющая и бесконечно благодарная улыбка, что Максим невольно затаил дыхание.

– Чудо какое-то, – хрипло выдохнул Стас, почесывая спаниеля за шелковистым ухом, отчего пес довольно зажмурился и тихо заурчал. – Чистое чудо, Макс… Спасибо тебе.

– Да брось ты, – смутился Максим, отводя глаза. – Разувайся давай. Мартин, отойди, дай человеку сапоги снять. Пошли на кухню. Бульон греть будем.

***

Квартира Максима была крошечной, однокомнатной, но удивительно уютной и обжитой.

Здесь не было евроремонта и дорогой мебели: стоял старый полированный шкаф с книгами, круглый обеденный стол у окна, диван, накрытый клетчатым шотландским пледом, и тяжелая чугунная батарея, от которой действительно исходил бешеный, спасительный жар. В углу на специальной стойке покоилась черная электрогитара «Ibanez», на стенах висели постеры рок-групп в простых деревянных рамах: «Nautilus Pompilius», «Алиса», «Пикник» и огромный черно-белый плакат с братьями Винчестерами на фоне черной «Импалы».

Максим развил на кухне бурную деятельность.

Быстро переодевшись в мягкие домашние спортивные штаны и футболку, он усадил Стаса на широкий диван, обложив его подушками, укутал ноги в шерстяной плед и поставил на журнальный столик две глубокие глиняные миски с дымящимся, янтарным куриным бульоном с домашними фрикадельками и мелко нарубленной зеленью. Рядом легли ломти свежего черного хлеба, натертого чесноком.

– Ешь, – скомандовал Максим, присаживаясь рядом на край дивана. – Пока горячий. Силы нужны.

Мартин тут же пристроился на ковре прямо у ног Стаса, положив морду майору на здоровое колено и не сводя с него преданных глаз. Стас левой рукой аккуратно подцепил ложку, сделал первый глоток и замер:

– Господи… Это невероятно. Твоя соседка тетя Валя — святая женщина.

– Она мировая бабуля, – улыбнулся Максим, с аппетитом уплетая свою порцию. – Бывшая блокадница. Она меня с первого дня опекает, как я сюда въехал. Говорит: «Менты нормальные в Купчино редкость, тебя, сынок, беречь надо».

Они ели в тишине, наслаждаясь теплом, покоем и мерным гудением батареи. За окном шел густой снег, мягко укутывая огни ночного города.

Когда тарелки опустели, Максим унес посуду в раковину, вернулся с двумя большими кружками крепкого сладкого чая с лимоном, аптечкой и тюбиком ментоловой противовоспалительной мази.

– Снимай свитер, – деловито произнес Алёнушкин, опускаясь перед диваном на колени.

– Макс, да ладно, я сам… – попытался возразить Стас, но наткнулся на такой тяжелый, командирский взгляд младшего лейтенанта, что послушно замолчал.

Майор осторожно стянул через голову теплый свитер, оставшись в одних армейских брюках.

В полумраке комнаты его атлетичное, мускулистое тело выглядело как карта боевых действий: правый бок покрывала огромная багрово-синяя гематома, на ключице белел след от старого дренажа, на правом запястье алела полоса от гипсовой повязки, а на широких плечах темнели свежие царапины от кирпичей подземелья.

Максим на секунду замер, глядя на эти шрамы. В его синих глазах мелькнула острая, невыносимая боль, словно каждый этот синяк был оставлен на его собственном теле.

– Дурак ты все-таки, Богданов, – тихо, без тени насмешки выдохнул Максим. – С лестницы на одних руках съехать с такими травмами…

– Зато амбала взял, – криво усмехнулся Стас.

– Взял он… – проворчал Максим.

Он выдавил на свои широкие ладони порцию прозрачной мази, потер руки, чтобы согреть лекарство, и осторожно, невероятно бережно коснулся горячей кожи на правом боку Стаса.

Прикосновение было мягким, почти невесомым. Пальцы Максима плавно, круговыми движениями втирали ментоловый гель в ушибленные ткани, обходя острые выступы сломанных ребер. От его сильных рук исходило такое глубокое, целительное тепло, что Стас невольно шумно выдохнул, запрокинув кудрявую голову на спинку дивана и прикрыв глаза.

– Больно? – тихо спросил Максим, не отрывая рук.

– Нет… – хрипло отозвался Стас. Голос майора дрогнул. – Наоборот. Хорошо, Макс. Очень хорошо.

Пальцы Алёнушкина скользнули чуть выше, аккуратно разминая затекшие мышцы плеча и лопатки. Воздух в комнате словно снова натянулся, завибрировал той самой тонкой, пьянящей, звенящей нитью, от которой перехватывало дыхание.

Максим закончил втирать мазь, достал из аптечки широкий эластичный бинт и бережно, сантиметр за сантиметром, наложил свежую тугую повязку вокруг торса Стаса, надежно фиксируя ребра. При каждом обороте бинта его лицо оказывалось в считанных сантиметрах от груди майора; Стас чувствовал ровное, горячее дыхание напарника, запах хвойного мыла и тот неповторимый, родной купчинский дух, который стал для него дороже всего на свете.

Закрепив край бинта клипсой, Максим не убрал руки. Его широкая, теплая ладонь осталась лежать на груди Стаса — прямо над сердцем, которое билось ровно, мощно и гулко.

Максим поднял глаза. Их взгляды встретились в полумраке комнаты.

– Стас… – негромко, с легкой хрипотцой позвал Максим.

– Что, Дин? – так же тихо, почти шепотом ответил Богданов, не отводя прозрачных голубых глаз.

– То, что твой отец сказал там, в подвале… Насчет шинели. И насчет нас.

Стас слабо, устало улыбнулся уголком губ. Он поднял здоровую левую руку, протянул ее и осторожно, кончиками пальцев коснулся короткого темного ежика волос на затылке Максима, мягко сжав пряди:

– Батя всё понял, Макс. Он старый волк. Он понял, что у меня теперь есть ты. А у тебя есть я. И что сломать нас поодиночке больше ни у кого в этом городе не выйдет. Ни у бандитов, ни у главка, ни у системы.

Максим судорожно сглотнул. В его синих глазах блеснуло такое чистое, безграничное доверие, какого не купишь ни за какие ордена и звания. Он медленно подался вперед, прижался лбом к плечу Стаса, шумно выдохнув накопившуюся за эти страшные недели тяжесть.

– Я тебя не брошу, Сэм, – глухо, прямо в ткань повязки произнес Максим. – Никогда не брошу. Что бы ни случилось.

Холодный дым и чужие руки

Зима в Петербург никогда не приходила изысканно. Она вваливалась тяжело, по-хозяйски, выбивая из легких тепло сырыми балтийскими сквозняками и затягивая каналы мутной, ноздреватой коркой льда.К первому декабря город окончательно выцвел до монохромной графики: серый гранит, серые громады доходных домов, свинцовое низкое небо, едва не цеплявшее шпиль Адмиралтейства, и грязная снежная каша на проспектах.В кабинете оперов на третьем этаже Московского РУВД было душно и накурено кофеем. Старая чугунная батарея под окном то натужно свистела, выбрасывая в воздух сухой металлический жар, то вдруг затихала, словно устав от вечной ленинградской сырости.Стас Богданов стоял у магнитной доски, заложив здоровую левую руку в карман форменных брюк. В правой — сильной, цепкой, окончательно освобожденной от ненавистного гипса и эластичных бинтов, — он мерно покручивал черный маркер.От падения со второго этажа дома на улице Типанова и ледяной купели на мясокомбинате не осталось и следа. Месяц интенсивного восстановления, волчье упрямство и тайные посылки из Купчино с травяными настоями и барсучьим жиром сделали свое дело: молодой атлетичный организм майора восстановился с поразительной скоростью. Ребра срослись намертво, правое запястье вернуло прежнюю железную хватку, а легкие больше не отзывались резким спазмом на морозный воздух. Светло-русые кудри Стаса были, как обычно, живописно растрепаны, расстегнутый ворот форменной темно-синей рубашки открывал мощную шею, а голубые глаза горели привычным, опасным и острым огнем.Напротив, склонившись над кипой ориентировок, сидел Максим.Он был в своем любимом темно-сером свитере крупной вязки с закатанными по локоть рукавами. Широкие, сильные предплечья Алёнушкина, покрытые светлым пушком и сеткой мелких старых шрамов, мерно двигались, пока он вбивал в базу данных протоколы утренних допросов. Время от времени Максим подносил к губам белую фарфоровую кружку с надписью «Купчино — столица мира» — подарок той самой соседки тети Вали, — делал глоток крепкого чая с чабрецом и тихо хмыкал, находя в сводках очередную нелепость районных дебоширов.Стас скользнул по нему взглядом.В груди майора шевельнулось то самое глубокое, глухое тепло, к которому он за последний месяц так и не привык, но без которого уже не представлял ни одного своего дня. За этими крепкими плечами, за спокойным профилем с коротким, жестким темным ежиком волос и упрямым подбородком стояла странная, пугающая стабильность. Стас Богданов, привыкший всю сознательную жизнь существовать на пределе, на острие ножа, в одиночку воюя с преступным миром и деспотичным отцом, вдруг обнаружил, что у него появилась опора. Монолит. Человек, которому можно было доверить спину, ключи от собственной квартиры и собственную жизнь, даже не оглядываясь.– Богданов, прекрати дырку во мне вертеть, – не поднимая головы от клавиатуры, ровным голосом произнес Максим. В его тоне скользнула едва уловимая насмешливая хрипотца. – Маркер сломаешь.– Ничего я не верчу, – фыркнул Стас, хотя щеки предательски кольнуло легким жаром. Он бросил маркер на стопку папок. – Я смотрю, как ты протоколы набиваешь. Медленно работаешь, младший лейтенант. Батя зайдет — опять строгача впаяет за нарушение служебного регламента.– Твой батя сегодня на коллегии в главке до вечера, – спокойно парировал Максим, наконец подняв глаза. Синева его взгляда была ясной, теплой и насмешливой. – Так что расслабься, командир. У нас затишье. Редкий день, когда никто никого не зарезал, не обокрал и не спустил с лестницы.– Не каркай, Алёнушкин, – Стас подошел к его столу, оперся ладонями о край столешницы и наклонился чуть ближе, сокращая расстояние между ними до двух десятков сантиметров. От Максима тонко пахло морозным ветром, мылом и тем самым терпким хвойным одеколоном, который Стас теперь мог безошибочно узнать из тысячи других запахов. – Ты же знаешь первое правило убойного отдела: если в пятницу утром тихо, значит к обеду…Договорить он не успел.Тяжелая дубовая дверь кабинета не просто откры-

лась — она с грохотом впечаталась в стену, едва не сорвавшись с петель.Стас среагировал мгновенно: рефлексы сработали быстрее мысли, рука майора метнулась под мышку к кобуре, тело перекрыло Максима, заслоняя его собой от дверного проема.Однако на пороге стоял не вооруженный налетчик и не разъяренный полковник Богданов.В кабинет, шумно и прерывисто всхлипывая, буквально влетела девушка.На вид ей было около двадцати пяти лет. Невысокая, хрупкая, в расстегнутом бежевом кашемировом пальто, из-под которого виднелся помятый изумрудный шарф крупной вязки. Ее темно-каштановые волосы были растрепаны ледяным ветром, на бледном, тонком лице с правильными чертами застыла гримаса абсолютного, панического ужаса. Огромные карие глаза были красными от слез, тушь потекла, оставив на фарфоровых щеках траурные дорожки. В руках она судорожно сжимала кожаную сумку-планшет с висящим на ремне служебным бейджем прессы.– Максим!.. – сорвавшимся на фальцет, звенящим криком выдохнула вошедшая, даже не взглянув на застывшего в боевой стойке Стаса. – Господи, Максим, ты здесь! Я нашла тебя!Стас медленно опустил руку от кобуры. Брови майора поползли вверх.Максим за его спиной замер. Чашка с чаем застыла в воздухе в сантиметре от стола. На круглом, обычно невозмутимом лице лейтенанта отразилась такая редкая, почти комичная смесь растерянности, шока и глубокого узнавания, что Стас невольно нахмурился, чувствуя, как внутри зарождается странное, колючее беспокойство.– Кира?.. – сиплым голосом произнес Максим, медленно поднимаясь со стула. – Вересова? Ты откуда здесь взялась?– Меня убьют! – вскрикнула девушка, проигнорировав вопрос.Она сделала два спотыкающихся шага вперед, обогнула стол и, прежде чем кто-то успел сказать хоть слово, всем телом врезалась в Максима.Стас инстинктивно дернулся вперед, но замер на месте, словно натолкнувшись на невидимую стену.Кира вцепилась тонкими, унизанными серебряными кольцами пальцами в темно-серый свитер Максима на его груди. Она уткнулась мокрым лицом в ключицу Алёнушкина, сотрясаясь в рыданиях так сильно, что ее тонкие плечи ходили ходуном.– Макс, пожалуйста… Пожалуйста, помоги мне! – лепетала она, захлебываясь слезами и прижимаясь к нему так тесно, словно между ними не было одежды, словно он был единственным спасательным кругом в ледяном бушующем океане. – За мной следят… Он ходит за мной! Он был у меня в подъезде, он звонил в дверь… Я видела его силуэт за шторой! Максим, он убьет меня, как ту девочку с Мойки!Максим стоял с расставленными в стороны руками, явно чувствуя себя крайне неловко. Его синие глаза растерянно метались по кабинету, то и дело натыкаясь на тяжелый, леденящий взгляд Стаса.– Кира, подожди… – Алёнушкин осторожно, но настойчиво попытался перехватить ее за запястья, чтобы отстранить. – Успокойся. Сделай вдох. Ты в полиции. Здесь тебя никто не тронет. Сядь на стул, слышишь?– Не отпускай меня! – истерично взвизгнула Кира, сжимая шерсть свитера с такой силой, что костяшки ее пальцев побелели. Она вжалась в него еще сильнее, подняв заплаканное лицо, и ее губы оказались в считанных сантиметрах от подбородка Максима. – Не отпускай, Максик, умоляю… Помнишь, как ты пел? *«Если мир рухнет в бездну, я встану между тобой и тьмой»*… Ты обещал со сцены! Ты же не бросишь меня?!В кабинете повисла густая, звенящая тишина.Стас стоял у края стола. Челюсти майора сжались с такой силой, что на скулах отчетливо проступили острые желваки.В груди, там, где еще месяц назад болели сломанные ребра, вдруг вспыхнуло что-то совсем другое. Не боль от удара, не ноющая сырость перелома. Это было глухое, первобытное, раскаленное добела пламя, мгновенно выжегшее весь воздух в легких. Оно ударило в виски тяжелым колокольным набатом, залило горло едкой горечью.Стас Богданов никогда в жизни не испытывал ничего подобного.Он знал гнев — когда бандиты стреляли в безоружных. Он знал ярость — когда Шапочкин облил Максима кипятком. Он знал холодный охотничий азарт погони.Но это?.. Вид чужих женских рук, жадно комкающих свитер Максима. Заплаканное лицо, прижатое к его груди — туда, где еще недавно лежала только ладонь самого Стаса. Это интимное, развязное «Максик», эти дурацкие строчки из старых песен…Это была ревность.Чистая, дикая, собственническая ревность, накрывшая тридцатилетнего майора с голо-

вой, словно волна ледяной невской воды.– Гражданочка, – голос Стаса прозвучал так низко, тихо и холодно, что старенький чайник на подоконнике, казалось, покрылся инеем.Кира даже не шелохнулась, продолжая судорожно дышать в шею Максима.Стас сделал один широкий, бесшумный шаг. Его длинная, жилистая фигура нависла над ними обоими. Майор не стал церемониться: его широкая ладонь в стальном, безоговорочном захвате легла на тонкое плечо журналистки и с силой, не оставляющей шанса на сопротивление, оторвала девушку от свитера Алёнушкина.– Я сказал — сядьте, – отчеканил Богданов, силой усаживая покачнувшуюся Киру на жесткий казенный стул для посетителей.Стас встал между ней и Максимом, широко расставив ноги и скрестив руки на груди. Вся его атлетичная фигура превратилась в глухую каменную стену, физически отрезавшую Алёнушкина от незваной гостьи.– Во-первых, – ледяным тоном продолжил Стас, глядя на девушку сверху вниз своими васильковыми, сузившимися в две щели глазами, – вы находитесь в служебном кабинете убойного отдела уголовного розыска. Здесь не концертный зал и не клуб анонимных фанатов. Во-вторых, младший лейтенант Алёнушкин находится при исполнении служебных обязанностей, и распускать руки в его адрес я вам настоятельно не рекомендую. В-третьих — фамилия, имя, отчество, место работы и суть происшествия. Быстро. Четко. Без соплей.Кира вжалась в спинку стула, ошарашенно захлопав мокрыми ресницами. Властный, давящий авторитет майора подействовал на нее как ушат ледяной воды: истерика мгновенно притихла, сменившись испуганным оцепенением.– Стас, полегче, – негромко, с легким укором произнес сзади Максим, положив ладонь ему на плечо.Прикосновение напарника обожгло Стаса через рубашку. Майор едва заметно дернул плечом, но руку не сбросил. Медленно повернул голову к Максиму:– Я на службе, лейтенант. И ты на службе. Объяснишь, кто это, или мне дежурного вызвать для составления протокола о нарушении пропускного режима?Максим тяжело вздохнул, провел ладонью по короткому темному ежику волос и посмотрел на девушку:– Это Кира Вересова. Корреспондент отдела криминальной хроники интернет-газеты «Невский Дозор». А лет пять назад… она вела официальный фан-клуб нашей группы «Седьмой круг». Ездила с нами на все подвальные концерты, интервью делала, мерч распространяла.– Я не просто вела фан-клуб! – вскинулась Кира, и в ее голосе сквозь слезы прорезались капризные, собственнические нотки. Она подалась вперед, пытаясь заглянуть за спину Стаса. – Я была твоей музой, Макс! Ты мне песню посвятил на фестивале в «Полигоне»! А потом ты бросил музыку, ушел в эту чертову ментовку, пропал… Я искала тебя! Я все отделы города перерыла, пока на прошлой неделе в пресс-релизе главка твою фамилию по делу кардиолога не увидела!Стас медленно перевел взгляд с девушки на Максима. В голубых глазах майора плясали злые, язвительные искры.– Муза, значит? – процедил Стас сквозь зубы. – Песню посвятил? Какая трогательная биография, лейтенант. Прямо роман в стихах.Максим поморщился, на его щеках проступил легкий румянец:– Стас, прекрати. Мне девятнадцать лет было. Мы всем девчонкам из первого ряда песни посвящали, чтобы билеты лучше продавались.Затем Алёнушкин снова повернулся к Вересовой, и его лицо мгновенно стало собранным и строгим:– Кира, хватит лирики. Ты прибежала в РУВД, кричишь про убийство. Что случилось? Конкретно.Кира судорожно сглотнула, открыла сумку и дрожащими пальцами достала пачку бумажных салфеток, промокая потекшую тушь.– Три дня назад я начала готовить материал по серии махинаций с расселением старого фонда на Петроградской стороне, – заговорила она, и ее голос наконец стал похож на голос профессионального журналиста, хотя дыхание все еще сбивалось. – Там завязаны очень серьезные люди из строительного бизнеса и криминалитета. В среду вечером, когда я возвращалась домой, мне показалось, что за мной кто-то идет от метро «Чернышевская». Мужчина, высокий, в черном длинном пальто и низко надвинутой кепке. Я ускорила шаг — он за мной. Я забежала в круглосуточную аптеку, переждала. Вышла — его нет.– Обычная паранойя после работы по криминалу, – сухо вставил Стас, не меняя позы. – Дальше.Кира метнула в него злой, обиженный взгляд, но тут же снова перевела умоляющие глаза на Максима:– Вчера утром я нашла в почтовом ящике похоронный буклет

ритуальных услуг! Без подписи, просто вложен в газету. А сегодня ночью… – девушка снова всхлипнула, ее нижняя губа задрожала. – В три часа ночи кто-то долго, методично дергал ручку моей входной двери. Тихо так… настойчиво. Потом поскреб чем-то металлическим по замку. Я боялась даже подойти к глазку. А утром вышла — на коврике у двери лежал мертвый голубь. С перерезанным горлом!Максим нахмурился. Шутки и воспоминания о юности мгновенно вылетели у него из головы. Перед ним сидела напуганная свидетельница, и в ее словах, какими бы истеричными они ни казались, сквозила реальная опасность.– Где ты живешь? – спросил Максим.– Улица Чайковского, дом сорок семь. Старый фонд, третий этаж, – быстро ответила Кира. Она поднялась со стула, сделала шаг к Максиму и снова попыталась ухватить его за руку: – Максик, поедем со мной! Пожалуйста! Мне страшно туда возвращаться одной! Вдруг он там, в парадной?!Максим отступил на полшага назад, избегая прикосновения, но коротко кивнул:– Поедем. Осмотрим место, проверим дверь, опросим соседей.– Мы поедем, – с тяжелым нажимом на первом слове отчеканил Стас, перехватив ключи от «Форда» со стола. Майор бросил на Вересову такой взгляд, от которого нормальный человек предпочел бы добровольно сдаться в камеру предварительного заключения. – Группа в составе двух оперативников. На служебной машине. И без лишних телодвижений, гражданка Вересова. На выход.***Поездка через весь город превратилась для Стаса Богданова в изощренную форму пытки.На улице Чайковского кружила плотная метель. «Форд» медленно пробирался сквозь заторы на Литейном мосту, дворники со скрежетом смахивали липкий снег. В салоне вкусно пахло прогретым воздухом печки и терпким кофе из термоса, но атмосфера была наэлектризована так, что искры летели от приборной панели.Кира категорически отказалась садиться назад.– Меня укачивает сзади, у меня клаустрофобия после аварии! – заявила она на парковке РУВД со слезами на глазах.В итоге Стас, скрипя зубами, сел за руль, а Кира буквально втиснулась между сиденьями, устроившись на переднем пассажирском… отодвинув Максима назад? Нет, Максим сам сел назад, уступив место девушке по своей дурацкой, въевшейся купчинской привычке уступать слабым.Но сидеть спокойно Вересова не умела органически.Она то и дело оборачивалась назад, всем корпусом разворачиваясь к Максиму, наплевав на ремень безопасности.– Макс, а ты помнишь ту ночь на Финском заливе? – щебетала она, и от ее голоса, слащавого и приторного, у Стаса сводило скулы. – Когда вы репетировали перед «Окнами Открой»? Мы тогда сидели у костра до пяти утра, ты играл на акустике, а я грела твои руки в своих варежках… У тебя пальцы были такие ледяные от струн…Максим сидел на заднем сиденье, прислонившись виском к холодному стеклу, и чувствовал себя так, словно его медленно поджаривали на медленном огне.– Кира, это было восемь лет назад, – глухо отозвался он. – Я половину тех событий уже не помню.– А я всё помню! – с жаром воскликнула она и вдруг, протянув руку назад, накрыла широкую ладонь Максима своими пальцами. – Я каждую твою строчку наизусть помню! Ты был таким диким, свободным… Не то что сейчас — в этом душном сером пиджаке, среди этих ужасных протоколов и бумаг…Стас в этот момент входил в крутой поворот на набережную Фонтанки.Пальцы майора на руле сжались так, что оплетка жалобно затрещала. Мышцы на широкой спине Богданова натянулись канатами под кожаной курткой. В зеркале заднего вида он отчетливо видел, как тонкие белые пальцы журналистки поглаживают запястье Максима.Богданов резко, с силой впечатал педаль тормоза в пол.Шины «Форда» взвизгнули по мокрому асфальту, машина встала как вкопанная в метре от бампера впереди идущего грузовика. Киру по инерции бросило вперед, она испуганно взвизгнула, чудом не разбив нос о панель, и ее рука сорвалась с ладони Максима.– Ой! Вы с ума сошли?! – возмущенно выдохнула девушка, прижимая ладонь к груди. – Вы чуть нас не угробили!Стас медленно повернул голову. Его светло-русые кудри упали на лоб, голубые глаза были темными, мутными от кипящей внутри ярости. Он посмотрел на нее с такой неприкрытой, хищной ненавистью, что Кира осеклась на полуслове, вжавшись в кресло.– Ремнем безопасности пристегнитесь, гражданка Вересова, – ровным, металлическим шепотом произнес Стас. – И сидите смирно. Вы находи-

тесь в оперативном автомобиле. Еще одно движение, мешающее обзору водителя или отвлекающее сотрудника полиции от выполнения служебных задач, — и остаток пути вы проделаете в багажнике. Вместе с запаской и домкратом. Вам понятно?Кира судорожно сглотнула, нащупала ремень и торопливо защелкнула замок, не смея больше проронить ни звука.В зеркале заднего вида Стас встретился взглядом с Максимом.Алёнушкин смотрел на командира в упор. В синих глазах младшего лейтенанта не было страха перед майорским гневом. Там плескалось глубокое, ошеломленное и удивительно внимательное понимание. Максим словно читал Стаса как раскрытую книгу, видя каждую вспышку этого темного, яростного огня, разрывавшего душу Богданова.Стас резко отвел глаза, переключил передачу и вдавил газ.***Дом на улице Чайковского встретил их типичным петербургским великолепием старого фонда: лепнина на фасаде, массивные гранитные атланты у парадного входа и узкий, темный двор-колодец, заваленный сугробами.Поднявшись на третий этаж по широкой мраморной лестнице с коваными перилами, Стас жестом приказал всем остановиться.Майор привычным, отточенным движением извлек табельный ПМ, держа его стволом в пол, и шагнул на лестничную площадку. Максим бесшумно встал слева, прикрывая командира с фланга и оттесняя Киру за свою широкую спину.– Где голубь? – тихо спросил Стас, сканируя взглядом пространство.На площадке было чисто. Горела яркая светодиодная лампа, стены были выкрашены свежей бежевой краской. У тяжелой дубовой двери квартиры 14 лежал аккуратный кокосовый коврик.Никаких следов крови. Никакой тушки птицы.Кира растерянно моргнула, подбегая к двери:– Он… он был здесь! Прямо посередине коврика лежал! Голова была набок свернута, перья в крови…Стас опустился на одно колено, стараясь не тревожить правый бок. Достал из кармана мощный фонарик и лупу. Его острый аналитический взгляд начал построчно считывать реальность.Ворс коврика был абсолютно чистым. Ни единого бурого пятнышка запекшейся крови, ни пушинки, ни следов борьбы.Майор поднял луч света к замочной скважине массивного сувальдного замка «Гардиан». Металл личинки был гладким, без малейших царапин от отмычек или фомки. Пыль на косяке лежала ровным, нетронутым слоем.Стас поднялся на ноги, подошел к окну лестничного пролета, выходившему во двор. Подоконник был засыпан ровным слоем старой побелки — ни следов обуви, ни смазанных пятен.– Соседи по площадке кто? – бросил Стас через плечо.– Слева — пожилая пара, профессора консерватории, справа — квартира сдается посуточно, сейчас пустая, – дрожащим голосом ответила Кира.Стас подошел к двери профессоров, нажал кнопку звонка. Через минуту послышалось шуршание цепочки, и дверь приоткрылась. На пороге появилась интеллигентная седая дама в очках и шали.– Добрый день. Майор Богданов, уголовный розыск, – Стас мельком показал удостоверение. – Скажите, вы сегодня ночью шума на площадке не слышали? Дверь никто не дергал?Женщина удивленно поправила очки:– Здравствуйте, господин майор. Нет, что вы. У нас идеальная тишина. Я страдаю бессонницей, читала до четырех утра в гостиной — она как раз выходит на площадку. Ни звука. Разве что дворник Степан в семь утра лестницу подметал.– А птицу дохлую на коврике соседки не видели?– Какую птицу? – дама искренне возмутилась. – Молодой человек, у нас приличный дом! Степан каждое утро моет полы с хлоркой. Никаких птиц не было.Стас поблагодарил свидетельницу, дождался, пока закроется замок, и медленно повернулся к Вересовой. В голубых глазах майора застыл холодный, приговорный скепсис.– Осмотр места происшествия завершен, – произнес Стас, убирая оружие в кобуру. – Следов взлома нет. Следов проникновения нет. Биологических следов так называемого ритуального голубя нет. Свидетели факт ночного шума отрицают.– Вы мне не верите?! – Кира всплеснула руками, ее глаза снова наполнились слезами, но на этот раз в них сквозило откровенное раздражение. – Вы думаете, я это выдумала?! Максим, ну скажи ему! Ты же знаешь меня! Я журналист, я работаю с фактами!– Кира, открой квартиру, – мягко, но настойчиво сказал Максим. – Посмотрим внутри.Дрожащими руками девушка достала связку ключей, дважды провернула замок и распахнула дверь.***Квартира журналистки оказалась просторной, богемной студией

с высокими потолками, старинным недействующим камином и огромными окнами с видом на крыши Петербурга. Повсюду царил творческий беспорядок: разбросанные книги, кипы распечаток, диктофоны, штатив для камеры в углу и множество фотографий на пробковой доске.Стас методично, не обращая внимания на присутствующих, обошел помещение. Проверил запоры на балконной двери — закрыты изнутри наглухо. Осмотрел карнизы — паутина цела.Угрозы не было. Никакого профессионального киллера, никакого маньяка в длинном пальто здесь не было и в помине. Обычная параноидальная реакция молодой женщины, перегрузившей психику статьями о бандитах, либо…Либо нечто куда более отвратительное.– Я поставлю чайник, – всхлипнула Кира, стягивая пальто.Под верхней одеждой на ней оказался обтягивающий шерстяной свитер винного цвета с глубоким вырезом и короткая замшевая юбка. Девушка явно собиралась не в спешке: на ее запястьях блестели духи с тяжелым, пряным ароматом ванили и мускуса, заполнившим всю кухню.– Не надо чая, гражданка Вересова, – отрезал Стас, оставаясь стоять посреди гостиной в расстегнутой куртке. – Мы закончили. Оснований для возбуждения уголовного дела по статье «Угроза убийством» нет. Я передам ваш рапорт участковому уполномоченному, он возьмет дом на контроль и будет периодически проверять подъезд. На этом полномочия убойного отдела исчерпаны.– Какой участковый?! – Кира бросила чайник на плиту и с пылающим лицом бросилась к Максиму, который стоял у камина, разглядывая старые фотографии. – Максим! Ты оставишь меня здесь одну?! После всего?!Она подошла к нему вплотную. Ее руки скользнули по его широкой груди вверх, обвивая шею Алёнушкина. Кира запрокинула голову, заглядывая снизу вверх в его спокойные синие глаза влажным, полным маниакальной мольбы взглядом:– Максик… Пожалуйста. Останься. Хотя бы до вечера. Мне так страшно… Помнишь, как нам было хорошо вдвоем? Ты же обещал, что никогда меня не забудешь… Потрогай мои руки, они ледяные! Согрей меня, как тогда… Она прижалась к нему всем телом, скользнув бедрами по его ногам, и попыталась потянуться губами к его щеке.Это стало последней каплей.Что-то внутри Стаса Богданова оборвалось с сухим, оглушительным треском.Словно лопнула та самая сдерживающая пружина офицерской выдержки, которую в него годами вбивал отец. Аналитический ум отключился, уступив место бешеному, звериному инстинкту собственника.В два гигантских шага Стас преодолел разделявшее их пространство.Майор не стал просить. Он грубо, властно перехватил тонкие запястья Киры своими железными пальцами, оторвал ее руки от шеи Максима так резко, что девушка вскрикнула от боли, и оттолкнул ее назад, на мягкий кожаный диван.Стас навис над ней, уперев кулаки в спинку дивана по обе стороны от ее плеч. Его светло-русые кудри упали на глаза, голубая радужка потемнела до цвета штормовой Балтики. Лицо Богданова было страшным — маска хищника, готового перекусить горло любому, кто посмеет протянуть лапы к его добыче.– Хватит спектакля, Вересова, – прорычал Стас. Голос майора вибрировал от такой ярости, что Кира вжалась в подушки, затаив дыхание от первобытного ужаса. – Ты кого надуть решила?! Меня?! Опера с десятилетним стажем?!Майор выпрямился, ткнув пальцем в журнальный столик:– Похоронный буклет? Ты сама его взяла позавчера на презентации ритуального комплекса на Волковском кладбище, где брала интервью у директора — бейдж на столе лежит! Следы у двери? Ни одного отпечатка! Голубь? Ни капли крови на коврике! Ты всё это придумала от первого до последнего слова!Стас наклонился к ее лицу так близко, что Кира почувствовала морозный дух его дыхания:– Ты выдумала маньяка, выдумала слежку, прибежала в управление и устроила дешевую мелодраму только ради одного: затащить младшего лейтенанта Алёнушкина к себе в койку! На старых дрожжах девичьих воспоминаний!Кира побледнела. Ее капризная маска жертвы окончательно слетела, открыв злое, уязвленное и расчетливое лицо светской журналистки.– А тебе-то какое дело, майор?! – прошипела она, дернув плечом. – Ты ему кто?! Начальник?! Конвоир?! Какое твое собачье дело, с кем спит твой подчиненный вне службы?!– Мое, – отрезал Стас с такой сокрушительной, абсолютной уверенностью, что в комнате зазвенели стеклянные подвески люстры. – Лейтенант Алёнушкин — мой напарник.

И его безопасность, его репутация и его покой — это моя прямая служебная обязанность.Богданов сделал шаг назад, застегивая куртку до самого подбородка:– Если я еще хоть раз увижу тебя ближе чем на сто метров к управлению, если ты еще раз посмеешь позвонить ему или явиться в кабинет с фальшивыми соплями — я лично подниму все твои журналистские расследования. Найду клевету, найду вымогательство коммерческой тайны и упеку тебя в СИЗО на Арсенальной на полгода до суда. Ты меня поняла, муза купчинская?!Кира молчала, прижав руки к груди, не смея даже шелохнуться под этим испепеляющим взглядом.

Искры под кожей

Воздух в гостиной с высокими лепными потолками словно застыл, превратившись в горючую смесь из озона, чужих приторных духов и первобытной, ничем не прикрытой ярости.Стас Богданов тяжело дышал. Его широкая грудь под расстегнутой курткой вздымалась так, будто он только что пробежал марш-бросок в полной выкладке. Светло-русые кудри разметались по мокрому от пота лбу, челюсти были стиснуты до скрипа эмали, а в расширенных, потемневших до чернильной синевы зрачках плясало такое дикое, звериное пламя, которого Максим Алёнушкин у своего командира не видел еще никогда.Ни во время перестрелки в промзоне, когда Шапочкин пустил пулю в спину.Ни в пыльном подвале управления, когда майор кулаками вбивал старшину в бетон за вылитый на раненое плечо кипяток.Ни даже в ледяном склепе мясокомбината, когда они брали вооруженного хирурга-сектанта.Тогда в Стасе работали профессиональная злость, въевшаяся в подкорку офицерская выучка и холодный сыщицкий расчет. Сейчас же перед Максимом стоял не майор полиции, не следователь с блестящим аналитическим умом и не образцовый сын сурового полковника. Сейчас перед ним был взрослый, сильный, опасный хищник, у которого на глазах чужак попытался вцепиться когтями в самое сокровенное, в его собственную, выстраданную территорию.И черт возьми, Максима это не испугало.Любой другой человек на его месте инстинктивно отшатнулся бы, вжался в стену, испугался бы этой темной, удушливой волны чужой агрессии. Максима с детства учили бояться чужого гнева: приемный отец, Сергей Николаевич Антонов, выплескивал ярость глухо, расчетливо и методично, превращая домашний террор в казарменную пытку ремнем и тяжелыми армейскими ботинками. Максим ненавидел слепую силу, презирал самодурство и органически не переносил, когда кто-то пытался доминировать над ним.Но то, что исходило сейчас от Стаса, было совершенно другой природы.Максим смотрел на широкую спину майора, на напряженные канаты мышц под тонкой тканью форменной рубашки, на тяжело вздрагивающие лопатки — и чувствовал, как внутри, где-то глубоко под ребрами, разливается тягучий, раскаленный, почти болезненный жар. Этот громила в погонах, этот самоуверенный кудрявый пес со сломанными ребрами закрывал его собой. Защищал. Рвал зубами чужое наглое вторжение не ради устава и не ради галочки в отчете, а потому что Максима посмели коснуться чужие руки.Сердце Алёнушкина пропустило глухой, тяжелый удар, а затем заколотилось о грудную клетку с бешеной, опьяняющей скоростью. Вместо холода отчуждения к горлу подкатила пьянящая волна желания подойти ближе. Прижаться лбом к этой напряженной спине, коснуться горячей шеи, вдохнуть запах морозного ветра и пороха и сказать: *«Я здесь. Я с тобой. Успокойся, Лось, я никуда не денусь»*.Кира Вересова сидела на диване, вжавшись в кожаные подушки, и тяжело, с присвистом хватала ртом воздух. Ее идеальная укладка рассыпалась, глаза горели лихорадочным, злым блеском, а пальцы с серебряными кольцами судорожно подрагивали на коленях. Оцепенение от окрика майора длилось недолго: уязвленное женское самолюбие и профессиональная наглость журналистки быстро взяли верх над мимолетным страхом.Она перевела взгляд со Стаса на Максима, проигнорировав майора, словно его и не было в комнате.– Максим… – ее голос дрогнул, в нем снова зазвенели слезливые, заученные нотки дешевой драмы. – Ты слышал, что он сказал?! Он обвинил меня во лжи! Он набросился на меня в моей собственной квартире! Скажи ему! Ты же офицер, ты мужчина! Ты позволишь какому-то садисту в погонах так обращаться со мной?!Она попыталась подняться, протягивая к нему тонкие руки с ярко-красным маникюром:– Максик, милый, ну вспомни… Вспомни наш рок-клуб, наши ночи в гримерках, как ты пел только для меня! Я же люблю тебя! Все эти годы любила, ждала, когда ты наиграешься в своих ментов и вернешься! Неужели тебе плевать на то, что между нами было?!Максим медленно, не торопясь, сделал два шага вперед.Он обогнул застывшего Стаса. На долю секунды Алёнушкин задержал ладонь на

предплечье майора — не для того, чтобы отстранить, а чтобы передать через плотную ткань короткий, успокаивающий импульс: *«Я сам. Всё под контролем»*. Стас едва заметно вздрогнул от этого прикосновения, но послушно отступил на полшага назад, продолжая буравить Вересову тяжелым, немигающим взглядом васильковых глаз.Максим остановился перед диваном. Его круглое лицо, обрамленное аккуратным темным ежиком волос, было абсолютно спокойным. Ни тени раздражения, ни намека на былую ностальгию. Спокойствие хирурга перед неприятной, но необходимой ампутацией.– Майор Богданов абсолютно прав, Кира, – ровным, глуховатым баритоном произнес Максим. Каждое его слово падало в тишину комнаты с весом чугунного грузила. – Ты соврала. От первого до последнего слова.Кира поперхнулась воздухом, ее глаза расширились:– Что?..– Ты прекрасно знала, что никакой слежки нет, – продолжал Алёнушкин, сунув руки в карманы темно-серого свитера. – Ты знала, что замок никто не ковырял, а голубя ты придумала на ходу, вспомнив мои старые тексты про жертвенных птиц. Ты использовала служебное положение, чтобы поднять на уши убойный отдел района, к которому даже территориально не относишься. Оторвала двоих оперативников от реальной работы, потратила казенный бензин и устроила истерику в дежурной части. И всё это — ради дешевого цирка.– Ради тебя! – взвизгнула Кира, вскакивая на ноги. Ее лицо пошло некрасивыми красными пятнами. – Ради нас, идиот! Я хотела вернуть тебя! Я хотела, чтобы ты снова посмотрел на меня так, как тогда, на фестивале! Я красивая, успешная, известная журналистка в Питере, за мной мужики пачками бегают, а ты… ты заперся в этой серой помойке с пистолетом на поясе! Я хотела спасти тебя от этой грязи!– Меня не нужно спасать, – отрезал Максим. В его синих глазах блеснул холодный купчинский лед. – Мне нравится моя работа. Мне нравится мой отдел. И мне совершенно не нравишься ты. Ни сейчас, ни восемь лет назад.– Не лги! – Кира сделала шаг к нему, ее голос сорвался на истеричный фальцет. – Ты пел для меня! Ты держал меня за руку на заливе! Мужчина не может так петь, если он не хочет женщину! Ты просто боишься признаться себе, что скучал!Максим тяжело вздохнул. На мгновение он прикрыл глаза, собираясь с мыслями. В комнате было слышно только, как за окном шуршит мокрый декабрьский снег, разбиваясь о стекло.Стас стоял за его правым плечом, не шевелясь. Майор молчал, но воздух вокруг него вибрировал от колоссального внутреннего напряжения.Максим открыл глаза. Взгляд его стал прямым, кристально чистым и беспощадно честным.– Я никогда не хотел тебя, Кира, – негромко, но так отчетливо произнес Алёнушкин, что звук его голоса эхом отразился от высокого потолка. – И никогда не захочу. Потому что я вообще никогда в жизни не испытывал влечения к женщинам. Ни к тебе, ни к кому-либо еще.Слова повисли в воздухе тяжелой, стеклянной тишиной.Кира замерла с приоткрытым ртом, словно ей залепили звонкую, оглушительную пощечину. Ее руки бессильно опустились вдоль тела.– Что?.. – едва слышно пролепетала она, моргая нарощенными ресницами. – В каком смысле?..– В самом прямом, – спокойно, без малейшего стыда или вызова продолжал Максим. Он говорил так, словно зачитывал протокол об изъятии вещественных доказательств — просто констатировал непреложный факт своего существования. – Я другой ориентации, Вересова. Всегда был таким. Сколько себя помню. В девятнадцать лет, когда мы гремели по клубам с «Седьмым кругом», я прятался за тяжелым роком, за черной кожей и грохотом барабанов, пытаясь заглушить это в себе. Пытался быть как все, чтобы отчим не забил меня до смерти в купчинской двушке, если узнает правду. Я посвящал песни залу, образам, музыке — но никогда не тебе. Ты придумала себе сказку про влюбленного рокера, поверила в нее и пять лет носилась с этой иллюзией.Максим шагнул ближе, глядя ей прямо в переносицу:– Так вот, сказка закончилась. Прими это как взрослый человек. И оставь меня в покое. Больше не звони, не приходи в управление и не смей лезть в мою жизнь. Никогда.Позади раздался сухой, еле слышный звук.Это Стас Богданов шумно, сдавленно втянул воздух сквозь зубы.Максим не оборачивался, но спиной чувствовал, как застыл майор. Он буквально кожей ощущал шок, прошивший высокое тело Богданова от макушки до пят. Это было признание, сделанное вслух, без оглядки на систему,

на гомофобный уклад милицейской среды, на погоны и на присутствие начальника. Максим только что открыл перед Стасом свою самую охраняемую тайну — ту самую, за которую в их ведомстве могли спустить семь шкур и вышвырнуть на улицу с волчьим билетом в двадцать четыре часа.Тишина в квартире на Чайковского длилась секунд пять. А затем плотину прорвало.Лицо Киры Вересовой исказилось от чудовищной, ядовитой злобы. Обида отвергнутой женщины, помноженная на крушение идеализированного образа, превратила ее из лощеной светской хроникерши в шипящую, готовую к броскугадюку.– Ах ты… – она задохнулась от клокочущей ярости, ее пальцы скрючились, как когти. – Ах ты мерзкий, лицемерный урод! Ты… ты педик?! Грязный педрила в погонах?!Она отшатнулась от Максима, брезгливо отряхивая рукава своего кашемирового пальто, словно испачкалась о заразного прокаженного.– Господи, какая же мерзость! – завизжала Кира, срываясь на визг. Ее глаза пылали ненавистью. – А я-то думала, почему ты от меня нос воротил?! Почему за руки только держался, шарахался, как от чумы?! Герой Купчино! Рок-звезда подвальная! Да ты просто извращенец!Она схватила со столика свой смартфон, с силой ткнув наманикюренным пальцем в экран, и замахала трубкой перед носом Максима:– Ты думаешь, ты самый умный, Алёнушкин?! Думаешь, спрятался за корочкой оперативника убойного отдела?! Да я тебя в порошок сотру! Я журналист, у меня связи во всех редакциях города! Завтра утром… нет, сегодня к вечеру! Весь Питер будет знать, кто работает в Московском РУВД!Она злобно, торжествующе осклабилась, брызгая слюной:– Я напишу такую статью, что твоя карьера сгорит синим пламенем за пять минут! «Оборотень в постели: кого пригрел в убойном отделе полковник Богданов»! Я выложу твою рожу во все городские паблики, во все Telegram-каналы с миллионной аудиторией! Тебя вышвырнут из органов с позором! Твои же дружки-менты тебя на перо в камере посадят за такое! Тебе жизни в этом городе не будет, слышишь, ты, тварь ненормальная?! Ты у меня на коленях ползать будешь и умолять, чтобы я материал сняла!Максим стоял неподвижно. Его лицо побледнело, челюсти сжались, но он не сделал ни шага назад, принимая эти ушаты помоев с тем же мрачным, волчьим стоицизмом, с каким в детстве принимал удары офицерского ремня. Он знал, на что шел. Знал, какая цена у правды в их мире.Но закончить тираду Вересовой не удалось.Длинная, затянутая в черную кожаную перчатку рука майора Богданова выметнулась вперед со скоростью броска кобры.Стас не стал бить женщину. Он просто намертво, железными тисками сомкнул пальцы на ее запястье, в котором она сжимала телефон. Нажал на болевую точку лучевого нерва с такой силой, что Кира коротко взвыла, ее пальцы разжались, и новенький «Айфон» со звоном шлепнулся на паркет.В следующую секунду Стас наступил тяжелым армейским ботинком прямо на экран смартфона. Стекло брызнуло во все стороны мелким крошевом под весом девяностокилограммового майора, матрица хрустнула и погасла навсегда.– Ой! – вскрикнула Кира, пытаясь вырвать руку, но хватка Богданова была абсолютной.Стас дернул ее на себя, сокращая дистанцию до минимума.Его лицо было в десяти сантиметрах от лица журналистки. Но если минуту назад в майоре бушевало слепое бешенство, то теперь оно выкристаллизовалось в чистый, абсолютный, смертоносный арктический холод. Взгляд васильковых глаз был настолько пустым, безжалостным и тяжелым, что у Вересовой перехватило дыхание, а по спине покатился ледяной пот.– Закрой пасть, падаль, – не повышая голоса, ледяным шепотом произнес Стас. От тембра его голоса волоски на шее вставали дыбом. – Закрой свой поганый рот и слушай меня очень внимательно. Потому что от того, насколько хорошо ты меня сейчас поймешь, зависит, где ты проведешь следующие семь лет своей никчемной жизни.Кира попыталась дернуться, но Стас лишь чуть сжал пальцы на ее предплечье, заставив девушку скривиться от острой боли.– Ты угрожаешь сотруднику полиции при исполнении? – чеканил Богданов, и каждое его слово вбивалось как гвоздь в крышку гроба. – Статья триста восемнадцатая, часть вторая — применение насилия или угроза применения насилия в отношении представителя власти. До десяти лет лишения свободы. Ты угрожаешь разглашением сведений, порочащих честь и достоинство, с использованием служебного положения?

Статья сто двадцать восьмая, точка один, часть пятая — клевета, соединенная с обвинением лица в совершении тяжкого преступления. Штраф до пяти миллионов рублей либо обязательные работы.Майор наклонился еще ближе. Его светло-русые кудри коснулись ее виска:– А теперь слушай сюда, писака. У меня в производстве прямо сейчас находится материал проверки по махинациям с расселением старого фонда на Петроградке. По тем самым статьям, которые ты якобы расследовала. И знаешь, что я нашел в оперативных базах вчера ночью, пока дежурил?Стас криво, жутко усмехнулся:– Две жалобы от жильцов расселяемых домов. На некую журналистку Вересову, которая вымогала у них деньги за то, чтобы «не публиковать компрометирующие материалы в прессе». Статья сто шестьдесят третья — вымогательство в крупном размере группой лиц по предварительному сговору. Это чистая восьмерка общего режима, милая. С конфискацией имущества и запретом на профессию пожизненно.Кира побелела как полотно. Ее губы задрожали:– Вы… вы блефуете… Там ничего нет…– Хочешь проверить, девочка? – Стас усмехнулся одними губами, и в этой усмешке не было ничего человеческого. – Мой отец — начальник управления полиции Московского района. Мой крестный — первый заместитель прокурора Санкт-Петербурга. Следственный комитет подпишет постановление на твой арест ровно через сорок минут после того, как я наберу один номер.Майор отпустил ее руку так резко, что Кира покачнулась и упала обратно на диван, судорожно прижимая ушибленное запястье к груди.Стас выпрямился во весь свой огромный рост, расправил широкие плечи и посмотрел на нее сверху вниз, как на раздавленное насекомое:– Если хоть одна буква, хоть один намек, хоть одно поганое слово про младшего лейтенанта Алёнушкина появится в печати, в сети, на заборе или прозвучит в курилке Дома журналистов — я лично, своими руками, закатаю тебя в СИЗО на Арсенальной набережной. В камеру к туберкулезным рецидивисткам. И поверь мне, муза, оттуда ты выйдешь нескоро. И писать сможешь только прошения о помиловании на имя начальника колонии.В комнате повисла мертвая, кладбищенская тишина.Кира сидела, сжавшись в комок, не смея поднять глаз. Ее трясло крупной, неконтролируемой дрожью. Она поняла. Поняла, что перешла черту, за которой правила журналистской вседозволенности больше не работали. Перед ней стоял человек, способный стереть ее в порошок и даже не поморщиться.Стас медленно повернулся к Максиму.Взгляд майора мгновенно переменился: тяжелый лед растаял, уступив место какому-то пронзительному, обнаженному и бесконечно глубокому вниманию. Богданов коротко мотнул кудрявой головой в сторону выхода:– Лейтенант. На выход. Мы закончили.Максим молча кивнул. Он даже не посмотрел на сжавшуюся на диване девушку. Развернулся на каблуках армейских ботинок и ровным, уверенным шагом направился к двери.Стас вышел следом, с глухим, окончательным стуком захлопнув за собой тяжелую дубовую дверь квартиры 14.***На широкой мраморной лестнице парадной пахло сыростью, старым камнем и морозным сквозняком.Они спускались молча. Максим шел впереди, держа спину неестественно прямо, засунув руки глубоко в карманы куртки. Его дыхание было ровным, но мышцы шеи были натянуты, как стальные тросы. Стас следовал за ним шаг в шаг, буквально в полуметре, не сводя глаз с темного затылка напарника.Когда они вышли из парадной в узкий двор-колодец, ледяной декабрьский ветер мгновенно швырнул им в лица пригоршню колючего снега.Метель разыгралась не на шутку: белые хлопья кружили между серыми стенами-великанами, засыпая следы шин и черную крышу припаркованного у арки «Форда». Город словно отрезал их от остального мира, укутав плотной снежной пеленой.Максим дошел до пассажирской двери машины, взялся за ручку, но открывать не стал. Замер.Стас подошел сзади. Встал вплотную, почти касаясь грудью спины лейтенанта, закрывая его своим телом от порывов ветра.– Максим, – негромко позвал Богданов. Голос майора звучал хрипло, непривычно мягко, с легкой вибрирующей дрожью, которую он не смог скрыть.Максим медленно развернулся.Он поднял голову. В полумраке заснеженного двора его синие глаза, обычно такие спокойные и насмешливые, казались огромными и темными. На круглом, мужественном лице не было страха. Было лишь ожидание приговора —

честное, прямое ожидание человека, который только что поставил на кон всё и теперь ждал исхода партии.– Что, командир? – глухо спросил Максим, глядя Стасу прямо в зрачки. – Рапорт писать по собственному желанию? Чтобы отдел не позорить?Стас замер. На его лице отразилась такая острая, искренняя боль, словно Алёнушкин только что ударил его ножом под зажившие ребра.– Ты… ты совсем дурак, Макс? – выдохнул Стас.Майор резко, властно сделал шаг вперед, впечатывая Максима спиной в холодный борт «Форда». Не давая опомниться, Стас поднял обе руки и тяжелыми, сильными ладонями в перчатках намертво уперся в кузов машины по обе стороны от головы лейтенанта, полностью беря его в кольцо своих плеч.Снег падал на светло-русые кудри Стаса, таял на его горячих щеках, но майор не замечал холода. Его васильковые глаза горели тем самым огнем, который Максим видел в квартире — только теперь в нем не было ярости к чужакам. В нем было нечто настолько сокрушительное, жадное и долго сдерживаемое, что у Алёнушкина перехватило дыхание.– Ты думал, я из-за этого взбесился? – сиплым, прерывающимся шепотом заговорил Стас, наклоняясь к самому лицу Максима. Их разделяли считанные сантиметры; морозный воздух между ними плавился от их общего, тяжелого дыхания. – Из-за того, что ты… другой?Максим не отвел взгляда. Его брови едва заметно дрогнули:– В милиции за такое не гладят по головке, Стас. Сам знаешь. Если главк узнает…– Да плевать мне на главк! – с яростным, глухим отчаянием перебил его Богданов. Его руки на металле кузова сжались в кулаки. – Плевать мне на устав, на министерство и на весь этот гребаный город! Ты слепой, Алёнушкин?! Ты вправду такой непробиваемый купчинский пень, или только притворяешься?!Максим молчал. Он чувствовал, как от тела Стаса исходит бешеный, почти осязаемый жар, перебивающий любой декабрьский мороз. Широкая грудь майора вздымалась, его взгляд лихорадочно метался по лицу Максима — по упрямому подбородку, по обветренным губам, по крошечному шрамику над бровью.– Я с ума сходил, – глухо, со сбившимся дыханием признался Стас, и в его голосе прорвалась такая обнаженная, уязвимая правда, какой Богданов не открывал еще ни одной живой душе. – Когда она вошла в кабинет… Когда она повисла на тебе, комкала твой свитер своими намалеванными пальцами… Когда лезла целоваться в машине, на диване… Меня трясло так, что я готов был этот дом по кирпичам разнести к чертовой матери. Я готов был зубами ей глотку перервать за то, что она тебя трогает!Стас судорожно сглотнул, его зрачки расширились, затапливая радужку:– Потому что ты — мой, Макс. Слышишь меня? Мой напарник. Мой Дин. Мой человек. И ни одна тварь в этом мире не имеет права класть на тебя руки. Кроме меня.Слова упали в снежную тишину двора-колодца, разорвав последние остатки недосказанности.Максим смотрел на него снизу вверх.Все сомнения, все тревоги, копившиеся неделями — с той самой первой встречи на месте ограбления ювелирного, через больницу, через подвал управления, через кровь и ледяную воду мясокомбината — рухнули, рассыпались в прах. Перед ним стоял его командир. Сильный, дерзкий, изломанный, верный до гроба майор, который только что сжег за собой все мосты ради него.В груди Максима словно взорвалась сверхновая.Тот самый жар, то самое непреодолимое, электрическое притяжение к этому кудрявому великану в погонах вырвалось наружу, сметая все барьеры субординации.Максим медленно, не разрывая зрительного контакта, вытащил руки из карманов куртки.Его широкие, сильные, мозолистые ладони поднялись и тяжело, уверенно легли на скулы Стаса. Кончики пальцев коснулись горячей кожи, скользнули к вискам, зарываясь в мокрые от растаявшего снега светло-русые кудри. Прикосновение было твердым, властным и одновременно бесконечно нежным — так касаются только того, за кого готовы умереть.Стас замер. Дыхание майора перехватило, его ресницы судорожно дрогнули. Он подался навстречу этим рукам, словно замерзающий путник, дорвавшийся до спасительного огня.– Сам ты пень, командир, – тихо, с затаенной, пьянящей улыбкой в уголках губ произнес Максим. Его синие глаза сияли в полумраке чистым, неразбавленным светом. – Лось занудный. Думаешь, я не видел, как ты на меня смотришь? Думаешь, я этот чертов морс для кого попало по ночам варил?Стас издал сдавленный, хриплый звук, похожий на стон

облегчения.Майор подался вперед, сокращая последние миллиметры между ними, и с силой уткнулся лбом в лоб Максима. Их дыхание смешалось, превратившись в одно горячее облако пара на ледяном ветру. Стас оторвал одну руку от кузова машины, скользнул ею за спину Максима, намертво сгребая плотную ткань его куртки на пояснице и прижимая Алёнушкина к себе так тесно, чтобы между их телами не осталось ни щели, ни вздоха, ни капли сомнения.– Макс… – выдохнул Стас прямо в его приоткрытые губы.– Я с тобой, Сэм, – так же шепотом, не разжимая пальцев в его кудрях, ответил Максим. – Слышишь? Никуда я не уйду. И ни одна живая душа между нами не встанет. Ни батя твой, ни эта дура с микрофоном. Мы вдвоем против всего этого дурдома.– Вдвоем, – как клятву повторил Стас.Майор медленно, благоговейно, словно боясь спугнуть наваждение, коснулся своими обветренными, горячими губами уголка рта Максима. Поцелуй был коротким, осторожным, соленым от тающего снега, но от него по телу обоих прокатилась такая мощная, сокрушительная волна чистого электричества, что земля под ногами качнулась.Максим шумно выдохнул, крепче сжав кудри на затылке Богданова, отвечая на это прикосновение всем своим существом, отдавая всю ту нерастраченную нежность и верность, которую он копил долгие годы одиночества.Они стояли, прижавшись друг к другу посреди чужого двора-колодца на улице Чайковского. Вокруг выла петербургская метель, засыпая белым саваном следы колес, старые атланты равнодушно смотрели с фасадов в затянутое тучами небо, а город жил своей обычной, суетливой и жестокой жизнью.Но здесь, у борта старого черного «Форда», для них двоих наступила абсолютная, несокрушимая тишина.Стас медленно отстранился на несколько сантиметров, тяжело переводя дух. Его глаза сияли тем самым мальчишеским, безумным и счастливым светом, который Максим так любил. Майор слабо усмехнулся, погладив Максима костяшками пальцев по щеке:– В машину садись, Винчестер. Замерз весь. А у нас еще яблочный пирог не доеден.– Садись сам, командир, – улыбнулся в ответ Максим, отпуская его волосы, но не убирая руки с широкого плеча. – Печку врубай на полную. И «Пикник» включи. Под метель самое то.Они сели в машину.Хлопнули двери, отрезая уличный вой и холод. Двухлитровый мотор «Форда» послушно заурчал, печка выбросила в салон волну сухого, спасительного тепла. Стас повернул ключ, включил фары, разрезая снегопад двумя яркими желтыми лучами, и бросил быстрый, полный собственнической нежности взгляд на сидевшего рядом Максима.– Поехали домой, Дин, – сказал Стас, мягко выжимая сцепление.– Поехали, Лось, – отозвался Максим, положив свою ладонь поверх руки Стаса на рычаге переключения передач.Черный «Форд» тронулся с места, вынырнул из-под темной арки и растворился в белом вихре декабрьского проспекта, унося их двоих туда, где их ждали тепло, тишина и преданные глаза спаниеля на старом купчинском ковре. Туда, где они наконец-то были дома.

Охота на отражение

Охота на отражениеДекабрь в Петербурге пах сырой известью, замерзшим асфальтом и безнадежностью. Город, словно устав сопротивляться бесконечной полутьме, погрузился в тяжелый, вязкий морок. С Балтики наползали туманы, густые и липкие, как кисель; они оседали на гранитных набережных, глушили свет фонарей и превращали Московский проспект в бесконечный туннель из желтых размытых пятен и гудящих выхлопных газов.

В маленькой квартире на улице Димитрова в Купчино утро пахло совсем иначе.

Оно пахло крепким, свежесваренным кофе с добавлением щепотки корицы, подогретыми ржаными тостами и собачьей шерстью. Мартин, свернувшись пушистым бело-рыжим калачиком на краю шерстяного пледа, тихонько посапывал, вздрагивая лапами во сне: спаниелю снились собственные, собачьи погони за чайками у Финского залива.

Стас стоял у узкого подоконника кухни, прислонившись широким плечом к косяку. На нем были простые серые спортивные штаны и черная футболка, сквозь которую четко проступали рельефные мышцы спины. Месяц интенсивного восстановления и упрямый характер Богданова сотворили невозможное: сломанные ребра срослись, дыхание стало глубоким и чистым, а правая рука, освобожденная от оков гипса и эластичных бинтов, снова обрела железную, снайперскую хватку.

Майор держал в ладонях тяжелую глиняную кружку, любуясь тем, как за окном кружат редкие, ленивые снежинки.

Позади послышался мягкий шорох шагов.

Максим подошел бесшумно, по-кошачьи. Он был в темных фланелевых штанах, босиком, с коротко стриженным, влажным после душа темным ежиком волос. Не говоря ни слова, Алёнушкин подошел со спины, положил лоб между широких лопаток Стаса и шумно, глубоко выдохнул, обхватив майора руками за пояс.

Стас даже не вздрогнул. Напротив, его тело мгновенно отозвалось на это прикосновение — расслабилось, отдавая накопившееся за ночь напряжение. Богданов накрыл своей свободной ладонью широкие, теплые кисти Максима, сцепив их пальцы в замок.

– Доброе утро, Лось, – невнятно, прямо в ткань футболки пробормотал Максим.

– Доброе, Дин, – тихо ответил Стас, поворачивая голову и касаясь губами темного виска напарника. – Ты чего вскочил? До развода еще полтора часа. Поспал бы.

– Не спится, – Максим поднял голову, посмотрел на него снизу вверх ясными, спокойными синими глазами. – Привычка. Отчим в шесть утра на пробежку пинками выгонял, даже если за окном минус тридцать. Да и Мартина вывести надо, вон, ушами уже прядет.

– Я выведу, – мягко возразил Стас, разворачиваясь в кольце его рук и заглядывая Максиму в лицо. В васильковых глазах майора светилось то самое безграничное, пьянящее тепло, которое появилось в нем ровно неделю назад — после того самого снежного двора на Чайковского, после разбитого телефона наглой журналистки и первого, соленого от метели поцелуя. – Мне полезно. Воздухом подышу, ногу разомну. А ты тосты сними, пока не сгорели.

Максим слабо улыбнулся, и эта улыбка — открытая, мальчишеская, лишенная всякой ментовской брони — заставила сердце Стаса сжаться в сладкой, почти болезненной нежности.

Но идиллия длилась недолго.

На кухонном столе, завибрировав на полированной поверхности, требовательно и зло взвыл мобильный телефон Стаса. Тяжелый басовый рингтон служебного вызова разорвал утренний покой в клочья.

Стас поморщился, потянулся к трубке и нажал кнопку приема:

– Майор Богданов.

– Станислав, – голос полковника Богданова в динамике звучал глухо, отрывисто и настолько тяжело, что Стас мгновенно подобрался, выпрямляясь во весь рост. Офицерские инстинкты сработали рефлекторно. – Срочно в управление. Ты и Алёнушкин. Через сорок минут жду у себя.

– Что случилось, батя? – коротко спросил Стас, переглянувшись с насторожившимся Максимом.

– В главке экстренное совещание у генерала через два часа, – отрезал полковник. – Дело особой важности. Прокуратура и СК на ушах. У нас серийка, Стас. И почерк… скверный. Жду.

Короткие гудки ударили по ушам, как выстрелы.

Стас медленно опустил телефон на стол. На кухне повисла плотная, нехорошая тишина. Мартин на ковре перестал урчать, поднял круглую голову с длинными ушами и тревожно посмотрел на хозяев, словно почуяв запах приближающейся беды.

– Ну вот и позавтракали, – тихо произнес Максим, убирая руки с пояса майора и отступая на шаг. Его лицо мгновенно окаменело, превратившись в привычную, собранную маску оперативного сотрудника. – Собираемся, командир.

***

В кабинете начальника Московского РУВД воздух можно было резать армейским штык-ножом.

Владимир Александрович Богданов стоял спиной к вошедшим, заложив руки за спину, и смотрел в широкое окно на серые коробки пятиэтажек Московского района. На массивном дубовом столе полковника, обычно содержавшемся в идеальном, почти педантичном порядке, царил контролируемый хаос: веером лежали глянцевые цветные фотографии судебно-медицинской экспертизы, папки с красными уголками и распечатки биллингов сотовой связи.

– Здравия желаем, товарищ полковник, – четко, в один голос доложили вошедшие.

Владимир Александрович медленно повернулся. Лицо старого волка осунулось, под тяжелыми веками залегли глубокие тени. Он молча окинул взглядом сына и Максима. За последнюю неделю в отношениях между отцом и Стасом не произошло бурного примирения — офицеры старой закалки не умели просить прощения и разбрасываться сантиментами. Но после той ночи на заброшенном мясокомбинате, когда полковник накинул свою шинель на плечи израненного сына и пожал руку Алёнушкину, между ними установилось негласное, суровое взаимопонимание.

– Садитесь, – полковник тяжело опустился в свое кожаное кресло и пододвинул к краю стола стопку документов. – Разговоров о регламенте не будет. Ситуация критическая. За последние восемь суток в черте города обнаружено три трупа. Все три — на территории нашего и соседнего Фрунзенского района.

Стас придвинул стулья, сел рядом с Максимом, касаясь его плеча своим, и протянул руку к первой папке:

– Кто жертвы?

– Жертва номер один, – полковник ткнул пальцем в верхний снимок. – Роман Ильин, двадцать шесть лет. Графический дизайнер, работал удаленно на крупное рекламное агентство. Проживал один на Бассейной улице. Тело обнаружено восемь дней назад в заброшенном гаражном кооперативе возле железнодорожной платформы «Проспект Славы».

Максим взял фотографию.

С глянцевой бумаги на него смотрело лицо мертвого парня: правильные черты, коротко остриженные темные волосы, запрокинутая голова. На шее отчетливо виднелась широкая, сплошная багровая борозда с кровоподтеками.

– Удушение? – спросил Максим, вглядываясь в детали.

– Асфиксия, – подтвердил полковник. – Задушен сзади тонким кожаным ремнем или гарротой. Механические повреждения гортани, перелом подъязычной кости. Следов сопро-

тивления практически нет: под ногтями чисто, одежда не разорвана. Токсикология показала в крови лошадиную дозу феназепама в сочетании с алкоголем. Его сначала опоили, парализовали волю, а затем хладнокровно задушили.

Стас открыл вторую папку:

– Второй?

– Денис Чижов, двадцать восемь лет. Инструктор по фитнесу в элитном спортклубе на Московском проспекте. Брюнет, спортивного телосложения, рост метр восемьдесят. Найден четыре дня назад в подсобном помещении строящегося бизнес-центра на Лиговском. Причина смерти — та же. Метод — тот же. Препарат в крови — феназепам.

– А третий? – голос Стаса стал глухим и напряженным.

– Сегодня ночью. Павел Морозов, двадцать пять лет. Студент пятого курса архитектурно-строительного университета. Нашли дворники в парке Победы, в кустах возле малого пруда. Задушен около трех часов ночи. Снова брюнет. Снова темные короткие волосы, правильные черты лица, возраст до тридцати.

Стас разложил три фотографии жертв в один ряд на зеленом сукне стола.

Аналитический ум майора включился на полную мощность, отсекая эмоции. Глаза Богданова стремительно сканировали лица убитых, сопоставляя анатомические детали.

– Типаж, – негромко, но с пугающей уверенностью произнес Стас. – Посмотри, Макс. Они словно братья. У всех троих темные, почти черные волосы, стрижка под короткий ежик или классический полубокс. Сбитые, подтянутые фигуры. Рост от ста семидесяти пяти до ста восьмидесяти. Даже разрез глаз похож. Маньяк охотится не просто на людей. Он охотится на конкретный физический образ. На визуальный триггер.

– Это еще не всё, – полковник Богданов тяжело вздохнул, сцепив крупные пальцы в замок. Его взгляд скользнул по Максиму, на секунду задержался на его спокойном, непроницаемом лице, а затем вернулся к сыну. – Следственный комитет поднял личные дела убитых, опросил родственников и вскрыл их переписки, которые удалось восстановить через облачные хранилища. Все трое убитых молодых людей… были гомосексуалами.

В кабинете повисла тяжелая, гулкая тишина.

Стас не шелохнулся, но мышцы на его челюсти каменно напряглись. Майор медленно перевел взгляд на отца, затем скосил глаза на сидевшего рядом Максима. Алёнушкин даже бровью не повел; его синие глаза оставались кристально чистыми, но пальцы на коленях чуть сжались в плотные кулаки.

– Все трое вели скрытный образ жизни, – продолжал Владимир Александрович, словно не замечая наэлектризованности воздуха. – Семьи ничего не знали, на работе они это не афишировали. Никаких открытых клубов, никаких тусовок. Обычные, благополучные молодые парни. Но экспертиза биологических следов с мест преступления дает четкую картину: перед смертью со всеми тремя вступали в контакт или имитировали романтическое свидание. Телефоны всех троих исчезли. Маньяк забрал смартфоны с собой, сим-карты отключены, геолокация оборвана.

Полковник поднялся из-за стола, уперся кулаками в столешницу и посмотрел сыну прямо в зрачки:

– В главке паника, Стас. Если информация о том, что в Московском районе орудует идейный «чистильщик», истребляющий геев, просочится в прессу — начнется международный скандал, проверки из Москвы и показательные расстрелы погон. На раскрытие дела генерал дал мне пять дней. Следственную группу возглавляешь ты. В напарниках — Алёнушкин. Вам двоим карт-бланш. Все технические службы главка, оперативники розыска и наружка по первому вашему требованию поступают в ваше распоряжение. Найдите эту мразь.

– Найдем, товарищ полковник, – твердо ответил Стас.

Он сгреб папки со стола, поднялся на ноги. Максим встал следом, коротко кивнув начальнику.

Когда они уже взялись за ручку двери, глухой голос полковника заставил их замереть на пороге:

– Станислав. Максим.

Они обернулись. Старый полковник стоял у окна, глядя на них из-под насупленных седых бровей. В его взгляде не было приказа — в нем была неприкрытая, тревожная отцовская тоска:

– Будьте осторожны. Он умен, расчетлив и не оставляет следов. Не лезьте на рожон без страховки.

– Так точно, – тихо отозвался Стас и шагнул в коридор.

***

Кабинет убойного отдела превратился в штаб войны.

На широкой магнитной доске Стас выстроил схему преступлений. В центре — фотографии трех убитых парней: Роман Ильин, Денис Чижов, Павел Морозов. Вокруг них — карты с точками обнаружения тел, заключения патологоанатомов, таблицы токсикологов и распечатки камер видеонаблюдения системы «Безопасный город».

Максим сидел за компьютером, непрерывно щелкая мышью, пробивая базы данных и чертыхаясь сквозь зубы.

– Камеры ничего не дают, – раздраженно бросил Алёнушкин, потирая воспаленные от экрана глаза. – По первому эпизоду на Проспекте Славы — мертвая зона между гаражами, освещения нет. По второму, на Лиговском — стройка, камеры застройщика писали через пень-колоду, лица смазаны силуэтами в капюшонах. По парку Победы — глухой угол у пруда, фонари разбиты местной шпаной еще в ноябре. Убийца знает город досконально. Он выбирает локации, где нет ни единого объектива.

Стас стоял у доски, сложив руки на груди и покусывая кончик незажженной сигареты — курить майор бросил давно, но в моменты предельного мозгового штурма старая привычка требовала хоть какого-то осязаемого предмета.

– Логично, – протянул Богданов. Его голубые глаза неотрывно буравили лица жертв. – Если он профессионально уходит от наружного наблюдения, значит, он ведет их сам. С самого начала. Вопрос в другом, Макс. Как он на них выходит? Смотри: Ильин — дизайнер-фрилансер, сидел дома, выходил только в кофейню на Бассейной. Чижов — качок, весь день в спортзале на Московском. Морозов — студент-архитектор, чертежи, сессия, общага на Краснопутиловской.

Стас подошел к столу Максима, наклонился, опершись ладонями о спинку его стула, обдавая напарника знакомым жаром своего тела:

– У них не было общих знакомых. Их телефоны не пересекались в сотовых сотах до дня смерти. Ни один из них не посещал тематические заведения в центре — ни «Кабаре», ни «Центральную станцию», ни закрытые бары на Рубинштейна. Они вообще не вели публичной ночной жизни. Откуда убийца знал, кто они такие? Откуда знал их ориентацию?

Максим откинулся на спинку стула, затылком упираясь в грудь Стаса. Прикрыл глаза на секунду, глубоко вздохнул, впитывая успокаивающий запах майора, а затем резко выпрямился:

– Интернет.

– Что интернет? – переспросил Стас.

– Стас, включи логику, – Максим повернулся к нему вполоборота. В синих глазах младшего лейтенанта загорелся тот самый въедливый, сыщицкий азарт, который Богданов так ценил. – После принятия всех законов о запретах, после облав на клубы и всеобщей паранойи эта среда окончательно ушла в подполье. Никто не знакомится на улицах. Никто не подходит в метро со словами «Привет, ты мне нравишься». Это смертельно опасно — можно нарваться на

гопников или провокаторов. Где знакомятся люди, которые вынуждены скрывать свою жизнь ото всех?

Стас нахмурился, его брови сошлись на переносице:

– Сайты знакомств? Тематические форумы?

– Не просто сайты, – Максим быстро застучал пальцами по клавиатуре. – Крупные открытые приложения типа «Тиндера» давно ушли из России или заблокированы. Официальные сервисы жестко модерируются и требуют верификации по «Госуслугам» или номерам телефонов. Нормальный парень, скрывающий ориентацию от семьи и коллег, туда не пойдет. Для этого существуют анонимные платформы. Закрытые Telegram-боты для быстрых знакомств с геолокацией или специализированные шифрованные приложения, работающие через VPN.

Максим открыл служебную базу данных кибербезопасности ГУВД:

– Смотри, что я запросил у технического отдела по логам домашних роутеров жертв за последние сутки перед исчезновением. У Ильина в домашней сети зафиксирован постоянный зашифрованный трафик через швейцарский VPN-протокол. У Чижова в смартфоне был установлен скрытый клиент. У студента Морозова — то же самое.

Максим вывел на экран логотип приложения в виде стилизованного силуэта мотылька на черном фоне:

– Программа называется «Aura». Доступ — только по закрытым инвайтам от проверенных пользователей или через платные телеграм-каналы. Никаких реальных имен. Никаких привязок к паспортам. Регистрация по временной почте, поиск собеседников по радиусу геолокации — в пределах одного-двух километров. Пользователь видит только анкету: возраст, рост, вес, фотографии и короткое описание того, чего он ищет.

Стас медленно выпрямился. Взгляд майора стал тяжелым и колючим:

– Убийца сидит в этом приложении.

– Именно, – Максим кивнул, и его лицо помрачнело. – Он мониторит Московский район. Выбирает парней по жесткому визуальному критерию: возраст двадцать пять — двадцать восемь, брюнеты, короткая стрижка, спортивное или крепкое телосложение. Списывается с ними. Заманивает на свидание. Обещает конфиденциальность, красивую романтику, алкоголь. Они соглашаются встретиться на нейтральной территории или в тихом месте. Он сажает их в машину, поит феназепамом, глушит и увозит убивать. А потом забирает смартфоны, сносит анкеты и выбрасывает трупы.

– Смартфоны… – пробормотал Стас, и его глаза блеснули догадкой. – Он забирает телефоны не ради наживы. Он чистит цифровой след! Чтобы эксперты не смогли вытащить переписку из самого приложения!

– Да. Потому что сервера «Ауры» физически находятся черт знает где — в Нидерландах или Исландии. Официальный запрос туда через Интерпол займет полгода, и нас просто пошлют подальше из-за санкций. Единственный способ прочитать диалог — физический доступ к устройству. А устройств нет.

Стас подошел к окну, забарабанил пальцами по стеклу. Внутри майора закипала глухая, яростная досада:

– Тупик. Технически мы не можем взломать систему за те четыре дня, что нам оставил батя. Вычислить его IP через зашифрованные узлы невозможно. Прочесывать район бесполезно. Что дальше, лейтенант? Ждать, пока он найдет четвертого мальчика и бросит его в сугроб у Пулковской обсерватории?!

Максим молчал. Он медленно поднялся со своего кресла, подошел к магнитной доске и встал вплотную к фотографиям убитых парней.

Стас повернулся к нему — и у майора внезапно перехватило дыхание.

Холодная, ледяная игла дурного предчувствия вонзилась Богданову прямо под сердце.

Максим стоял у доски, и в тусклом свете люминесцентных ламп сходство было ошеломляющим, пугающим, почти мистическим.

Темные, жесткие волосы, остриженные под короткий ежик. Синие, холодные глаза. Крепко сбитая, мускулистая фигура: широкие плечи, мощная грудь, тренированное тело борца и уличного бойца. Возраст — двадцать семь лет. Проживает в Купчино, работает в Московском районе.

Максим Алёнушкин был идеальным, абсолютным, стопроцентным воплощением кошмара этого маньяка.

Он подходил под типаж жертвы так безупречно, словно убийца лепил свой кровавый шаблон прямо с него.

Максим медленно повернул голову к Стасу. На круглом, спокойном лице лейтенанта не было страха. Лишь холодная, стальная, волчья решимость купчинского парня, привыкшего смотреть в лицо любой опасности.

– Не надо ждать четвертого, командир, – негромко, но с железной весомостью произнес Максим. – Четвертым буду я.

В кабинете словно выкачали весь кислород.

Стас замер на секунду, переваривая услышанное, а затем его лицо побелело, как свежевыпавший снег за окном. В голубых глазах майора вспыхнуло такое дикое, слепое, бешеное пламя, что стоявший рядом сейф, казалось, мог расплавиться от одного его взгляда.

– Что?.. – шепотом, от которого по спине побежали мурашки, переспросил Стас.

– Ты сам всё видишь, – спокойно, методично продолжал Максим, указывая пальцем на доску. – Я подхожу по всем параметрам. Возраст, внешность, комплекция, локация. Мы регистрируем мне закрытую анкету в «Ауре». Заряжаем профиль правильными фотографиями. Выставляем геолокацию на Московской площади или у парка Победы. Я выхожу в сеть. Он увидит меня сегодня же вечером. Такой типаж он мимо себя не пропустит.

– Заткнись, – оборвал его Стас.

Голос майора вибрировал от такой ярости, что бумаги на столе мелко задрожали. Богданов в два гигантских шага преодолел расстояние между ними, схватил Максима за плечи своими огромными, железными ладонями и с силой впечатал его спиной в край магнитной доски. Фотографии жертв с шорохом посыпались на пол.

– Заткни свой поганый рот, Алёнушкин! – прорычал Стас прямо в лицо напарнику. Зрачки майора были расширены, в них плескалось безумие человека, которому только что предложили добровольно отдать сердце под нож. – Ты с ума сошел?! Ты хоть понимаешь, что ты несешь, смертник хренов?! Наживка?! Из тебя?!

– Стас, пусти, – Максим попытался высвободить плечи, но хватка Богданова была мертвой, сокрушительной.

– Не пущу! – гаркнул Стас, встряхивая его так, что голова Максима мотнулась назад. – Ты забыл, что было месяц назад?! Забыл, как в тебя стреляли?! Забыл, как я тебя с ожогами на руках таскал?! А если этот урод приставит тебе нож к горлу раньше, чем мы среагируем?! Если он плеснет тебе в лицо эту дрянь, и ты сознание потеряешь за три секунды?! Он людей душит, Максим! Душит насмерть за сорок секунд! Тонким шнуром, ломая гортань!

– Стас, послушай меня…

– Нет! – перебил Богданов, и в его голосе сквозь ярость прорвалась такая глухая, невыносимая мука, что у Максима сжалось горло. – Нет! Я не пущу тебя! Я лично пойду к отцу и положу рапорт об отказе от дела! Я переверну весь город, я подниму на уши весь уголовный розыск, я буду каждую собаку в районе допрашивать — но подставлять тебя под удар я не позволю! Слышишь меня?! Ни за что на свете! Ты из этого кабинета на улицу один не выйдешь!

Максим замер в его железных руках. Он не стал вырываться. Не стал повышать голос.

Вместо этого Алёнушкин медленно поднял свои руки, положил ладони на напряженные, вздрагивающие скулы Стаса, заставляя майора смотреть прямо себе в глаза. Прикосновение Максима было обжигающе горячим, властным и бесконечно родным.

– Посмотри на меня, Сэм, – тихо, с пронзительной нежностью произнес Максим.

Стас судорожно втянул воздух сквозь зубы, но взгляда не отвел. В синеве глаз Максима не было ни капли сомнения — там была та самая несокрушимая броня верности, которая держала их обоих на плаву.

– Ты майор убойного отдела, Богданов, – мягко продолжал Максим, поглаживая подушечками больших пальцев напряженные скулы Стаса. – Ты лучший сыскарь в этом городе. И ты прекрасно знаешь, что другого шанса у нас нет. Пока мы будем перерывать базы и допрашивать свидетелей, этот зверь найдет очередного пацана. Такого же, как те трое. Молодого, напуганного, который просто искал тепла в этом ледяном болоте. И этот пацан умрет в муках сегодня ночью или завтра. Ты сможешь с этим жить, Стас? Ты сможешь потом смотреть в зеркало и знать, что мы могли его спасти, но испугались?

Стас молчал. Мышцы на его шее натянулись канатами, грудь тяжело вздымалась, прижимаясь к груди Максима.

– Я не боюсь, Стас, – шептал Алёнушкин, глядя ему прямо в душу. – Знаешь, почему? Потому что страховать меня будешь ты. Не СОБР, не опера из главка, не чужие менты. А ты. Я знаю, как ты стреляешь левой рукой. Я знаю, как ты слышишь эфир. Я знаю, что ты зубами перегрызешь глотку любому, кто посмеет ко мне подойти ближе, чем положено. Я верю тебе больше, чем самому себе. Слышишь меня, Лось? Я верю тебе свою жизнь.

Слова обожгли Стаса до самых костей.

Майор медленно, словно у него иссякли все силы, уронил голову на плечо Максима, уткнувшись носом в его жесткий темный свитер. Руки Богданова разжались на плечах лейтенанта, сползли вниз и намертво сомкнулись на его талии, сгребая ткань в кулаки и притягивая Максима к себе с отчаянной, сокрушительной силой.

– Господи, Алёнушкин… – глухо, сдавленно простонал Стас прямо ему в шею. – За что ты мне на голову свалился… Какая же ты упертая купчинская скотина…

Максим тихо, хрипло усмехнулся, запустив пальцы в светло-русые кудри майора на затылке и крепко прижав его голову к себе:

– Сам выбрал, командир. Обратно возврата нет.

Они простояли так несколько минут в тишине закрытого кабинета. Стас жадно вдыхал запах Максима — запах морозного утра, хвои и кожи, — пытаясь запомнить каждую клеточку, словно прощался перед смертным боем. Но когда майор наконец поднял голову, в его васильковых глазах не осталось паники. Там застыл тот самый ледяной, расчетливый, смертоносный ум хищника, который сделал его грозой криминального Петербурга.

– Значит так, лейтенант, – голос Стаса стал металлическим, четким и безжалостным. – План операции разрабатываю я. До мельчайшей секунды. Если ты отклонишься от сценария хоть на шаг, хоть на миллиметр — я лично прикую тебя наручниками к батарее в подвале и запру на три замка. Усек?

– Так точно, товарищ майор, – улыбнулся одними уголками губ Максим. – Командуй.

***

Подготовка началась немедленно.

Стас запер дверь кабинета на ключ. Первым делом майор достал из сейфа служебный защищенный смартфон без сим-карты, предназначенный для специальных технических мероприятий. Подключившись через выделенный ведомственный защищенный канал, Максим скачал клиент приложения «Aura».

– Нужен профиль, – сказал Максим, садясь за стол. – Имя выберем простое. Пусть будет «Макс». Возраст — двадцать семь. Интересы — рок-музыка, спорт, ночные прогулки. А вот

с фотографиями нужно быть предельно осторожными. Лицо не должно быть слишком открытым, чтобы нас не спалили через базы распознавания лиц, но типаж должен читаться мгновенно.

Стас подошел к окну, придирчиво окинул взглядом напарника:

– Снимай форменный китель. Оставайся в темно-сером свитере. И куртку накинь на одно плечо — ту самую зеленую аляску.

Богданов достал свой телефон с хорошей камерой:

– Встань в полупрофиль к окну. Свет от тумана падает идеально. Не улыбайся, сделай свое обычное купчинское лицо — будто ты сейчас кому-то челюсть свернешь за неправильный вопрос, но в глазах чтобы была легкая тоска. Маньяки любят тех, кто кажется одиноким.

– Умеешь ты комплименты делать, командир, – хмыкнул Максим, послушно вставая у подоконника.

Стас сделал три снимка.

На первом Максим смотрел в сторону, свет выгодно очерчивал его мужественный подбородок, четкую линию скул и короткий, аккуратный темный ежик волос. На втором — снимок со спины в зеркале, подчеркивающий широкие плечи и крепкую спину. На третьем — взгляд в упор, синий, глубокий и притягательный.

– Идеально, – сквозь зубы процедил Стас, глядя на экран. Внутри майора снова кольнуло темной, собственнической ревностью: он понимал, что на этот образ клюнет любая падаль в радиусе десяти километров. – Загружай. Геолокацию ставь — Московская площадь, у памятника Ленину. Напиши в статусе: «Свежий кофе, вечерний город, ищу того, с кем можно помолчать под снегом».

Максим быстро заполнил поля, нажал кнопку активации профиля и выложил анкету в общую сеть.

На экране смартфона загорелся значок радара. Приложение начало сканировать радиус в три километра.

– Теперь техническая часть, – Стас подошел к оружейному шкафу, открыл тяжелую металлическую дверцу и достал плоский пластиковый кейс.

Внутри покоилась новейшая оперативная гарнитура скрытого ношения, полученная из технического отдела УФСБ по специальному запросу полковника.

– Микронаушник телесного цвета, – Стас аккуратно извлек крошечную капсулу размером с рисовое зерно. – Вставляется глубоко в ушной канал, извлекается магнитом. Снаружи не увидит даже врач при беглом осмотре. Микрофон вшит в воротник куртки, передатчик на груди под свитером, заклеим хирургическим пластырем. Радиус действия цифрового канала — триста метров. Я буду слышать каждый твой вдох. Каждое слово.

Стас подошел к Максиму, взял его за подбородок левой рукой, заставляя повернуть голову:

– Не дергайся.

Пальцы майора действовали поразительно бережно. Он аккуратно протолкнул микрокапсулу в правое ухо Максима, проверяя посадку:

– Слышишь меня?

Черная патока

Экраны мониторов в полутемном кабинете убойного отдела отбрасывали на стены холодные, мертвенно-голубые блики. За окном густой петербургский туман пожирал Московский проспект, размазывая огни фонарей в мутные желтые кляксы. Стрелки настенных часов лениво подползали к шести вечера.

Стас Богданов не находил себе места.

Майор мерил кабинет широкими, пружинистыми шагами от подоконника к сейфу и обратно. Высокий, поджарый, в расстегнутой темно-синей форменной рубашке с засученными до локтей рукавами, он походил на запертого в тесной клетке барса. Светло-русые кудри падали на лоб, голубые глаза метали молнии, а в зубах Богданов с глухим остервенением сжимал деревянную зубочистку — привычка, заменявшая ему сигареты во время смертельного стресса.

– Сядь, командир, – не поднимая головы от смартфона, негромко произнес Максим. – Ты мне в глазах рябишь. Ковер до бетона протрешь.

Алёнушкин сидел за приставным столом. На нем была плотная черная водолазка, подчеркивавшая широкие плечи и крепкую шею, и потертые темно-синие джинсы. Никаких намеков на форму, кобуру или казенную выправку: перед зеркалом сидел обычный купчинский парень, немного хмурый, уверенный в себе, с аккуратным темным ежиком волос и цепким взглядом синих глаз. На столе перед ним лежал служебный телефон с чистым номером и запущенным приложением «Aura».

– Не учи меня сидеть, лейтенант, – огрызнулся Стас, резко остановившись у стола и уперев кулаки в столешницу. – Три часа висит твоя анкета. Три часа глухо, как в танке! Может, твой хваленый алгоритм не работает? Может, этот псих вообще залег на дно после Морозова?!

– Работает, – спокойно парировал Максим, даже бровью не поведя на рык майора. – Такие хищники не залегают на дно, когда чувствуют свежую кровь. Ему нужно время. Он присматривается. Проверяет геолокацию, изучает снимки…

Короткий, приглушенный вибросигнал смартфона прозвучал в тишине кабинета громче выстрела.

Стас замер. Мышцы на его широкой спине мгновенно одеревенели. Зубочистка с сухим щелчком переломилась пополам между зубами майора.

Максим медленно, без суеты опустил взгляд на экран.

В правом верхнем углу приложения мигал значок входящего сообщения. Профиль собеседника был лаконичен до жути: черная аватарка с гравюрой песочных часов, никнейм — «Вергилий». Расстояние — один и две десятых километра. Где-то совсем рядом, в пределах двух станций метро.

– Клюнул, – тихо выдохнул Максим.

Стас обогнул стол в одно неуловимое движение, нависнув над плечом напарника. От майора пахло морозным сквозняком, крепким кофе и тем первобытным, горячим электричеством, которое всегда накрывало его перед схваткой. Его тяжелая рука легла на спинку стула Максима, пальцы побелели от напряжения.

– Открывай, – приказал Богданов. Голос майора упал на октаву вниз, став пугающе хриплым.

Максим коснулся сенсора.

На черном фоне диалогового окна высветились ровные строчки текста. Язык собеседника был подчеркнуто вежливым, интеллигентным, текучим, без единой орфографической ошибки:

*«Добрый вечер, Макс. Редко встретишь в этой мутной ленте взгляд, в котором нет фальши и дешевой суеты. У вас в глазах застыла правильная, благородная тишина. Вы кажетесь человеком, который знает цену одиночеству в этом замерзающем городе. Если вы не против

согреться и поговорить о том, о чем молчат другие, — я был бы рад угостить вас чашкой хорошего кофе. Здесь неподалеку, на Варшавской, есть тихое место — кофейня "Морис". Никакой музыки, полумрак и отличный кенийский сбор. Через полчаса? Вергилий».*

– Тварь, – сквозь зубы процедил Стас. На скулах майора заходили желваки. – «Благородная тишина»… «Кенийский сбор»… Литератор хренов. Это он, Макс. Почерк тот же, что в описаниях свидетелей по Чижову. Чистый нарцисс, упивается своей псевдоэлитарностью.

– Кофейня «Морис» на Варшавской, – Максим быстро проверил адрес по городской карте на мониторе. – Старый дом, цокольный этаж. Место глухое, людей вечером мало. Идеально для первого визуального контакта.

Алёнушкин поднял пальцы над клавиатурой:

– Отвечаю: «Добрый вечер. Кофе — это хорошо. Буду через двадцать минут».

– Стой! – Стас перехватил его запястье. Хватка майора была железной, но ладонь едва заметно подрагивала. Васильковые глаза Богданова потемнели до цвета грозовой тучи. – Я иду с тобой.

Максим повернул голову. Посмотрел на командира снизу вверх — спокойно, понимающе, но абсолютно непреклонно:

– Нет, Стас.

– Что значит «нет»?! – взорвался Богданов, сжимая руку Максима еще крепче. – Ты пойдешь один на встречу с серийным маньяком, который трех здоровых мужиков удавкой переломал?! Я сяду в дальнем углу, надену кепку, возьму газету…

– Стас, посмотри на себя в зеркало! – Максим свободной рукой ткнул в сторону шкафа с отражающим стеклом. – Ты майор полиции! Рост метр девяносто, косая сажень в плечах, кудри эти твои приметные, физиономия опера из убойного, на которой аршинными буквами написано: «Стоять, стрелять буду!» Ты на три километра ментовкой фонишь, Богданов!

Максим высвободил руку, встал со стула и положил обе ладони на напряженную грудь Стаса, прямо поверх расстегнутой форменной рубашки:

– «Морис» — крошечная кофейня на пять столиков. Если ты зайдешь туда следом за мной, он срисует тебя еще в дверях. Поймет, что это оперативная разработка. Развернется, уйдет дворами — и мы потеряем единственный след! А через два дня он задушит другого пацана, чтобы снять ломку. Ты этого хочешь?

Стас тяжело дышал. Ладони Максима на его груди жгли сквозь тонкую ткань, но этот пожар не тушил ярость — он лишь смешивал ее с леденящим, удушающим страхом за жизнь купчинского упрямца.

– Если он подсыплет тебе дрянь… – глухо проговорил Стас, заглядывая Максиму в самые зрачки.

– Не подсыплет, – отрезал Максим. – Это первая встреча. Притирка. Он изучает жертву, входит в доверие, примеряет петлю на будущее. Ни одного из тех парней не тронули на первом свидании. Он усыпляет бдительность. Я не притронусь к чашке, пока официант не принесет ее закрытой, или вообще закажу воду в стекле с заводской крышкой. Я не идиот, Стас.

– Наружку подтянем к кофейне. «Форд» во дворе поставлю…

– Никаких машин во дворе! – с нажимом повторил Максим. – У него паранойя высшего разряда. Увидит знакомый кузов с тонировкой у подъезда — сорвется. Ты остаешься здесь. В отделе. На прямой связи через гарнитуру.

Стас дернулся, словно от пощечины. Оставить Максима одного, остаться в четырех стенах кабинета, пока этот ублюдок будет сидеть напротив и заглядывать в его синие глаза?..

– Нет… Максим, пожалуйста… – в голосе майора, железного и непробиваемого Стаса Богданова, вдруг прорезалась такая отчаянная, болезненная мольба, что у Алёнушкина сжалось сердце.

Максим не выдержал. Он шагнул вплотную, приподнялся на носках и крепко, властно прижал свой лоб ко лбу Стаса. Пальцы лейтенанта скользнули на затылок майора, зарываясь в светло-русые кудри, заставляя Богданова закрыть глаза и выдохнуть раскаленный воздух.

– Сэм, посмотри на меня, – тихо, одними губами прошептал Максим. – Ты слышишь меня в наушнике каждую секунду. Ты держишь палец на кнопке вызова группы захвата. Ты — моя страховка. Моя спина. Но здесь, на первом шаге, я должен пройти один. Верь мне. Пожалуйста.

Стас медленно открыл глаза. Боль и ярость в них не угасли, но отступили перед железной дисциплиной офицера. Майор судорожно сглотнул, опустил руки на талию Максима, сжав ткань его водолазки так, что затрещали швы, и с силой притянул его к себе на одну долгую, мучительную секунду.

– Сорок минут, – хрипло выдохнул Стас прямо в теплые губы Максима. – Ровно сорок минут, Алёнушкин. Если через сорок одну минуту ты не выйдешь из этой чертовой забегаловки — я поднимаю по тревоге весь гарнизон, сношу двери с петель и лично вбиваю этого Вергилия в асфальт. Ты меня понял?

– Понял, командир, – слабо усмехнулся Максим, мазнув губами по обветренной щеке майора. – Время пошло. Включай аппаратуру.

***

Кабинет убойного отдела погрузился в тишину склепа.

Стас сидел за пультом оперативной связи, надев массивные звукоизолирующие наушники. Перед ним горел зеленый индикатор приема радиосигнала: крошечная капсула в ухе Максима и микрофон, вшитый в шов воротника его куртки, работали безупречно.

В наушниках слышался каждый шорох: скрип снега под армейскими ботинками Максима, далекий гул машин на Варшавской, тяжелое, ровное дыхание напарника.

– Подхожу к объекту, – раздался в ушах сухой, деловой голос Максима. – Вывеска «Морис». Окна полуподвальные, занавешены плотным бархатом. Внутри горит тусклый свет. Захожу.

Звякнул дверной колокольчик. На мгновение эфир заполнил тихий, вкрадчивый джаз — саксофон играл что-то тягучее, осеннее. Зашуршала верхняя одежда: Максим снимал куртку.

– Добрый вечер, – раздался молодой голос бариста. – Вы один?

– Меня ждут, – отозвался Максим.

Пауза. Шаги по деревянному паркету.

И затем в наушниках Стаса прозвучал чужой голос.

Он был мягким. Невероятно глубоким, бархатистым, с легкой интеллигентной хрипотцой — голос университетского профессора или актера озвучания, читающего старинные сказки. Но от этой вкрадчивой мягкости у Стаса по спине продрал ледяной озноб. Волоски на руках встали дыбом.

– Макс? Здравствуйте. Я Вергилий. В миру — Виктор. Присаживайтесь, прошу вас. На улице совершенно невозможный ветер, вы совсем замерзли.

Стас вцепился пальцами в край стола. Костяшки побелели.

– Добрый вечер, Виктор, – голос Максима в эфире звучал спокойно, с легкой, идеальной долей неловкости человека, впервые пришедшего на подобную встречу. – Да уж, метет прилично.

– Я заказал нам чайник эрл грея с бергамотом и розмарином, – продолжал маньяк. В микрофоне отчетливо слышался фарфоровый перестук чашек. – Не возражаете? Кофе в такой час будоражит нервы, а вечер требует тишины. Позвольте, я налью вам.

– Нет! – беззвучно, одними губами прорычал Стас в пустом кабинете, сжимая кулаки до боли в суставах. – Не пей, Макс, твою мать, не пей…

– Спасибо, но я предпочитаю обычную минералку, – ровно ответил Максим. – После тренировки сушит зверски. Эй, парень, принеси «Нарзан» в стекле. И не открывай, сам справлюсь.

– Вы занимаетесь спортом? – в голосе Виктора проскользнуло неподдельное, жадное любопытство хищника, оценивающего добычу. – Бокс? Борьба? У вас очень гармоничное сложение. Редкая стать для нашего поколения, выросшего за клавиатурами.

– Рукопашный бой. Немного тяжелой атлетики в юности, – небрежно бросил Максим. Раздался глухой щелчок металлической пробки, звук наливаемой в стакан газированной воды. – Надо же форму держать. В Купчино по вечерам без поставленного удара гулять накладно.

Маньяк тихо, грудно рассмеялся. Этот смех резанул слух Стаса, как лезвие бритвы:

– О да, наш знаменитый спальный колорит. Но знаете, Макс… в вас чувствуется не только кулак. Ваши плечи выдают силу, но в глазах — усталость человека, который несет в себе слишком много чужой грязи. Вы кажетесь старше своих двадцати семи. Намного старше.

– Жизнь такая, – коротко отозвался Алёнушкин. – Работа с людьми оптимизма не добавляет.

– И чем же вы занимаетесь, если не секрет?

– Служба безопасности в логистической компании, – гладко, без единой запинки выдал заранее заготовленную легенду Максим. – Проверяю водителей, склады, недостачи. Скука смертная, бумага на бумаге.

– Понимаю вас, – протянул маньяк, и в его голосе зазвучали те самые ядовитые, паточные нотки, от которых Стаса начало физически подташнивать. – Серость бытия пожирает нас изнутри. Люди вокруг — они ведь как тени. Безликие, суетливые, поглощенные мелкими дрязгами. Они не способны оценить красоту мгновения. Не способны понять, что истинная близость — это когда души обнажаются до костей, без лжи и социальных масок… Вы верите в судьбу, Макс?

– Я верю в факты, – отрезал Максим.

– Материалист, – с легким, почти ласковым укором вздохнул собеседник. – Но это временно. Знаете, когда я увидел вашу анкету, ваше лицо в этом зимнем тумане… у меня перехватило дыхание. Вы — как скульптура Микеланджело, заблудившаяся в промзонах Петербурга. Неотесанный гранит, внутри которого бьется живое, мятущееся сердце.

Стас с глухим стуком впечатал кулак в столешницу. Челюсти майора свело судорогой.

«Скульптура Микеланджело?! Мятущееся сердце?! Да я тебе это сердце живьем вырву, ублюдок, если ты еще хоть слово вякнешь!» — орало всё естество Богданова. Сидеть в наушниках и слушать, как эта мразь распускает павлиний хвост перед Максимом, было изощренной пыткой, сравнимой с инквизиторскими колодками.

– Вы красиво говорите, Виктор, – в голосе Максима скользнула легкая, холодная ирония. – Но стихи на хлеб не намажешь.

– Красота не требует хлеба, Макс. Она требует жертв, – мягко, с пугающим двойным дном произнес маньяк. Раздался шелест купюр: Виктор расплачивался. – Наше время истекает. Мне пора возвращаться к делам. Но эта короткая встреча… она лишь разожгла мою жажду. Я не хочу говорить о пустяках в дешевом кафе среди посторонних глаз.

– И чего же вы хотите? – прямо спросил Максим.

– Я хочу настоящего свидания, – шепот маньяка стал почти интимным, густым, обволакивающим. – Только вы и я. В тихом, уединенном месте, где никто не посмеет нарушить наш покой. За городом, у меня есть прекрасный дом в Комарово. Камин, старое вино, зимний лес за окном. Мы сможем поговорить обо всем. По-настоящему.

Стас в кабинете затаил дыхание, готовый сорвать наушники.

– В Комарово? – хмыкнул Максим. – Быстро вы коней гоните, Виктор. Мы знакомы двадцать минут.

– Настоящее чувство не знает времени, мой дорогой, – вкрадчиво ответил маньяк. – Я дам вам время подумать. Скажем… три дня? В воскресенье вечером я заеду за вами. Я покажу вам то, чего вы никогда не видели. Обещайте, что подумаете.

– Подумаю, – бросил Максим.

Шорох одежды. Звук отодвигаемых стульев.

– До встречи, мой мятежный ангел, – шепнул Виктор. – Я буду писать вам. Не забывайте меня.

Звякнул колокольчик. Шум улицы снова ворвался в микрофон, смывая удушливый морок кафе.

– Стас, – раздался в наушниках четкий, хладнокровный голос напарника. – Объект покинул заведение, сел в черный «Фольксваген Пассат», номера грязные, ушел в сторону Благодатной. Я иду в отдел. Время — тридцать восемь минут.

Стас сорвал наушники, швырнул их на стол и тяжело уронил голову на руки, жадно глотая душный воздух кабинета.

***

Дверь распахнулась через семь минут.

Максим вошел в кабинет, на ходу расстегивая куртку. Свежий морозный воздух и запах улицы мгновенно заполнили комнату, вытесняя въевшуюся духоту.

Стас вскочил на ноги. Майор не сказал ни слова: он в три шага преодолел расстояние между ними, схватил Максима за плечи, развернул к свету настольной лампы и принялся лихорадочно, почти маниакально осматривать напарника с ног до головы. Пальцы Богданова ощупывали шею Максима, воротник водолазки, запястья — словно проверяли, целы ли кости, нет ли следов уколов или скрытых порезов.

– Стас, прекрати, – Максим попытался перехватить его руки, но майор не слушал.

– Ты цел? – хрипел Богданов, заглядывая ему в глаза лихорадочным, шальным взглядом. – Ты ничего не пил? Он к тебе прикасался?! Он трогал тебя?!

– Да не трогал он меня! – Максим с силой перехватил запястья Стаса, останавливая его судорожные движения, и прижал их к своей груди. – Слышишь? Успокойся, Лось! Всё прошло штатно. Ни единого касания. Сидели через стол. Я пил только минералку из закрытой бутылки.

Стас судорожно выдохнул. Напряжение, державшее его последние сорок минут на дыбе, вырвалось наружу тяжелым, сбитым стоном. Майор шагнул вперед, сгреб Максима в охапку, уткнувшись лицом в изгиб его шеи, жадно втягивая родной, чистый запах морозного ветра, мыла и кожи, выбивая из памяти приторный голос ублюдка.

– Скульптура Микеланджело… – глухо, со злой насмешкой пробормотал Стас прямо в шею Алёнушкина. – Мятежный ангел… Господи, какая же высокопарная, слащавая мразь. Я его пристрелю, Макс. Клянусь тебе, я пристрелю его прямо при задержании.

Максим тихо хмыкнул, не пытаясь высвободиться из удушающих объятий. Напротив, он положил руки на широкую спину Богданова, чувствуя, как мелко подрагивают лопатки командира.

– Пристрелишь, если дернется, – спокойно согласился Максим. – А пока — он проглотил наживку вместе с крючком и леской. Он уверен, что нашел идеальную жертву.

Максим мягко отстранился, заглядывая в лицо майора:

– Он назначил второе свидание. Воскресенье. Загородный дом в Комарово. Это наш шанс, Стас.

Лицо Богданова мгновенно окаменело.

Майор медленно отпустил куртку Максима, отступил на шаг назад. Васильковые глаза Стаса сузились в ледяные щели, челюсти сжались так, что хрустнули зубы:

– Какое еще Комарово?! Ты в своем уме, Алёнушкин?! Никаких вторых свиданий!

– Стас…

– Я сказал — нет! – рявкнул Богданов так, что зазвенели стекла в старых рамах. Он яростно взмахнул руками: – Мы знаем его машину! Черный «Пассат»! Завтра утром технический отдел поднимет все камеры по Варшавской и Благодатной, мы вычислим номер за два часа! Установим личность, адрес прописки, получим ордер у судьи и возьмем его дома тепленьким!

– И что мы ему предъявим?! – с такой же силой парировал Максим, шагнув навстречу майору и не отводя взгляда. – Что, Стас?! Чашку чая в кафе на Варшавской?! Разговоры о Микеланджело?! У нас нет ни единой прямой улики! Ни одного отпечатка пальцев с мест убийств! Биологические следы на трупах не содержат ДНК — он работал в перчатках! Телефоны жертв не найдены! Если мы возьмем его дома — его адвокаты разнесут дело в пух и прах за сорок восемь часов! Он скажет, что просто знакомился в интернете, а парней убил кто-то другой!

– Мы выбьем из него признание! – прорычал Стас.

– Из него — не выбьешь, – жестко отрезал Максим. – Он расчетливый, хладнокровный психопат с железной выдержкой. Он уйдет под пятьдесят первую статью и будет молчать. И через двое суток выйдет на свободу чистым, как стеклышко. И мы больше никогда его не поймаем!

Стас замер. Вся логика следственной практики, весь его десятилетний опыт кричали, что Алёнушкин прав. Каждое слово младшего лейтенанта было горькой, процессуальной истиной. Без поличного, без момента покушения или обнаружения орудий убийства это дело рассыплется в суде, как карточный домик.

Но осознавать это умом — и принять сердцем, отдавая любимого человека в лапы маньяка…

– Это Комарово, Макс, – глухо, со страшной, бессильной яростью заговорил Стас. Майор подошел к окну, уперся лбом в ледяное стекло. – Лес. Частный сектор. Глухие заборы в три метра. Если что-то пойдет не так, если связь оборвется, если глушилку включит… Я не успею добежать. Понимаешь ты своей купчинской головой?! Я не успею выбить эту чертову дверь!

Максим подошел сзади. Осторожно, бережно положил руку на напряженное плечо майора, слегка сжав пальцы:

– Успеешь, Сэм. Ты всегда успеваешь. Мы разработаем план вместе с отцом. Подтянем спецназ, окружим дом заранее, заведем маячок в каблук ботинка. Мы возьмем его в тот момент, когда он достанет удавку или попытается налить яд. С поличным. Другого выхода нет.

Стас не ответил. Он стоял, глядя в темноту за окном, и внутри него клокотала черная, густая, ядовитая буря.

***

Следующие три дня превратились для Стаса Богданова в персональный филиал ада на земле.

Второе свидание было назначено на вечер воскресенья. И все эти семьдесят два часа «Вергилий» не затыкался ни на минуту.

Маньяк словно сорвался с цепи. Уверенный в том, что нашел свою идеальную, эстетическую «музу», он засыпал служебный смартфон Максима сообщениями. И это были не просто сухие предложения — это были длинные, выверенные, тошнотворно-романтические поэмы в прозе.

Каждый раз, когда на столе тихо вибрировал телефон, Стас вздрагивал, словно от удара током.

Пятница, три часа дня. Кабинет убойного отдела.

Стас стоял у доски, составляя оперативную схему оцепления поселка Комарово. Максим сидел за столом, вбивая данные по владельцам черных «Фольксвагенов».

Вжж… вжж…

Богданов замер с маркером в руке. Медленно, с убийственной грацией повернул голову.

Максим вздохнул, взял телефон:

– Опять наш поэт.

– Читай вслух, – процедил Стас. Голос майора был сухим и ломким. Желваки на челюстях ходили ходуном с такой силой, что кожа на скулах натянулась.

Максим поморщился, открыл чат:

– «Мой прекрасный Макс. Весь день перебираю в памяти черты вашего лица. В вас удивительным образом сочетаются несокрушимая мужская мощь и какая-то трагическая, надломленная нежность. Вы похожи на античного гладиатора, уставшего от бессмысленной резни на арене. Я хочу стать тем, кто залечит ваши невидимые раны. В воскресенье я зажгу для вас камин из карельской березы. Ее пламя пахнет детством и покоем. До скорой встречи во тьме».

Хрусь!

Пластиковый маркер в пальцах Стаса лопнул пополам. Черные чернила брызнули на пальцы майора, испачкав форменную манжету.

– «Трагическая нежность»?! – прошипел Стас, шагнув к столу. Глаза Богданова пылали диким, безумным пламенем. – «Гладиатор»?! Да он издевается! Он откровенно лапает тебя через этот чертов экран! Дай сюда телефон, я ему напишу… Я ему так напишу, что он сам в заливе утопится до воскресенья!

– Богданов, остынь! – Максим быстро убрал трубку в карман и схватил Стаса за испачканную руку. – Ты опер или институтка истеричная?! Это оперативная игра! Он раскрывается, выдает свой психологический портрет! Эксперты-психологи из главка сказали, что по этим текстам его нарциссическая психопатия видна как на ладони!

– Да плевать мне на его психопатию! – рыкнул Стас, вырывая руку, но тут же замер, глядя на темные чернила на коже. – Он пишет тебе так, будто ты… будто ты принадлежишь ему! Смакует каждое слово, ублюдок! «Камин из карельской березы»… Я ему этот камин на голову надену!

– Стас… – Максим покачал головой, но в уголках его губ дрогнула едва заметная, теплая усмешка. Он достал из пачки влажную салфетку, взял руку майора и принялся методично, бережно стирать чернила с его сильных пальцев. – Ты ревнуешь.

– Я не ревную! – соврал Богданов, хотя дыхание его сбилось, а щеки обожгло стыдным жаром. – Я обеспечиваю безопасность сотрудника!

– Ты ревнуешь к мертвому человеку, Стас, – тихо, с нажимом произнес Максим, не отрывая взгляда от его пальцев. – Потому что в воскресенье этот урод сядет пожизненно. Или сдохнет, если дернется на захвате. А я стою здесь. С тобой. И принадлежу только тебе. Заруби это на своем красивом кудрявом носу и перестань ломать казенную канцелярию.

Стас шумно выдохнул, глядя, как уверенные руки Максима очищают его кожу. Сердце майора колотилось как безумное. Он медленно перевернул ладонь, переплетая свои пальцы с пальцами Алёнушкина, сжав их до легкого хруста:

– Не могу, Макс. Физически не могу это читать. Меня наизнанку выворачивает от одной мысли, что он думает о тебе.

– Потерпи, – шепнул Максим. – Осталось два дня.

***

Но терпеть становилось всё труднее.

Суббота прошла в непрерывном кошмаре. Сообщения от «Вергилия» сыпались каждые три-четыре часа.

«Вы любите белое сухое? У меня есть бутылка шабли девяносто восьмого года. Оно пахнет мокрыми камнями и зрелыми яблоками. Ровно в тон вашим глазам».

Стас в этот момент едва не разнес кулаком стену в коридоре следственного комитета, куда они ездили за подписью постановления. Дежурный капитан шарахнулся от майора как от чумного, увидев перекошенное от ярости лицо Богданова.

«Я купил для нашей встречи шёлковый плед. Холод Петербурга не коснется вашей кожи, обещаю. Вы заслужили абсолютное тепло».

Призраки на холодном бетоне

Воскресный вечер падал на Петербург свинцовым, удушливым саваном.

С Финского залива несло колючую ледяную крупу, перемешанную с хлопьями мокрого снега. Ветер завывал в кронах вековых сосен вдоль Приморского шоссе, сгибая верхушки к замерзшей, покрытой настом земле. Город остался далеко позади — в мутном, желтоватом зареве фонарей, а здесь, на подъездах к поселку Комарово, царила глухая, первобытная тьма.

На заправке у съезда с трассы стоял неприметный серый фургон наружного наблюдения. Внутри было тесно, пахло остывшим кофе из термосов, сигаретным дымом оперативников — от которого Стаса Богданова мутило до судорог в горле, — и раскаленной электроникой.

Стас не сидел. Он стоял, намертво вцепившись пальцами в спинку операторского кресла, сгорбившись под низким металлическим потолком фургона.

На майоре была тяжелая зимняя куртка поверх бронежилета скрытого ношения. Его светло-русые кудри, мокрые от снега, беспорядочно падали на лоб, голубые глаза лихорадочно блестели в полумраке, отражая мерцание зеленых и красных диодов на звуковом пульте.

– Дистанция триста метров, – негромко доложил капитан техслужбы, щелкая тумблерами. – Машина объекта вошла в поселок. Черный «Пассат», скорость сорок километров в час. Наш маяк в подошве лейтенанта пишет трек без сбоев.

– Что в эфире? – хрипло бросил Стас. Голос майора был сорван еще днем, когда на последнем инструктаже он едва не подрался с начальником СОБРа из-за тайминга штурма.

– Пишет чисто. В салоне играет музыка. Дебюсси.

Стас надел один наушник, прижимая его к уху дрожащей ладонью.

Сквозь легкий шелест помех пробивался тягучий, изысканный фортепианный пассаж. А поверх него — неторопливый, паточный голос Виктора.

– …Вы удивительно молчаливы сегодня, Макс. Дорога утомляет? Или вас пугает перспектива остаться наедине с человеком, которого вы едва знаете?

Стас затаил дыхание. Сердце майора колотилось о ребра, как пойманная птица.

– Дорога нормальная, – раздался в наушнике ровный, чуть хрипловатый бас Максима. Знакомый, родной купчинский говор, в котором не было ни грамма фальши. – Просто не люблю пустой треп за рулем. По сторонам смотрю. Места тут у вас глухие. Застрянешь в сугробе — до утра никто не откопает.

– В этом и заключается прелесть уединения, мой дорогой, – вкрадчиво рассмеялся маньяк. – Настоящая красота требует изоляции от мира. Суета убивает искренность. Вот мы и приехали. Вон за теми соснами — мой дом. Старая академическая дача. Здесь тишина такая, что слышно, как падает хвоя.

В наушнике заскрипели тормоза. Раздался глухой щелчок ручника.

– Объект встал у ворот, – доложил наблюдатель со второго поста. – Въезжают на территорию. Высокий глухой забор из профнастила, высота около трех метров. Дом двухэтажный, брус, обшит сайдингом. Окна первого этажа закрыты рольставнями.

– Группа захвата, готовность номер один, – скомандовал Стас в наручную рацию, и его челюсти свело судорогой. – Ждем голосовой маркер. Как только Максим произнесет: «Здесь слишком холодно для хорошего вина» — выбиваем ворота и идем на штурм. До маркера — ни звука. Не спугнуть тварь.

– Принято, «Байкал», – отозвался командир спецназа.

Стас снова вжал наушник в висок.

Хлопнули дверцы машины. Послышался скрип промороженного снега под тяжелыми армейскими ботинками Максима.

– Прошу вас, Макс, проходите, – звенел в динамике голос Виктора. – Осторожно, на крыльце наледь. В доме пока прохладно, я сейчас включу обогреватели и разожгу камин. Снимайте куртку в прихожей, будьте как дома…

Звякнули связки тяжелых ключей. Скрипнула массивная дверь.

– Зашел, – шепнул Максим едва слышно, явно отвернув воротник куртки с микрофоном в сторону. – Темно. Пахнет сыростью и старым лаком.

– Проходите в гостиную, не стесняйтесь, – донесся отдаленный голос хозяина. – Я сейчас принесу бокалы.

Стас закрыл глаза, вслушиваясь в каждый вздох напарника. Все шло по плану. Четко, гладко, секунда в секунду. Максим должен был осмотреться, зафиксировать наличие оружия или психотропных веществ, дать сигнал — и закончить этот кошмар.

А в следующую секунду мир внутри наушника взорвался.

Раздался короткий, глухой, чудовищный по силе звук — словно тяжелым деревянным бруском с размаху ударили по мешку с сырым мясом.

Сдавленный, захлебнувшийся хрип Максима. Звук падающего на дощатый пол тяжелого тела.

– Макс?! – заорал Стас в микрофон, позабыв обо всей конспирации мира. – Макс, ответь!

В динамике раздался резкий, удушливый свист. Высокочастотный вой разрезал барабанные перепонки майора, заставив его сорвать гарнитуру с головы. На мониторе оператора зеленая синусоида аудиосигнала мгновенно вытянулась в прямую мертвую линию.

Одновременно с этим красная точка маячка на карте Комарово мигнула… и погасла.

– Пропадание сигнала! – в панике крикнул связист, лихорадочно колотя по клавишам. – Сэр, заглушка! Военная широкополосная глушилка по всему периметру строения! И маяк сдох, частота отрезана!

В фургоне повисла ледяная, страшная пустота.

Стас Богданов не думал ни доли секунды. Внутри майора лопнула плотина, и первобытный ужас за жизнь напарника мгновенно выжег все служебные инструкции, уставы и приказы отца.

– ШТУРМ! – взревел Стас так, что задрожали бронированные стенки фургона. – Вперед, суки, вперед! Он взял его!

Майор пинком распахнул задние двери микроавтобуса и первым вылетел в темноту метели, выхватывая на бегу табельный пистолет.

***

Сознание возвращалось медленно, сквозь густую, тошнотворную черную жижу.

Сначала пришла боль. Она была ослепляющей, пульсирующей в унисон с бешеными ударами пульса где-то в затылочной части черепа. Казалось, за ухом взорвалась граната: в висках звенело, к горлу подкатывала вязкая горечь желчи, а перед глазами плавали багровые круги.

Максим попытался пошевелить рукой, чтобы дотронуться до разбитого затылка, но не смог.

Руки не слушались. Точнее — они были вытянуты вертикально вверх, до предела натягивая плечевые суставы. Запястья жгло каленым железом. Максим дернулся, и под потолком с глухим, издевательским звоном отозвалась тяжелая металлическая цепь.

Алёнушкин с трудом разлепил тяжелые, слипшиеся веки.

Он висел в полуметре над холодным, бугристым бетонным полом. Ноги едва касались пальцами замерзшей крошки. Запястья были намертво стянуты широкими кожаными наручами с толстыми стальными кольцами, через которые был пропущен альпинистский карабин, подвешенный к мощной чугунной балке перекрытия.

Холод был собачьим. Сырым, пробирающим до костей, пахнущим плесенью, ржавчиной и застарелой кровью.

Максим опустил мутный взгляд вниз.

Его теплой куртки не было. Свитера крупной вязки, подаренного соседкой, не было. Джинсов и тяжелых ботинок — тоже. С него содрали абсолютно всё, оставив в одних тонких черных боксерах. Гусиная кожа на широкой груди, бедрах и животе мгновенно покрылась ледяной коркой, мышцы сотрясала мелкая, непрерывная дрожь.

– Очнулись? Как это прекрасно. У вас изумительно крепкий череп, мой гладиатор. Обычный человек после такого удара бейсбольной битой провалялся бы в коме до утра.

Голос донесся из темноты.

В углу подвала вспыхнул тусклый, желтый свет единственной лампы Эдисона, висевшей на витом шнуре.

Из тени медленно, бесшумно шагнул Виктор.

В нем не осталось ничего от того утонченного интеллигента в кашемировом пальто, который заказывал кенийский кофе и рассуждал о Дебюсси. На маньяке были надеты грубые армейские галифе, заправленные в начищенные хромовые сапоги, и плотный фартук из толстой коричневой кожи — такой обычно носят мясники на бойнях или прозекторы в моргах. Рукава его серой рубахи были закатаны до локтей, обнажая жилистые, заросшие темным волосом руки.

В правой руке Виктор держал короткую, туго сплетенную плетку из сыромятной кожи — казачью нагайку с тяжелым свинцовым грузиком на конце. В левой лежал широкий офицерский ремень с массивной бляхой.

Максим сплюнул на бетон темный сгусток крови, натекший из разбитой губы. Мутный взгляд синих глаз сфокусировался на лице палача.

Ни страха. Ни мольбы. В глазах купчинского опера горела глухая, звериная, смертоносная ненависть.

– Бита… со спины… в темноте… – хрипло, через силу вытолкнул из разбитого горла Максим. – Какая… дешевка. А стихи… так красиво читал…

Виктор подошел ближе. На его холеном, правильном лице с аккуратной бородкой не было гнева. Лишь холодный, исследовательский интерес сумасшедшего ученого, препарирующего редкое насекомое.

– Вы разочарованы, Макс? – мягко спросил маньяк, покачивая нагайкой. – Простите за прозаичность приема. Но вы слишком сильны. Ваши плечи, реакция борца… Я не мог рисковать. Препарат мог подействовать слишком медленно, а грубая сила могла повредить целостность вашего тела раньше времени.

Виктор обошел вокруг висящего Максима, проведя кончиком плетки по напряженным мышцам его спины. Максим вздрогнул от ледяного прикосновения кожи, но зубы стиснул намертво.

– Зачем?.. – глухо спросил Максим, выигрывая время. Он изо всех сил вслушивался в тишину, надеясь различить снаружи хоть какой-то звук: треск выбиваемых дверей, рев моторов, шаги Стаса. Но толстые метровые стены фундамента старой дачи глушили всё. – Зачем ты убил тех пацанов?.. Они тебе… ничего не сделали.

Виктор остановился прямо перед ним. Его зрачки, расширенные во всю радужку, лихорадочно блестели в желтом свете лампы.

– Они осквернили идеал, – шепотом, с религиозным благоговением заговорил маньяк. – Вы понимаете, о чем я, Макс? Вы ведь тоже несете в себе эту природу. Бог создал мужское тело как вершину архитектуры. Сила, гармония, пропорции античных богов. Греки молились на этот образ. Но эти… эти ничтожества…

Лицо Виктора исказилось гримасой бешеного, брезгливого отвращения:

– Они превратили божественный дар в похоть. В грязную, суетливую мышиную возню по углам, в дешевые переписки, в постыдный разврат! Они разменивали чистоту формы на

мелкие убогие удовольствия! Ильин… Чижов… Морозов… Они смотрели на меня и видели лишь тело, которое можно потребить! Они были слепы к вечности!

– И ты… решил их «очистить»? – процедил Максим, кривя окровавленный рот в презрительной усмешке. – Задушить шнуром в подворотне, как крыс? Ты обычный… закомплексованный маньяк-импотент. Тебе просто… не давали.

Удар нагайки был молниеносным.

Свист рассек сырой воздух подвала. Свинцовый наконечник хлестнул Максима наискось по груди — от правого плеча к левому бедру.

Кожа лопнула с сухим треском. Острая, раскаленная боль полоснула по нервам, выбив из легких Алёнушкина весь воздух. Максим дернулся на цепи, запрокинув голову назад, но крик застрял в горле — он выдавил лишь глухой, хриплый стон, стискивая челюсти так, что едва не раскрошил коренные зубы.

По белой, покрытой мурашками коже брызнула темная горячая кровь, тонкими ручейками стекая по кубикам пресса к резинке боксеров.

– Не смей опошлять мою миссию своими примитивными купчинскими штампами! – рявкнул Виктор, теряя интеллигентный лоск. Глаза его налились кровью. – Я не убивал их! Я сохранял их совершенство в точке наивысшего расцвета! Пока они не состарились, не заплыли жиром, не предали свою природу! Я останавливал время!

Он взмахнул рукой снова.

На этот раз в ход пошел армейский ремень. Массивная стальная бляха с размаху врезалась Максиму под ребра.

Глухой удар отозвался треском ушибленной надкостницы. Максим закашлялся, выплевывая кровь на кожаный фартук палача. Боль накрывала волнами, накатывала темным прибоем, но купчинская порода — упрямая, злая, не ломающаяся под чужой волей — держала его сознание на плаву.

– Мало… каши ел… профессор, – прохрипел Максим, поднимая тяжелый взгляд на взбесившегося психопата. – Мой батя… ремнем лучше бил…

– Ах, ты еще зубы скалишь?! – взвизгнул Виктор.

Маньяк сорвался. Интеллектуальная маска окончательно осыпалась пеплом. Он принялся методично, яростно охаживать висящего парня ремнем и нагайкой, вкладывая в каждый удар всю свою больную, извращенную ненависть.

Удары сыпались градом: по плечам, по ребрам, по бедрам, оставляя багрово-черные вспухшие рубцы. Максим висел на вывернутых руках, сотрясаясь от каждого удара, захлебываясь собственным хрипом, но не издал больше ни единого крика. Он лишь сжимал кулаки до побелевших костяшек и считал про себя секунды, глядя в серый каменный пол:

«Раз… два… три… Держись, Алёнушкин… Держись, волчонок… Сэм придет… Он выбьет эту чертову дверь… Он обещал…»

Виктор тяжело дышал. По его лицу градом катился пот, рука с ремнем опустилась. Он наклонился к самому уху Максима, обдавая его зловонным, горячим дыханием:

– Но ты… ты другой, Макс. Ты идеален. Твоя стойкость… она прекрасна. Я не стану бросать тебя в снег, как тех троих. Я оставлю тебя здесь. Ты уснешь в моих объятиях, когда я затяну шелковую петлю на твоей шее. И ты останешься со мной навсегда…

Виктор отбросил ремень в сторону, подошел к деревянному верстаку у стены и взял тонкий, блестящий витой шнур из паракорда.

Максим повис на цепи, едва держась в сознании. В глазах темнело. Силы стремительно покидали избитое, кровоточащее тело.

И в этот момент под потолком, в углу за запыленной вентиляционной трубой, крошечный прибор — подавитель частот, перегревшись от непрерывной работы на максимальной мощности, вдруг издал короткий щелчок. Красный индикатор на корпусе глушилки мигнул и погас.

Радиоэфир прорвало.

***

Наверху, в двух шагах от запертых бронированных дверей парадного входа, Стас Богданов сходил с ума.

СОБРовцы уже завели бензорез, высекая снопы искр из стальных петель входной двери, когда в наушнике майора, всё еще висевшем у него на шее, вдруг раздалось тихое, прерывистое шипение.

Стас замер, вцепившись в рацию.

Сквозь треск помех в уши ворвался звук.

Тяжелое. Булькающее. Мучительное дыхание человека, у которого перебиты ребра и залиты кровью легкие. Слабый, глухой стон, вырвавшийся сквозь сжатые зубы.

– …Сэм… – едва различимый, угасающий шепот Максима.

– ОН ЖИВ! – взревел Стас нечеловеческим голосом, и в этом крике смешались смертный ужас и сокрушительная, звериная ярость. – КУВАЛДУ СЮДА! ВЗРЫВАЙТЕ ПЕТЛИ, МАТЬ ВАШУ! ВЗРЫВАЙТЕ!

Боец спецназа с накладным кумулятивным зарядом среагировал мгновенно. Пластид лег на петли, короткий отсчет:

– Отход!

Глухой, мощный хлопок вынес массивную дубовую дверь внутрь дома вместе с кусками косяка. В проем ударила едкая серая гарь.

Стас ворвался внутрь первым, обогнав щитовиков СОБРа. Майор летел вперед, держа пистолет двумя руками, сканируя перевернутую мебель гостиной, разбитые чашки на полу и пятна крови в прихожей.

– Где он?! Где люк?! – орал Богданов, сшибая ногой тяжелый журнальный столик.

– Командир, здесь! Под лестницей! – крикнул опер группы захвата, указывая на тяжелую дубовую крышку в полу, запертую на массивный навесной замок.

Стас подлетел к люку, не тратя времени на поиск ключей, в упор всадил три пули из табельного ПМ прямо в дужку замка. Металл брызнул осколками. Майор рванул крышку на себя и кубарем, срывая кожу на ладонях о деревянные перила, скатился по крутой лестнице в темный сырой подвал.

***

Виктор как раз набрасывал петлю из паракорда на шею висящего без чувств Максима, когда дверь наверху разлетелась в щепки.

Маньяк ошарашенно обернулся, выхватывая из кармана длинный охотничий нож.

Но сделать шаг он не успел.

С лестницы, взметнув клубы пыли, на него обрушилась лавина.

Стас Богданов влетел в подвал как разъяренный медведь-шатун. Майор даже не стал стрелять — оружие показалось ему слишком легкой смертью для этой твари. Стас всем своим весом, на полной скорости впечатал левое плечо прямо в грудь маньяка, сбивая его с ног.

Они рухнули на бетон. Нож со звоном отлетел в угол.

Виктор попытался вцепиться пальцами в лицо майора, зашипел, оскалив зубы:

– Ты… ты всё испортил, щенок!..

Стас не ответил. Лицо Богданова было абсолютно белым, страшным, лишенным каких-либо человеческих эмоций.

Майор перехватил запястье убийцы, вывернул его до сухого, страшного хруста ломающихся костей, а затем здоровым кулаком правой руки нанес короткий, чудовищный по силе удар прямо в переносицу Виктора.

Хрящ лопнул. Голова маньяка с глухим стуком откинулась на бетон.

Стас занес кулак для второго удара — удара, который должен был проломить череп психопата и вышибить его мозги наружу, — но сзади уже налетели бойцы СОБРа. Тяжелые бронированные руки перехватили майора за плечи, силой оттаскивая от обмякшего тела:

– Стас, стой! Стой, Богданов! Он нужен живым! Зафиксирован, он готов!

– Пошел вон! – прорычал Стас, срывая с себя руки спецназовцев с такой яростью, что двое здоровых бойцов едва удержали равновесие.

Майор резко развернулся.

Тяжело дыша, он поднял взгляд к центру подвала — туда, где горела одинокая тусклая лампа.

И весь мир вокруг Стаса Богданова рухнул в бездну.

***

Под потолком, вытянувшись в струну на тяжелых цепях, висел Максим.

Его голова бессильно упала на грудь, мокрый темный ежик волос был перепачкан в побелке и запекшейся крови, струившейся из рассеченного затылка. Широкие плечи, грудь, ребра и живот покрывала сплошная, багровая сетка страшных рубцов от плетки и бляхи. Кожа была содрана до мяса, по белым бедрам стекали засохшие темные ручьи, а запястья в кожаных наручах опухли и посинели от передавленных вен.

Он был почти нагим. Беззащитным. Истерзанным.

– Макс… – сорвался на сиплый, ломкий шепот голос Стаса.

Богданов рванул вперед. На ходу выхватил из ножен на поясе тактический нож, взлетел на стоявший рядом деревянный ящик и одним яростным, режущим движением перехватил толстую альпинистскую веревку, удерживавшую цепь.

Трос лопнул.

Тяжелое, горячее, безвольное тело Максима рухнуло вниз.

Стас поймал его на лету, подставив свое тело, не удержался на ящике и вместе с напарником осел на ледяной бетонный пол.

Майор опустился на колени, намертво прижимая Максима к своей груди. Здоровая рука Стаса бережно поддерживала разбитую голову лейтенанта, пальцы лихорадочно перерезали кожу на опухших запястьях, освобождая руки от оков. Максим слабо, прерывисто застонал сквозь стиснутые зубы, уткнувшись окровавленным лицом в шею Богданова.

– Живой… Господи, живой… – лихорадочно шептал Стас, покрывая поцелуями холодный лоб, висок, мокрые кудри Максима. Руки майора дрожали мелкой, неуправляемой дрожью. Он сорвал с себя тяжелую форменную куртку, укутывая дрожащее тело напарника, прижимая его к себе так тесно, словно пытался перелить собственное тепло, собственную кровь в его растерзанные вены. – Я здесь, Макс… Слышишь меня? Дин, я с тобой. Всё закончилось…

Максим приоткрыл один глаз — мутный, залитый кровью из рассеченной брови. На его разбитых, опухших губах дрогнула слабая, едва уловимая тень усмешки:

– Долго… ехал, Лось… Замёрз… как собака…

– Молчи, дурак, молчи… – всхлипнул Стас, и по щеке тридцатилетнего майора убойного отдела скатилась тяжелая, горячая слеза, упав прямо на окровавленную щеку Максима. – Сейчас скорая приедет… Сейчас согреем…

И в этот момент, когда взгляд Стаса снова скользнул по багровым полосам на спине и боках Максима, в его сознании что-то щелкнуло.

Словно треснуло толстое стекло, за которым долгие годы спали чудовища.

Запах подвала — сырой бетон, ржавое железо, холодная известь и металлический, сладковатый дух свежей крови — вдруг наложился на другой запах.

Запах казенной квартиры на проспекте Ветеранов. Двадцать лет назад.

***

…Стасу десять лет.

На улице такая же сырая, темная ленинградская зима. На кухне горит тусклая сорокаваттная лампочка, отбрасывая длинные тени на вытертый линолеум.

Отец — тогда еще подполковник Богданов, огромный, широкоплечий, пахнущий дешевым табаком «Прима» и казенным сукном шинели — стоит посреди комнаты. Лицо отца серое от ярости, налитые кровью глаза смотрят на сына, как на пойманного вражеского шпиона.

– Ты почему не доложил, что в секции драку устроил?! – гремит голос отца, отражаясь от кафельных стен. – Почему тренер мне звонит?! Ты офицерский сын или подзаборная шпана?!

– Он первый… он щенка ногой ударил… – лепечет маленький Стас, вжимаясь спиной в холодную батарею. Мальчик дрожит всем худеньким телом, на нем только школьные хлопковые трусы и майка — отец заставил раздеться сразу у порога.

– Молчать! – ревет подполковник.

Широкая, тяжелая рука отца срывает с пояса форменный офицерский ремень. Толстая коричневая кожа со скрипом выходит из шлевок. На конце ремня зловеще поблескивает массивная литая бляха с серпом и молотом.

– Офицер не имеет права на эмоции! – чеканит отец, наматывая свободный конец ремня на кулак. – Мужчину из тебя буду выбивать! Пока дурь из башки не вылетит! Руки на подоконник. Живо.

Стас плачет, задыхается от унижения и страха, но перечить отцу не смеет. Он кладет маленькие, дрожащие ладони на ледяной подоконник.

Первый удар рассекает воздух с сухим, оглушительным свистом.

Кожа ремня врезается в худую мальчишескую спину. Боль ослепляет. Стас кричит, срывая связки, пытается упасть на колени, но тяжелая, как чугунный пресс, ладонь отца впечатывает его лопатки обратно в подоконник.

– Терпи, щенок! – рычит отец над самым ухом. Свист. Удар. Еще один. Бляха рассекает кожу на пояснице, теплая кровь течет по детским ногам, пачкая линолеум. – Терпи, говорю! Слезы бабские вытирай! В милиции слезливых не держат! Сломаю, но человеком сделаю!..

Удары сыплются бесконечно. Пять, десять, двадцать. Мир тонет в красном тумане, колени подкашиваются, мальчик висит на руках, упираясь лбом в морозное стекло, на котором тает иней от его прерывистого, хриплого дыхания…

***

– Стас…

Слабый, теплый толчок в грудь вырвал Богданова из пучины кошмара.

Майор судорожно, с хрипом вдохнул ледяной воздух подвала, широко распахнув глаза.

Прошлое отступило, оставив во рту горький привкус пепла. Он был не на проспекте Ветеранов. Ему было не десять лет.

Он сидел на бетонном полу академической дачи в Комарово, а в его руках лежал не призрачный избитый мальчик из детства, а Максим. Его взрослый, сильный, несокрушимый купчинский волчонок, переживший сегодня свой собственный ад.

Алёнушкин с трудом поднял здоровую руку и положил разбитую, перепачканную в побелке ладонь на шею Стаса. Пальцы Максима слабо сжали кудри майора, возвращая его в реальность:

– Стас… Ты чего застыл?.. Глаза… стеклянные…

Стас судорожно сглотнул ком в горле, крепче прижимая Максима к своей груди, кутая его в меховую подкладку куртки:

– Ничего, Макс. Ничего. Призраки… старые призраки. Всё прошло.

По лестнице загрохотали тяжелые шаги. В подвал влетели врачи спецназовской реанимации с носилками, термоодеялами и капельницами:

– Майор, отойдите! Дайте дорогу медикам!

Стас нехотя, преодолевая дикое внутреннее сопротивление, позволил фельдшерам переложить Максима на мягкие носилки. Он шел рядом, держа напарника за пальцы, пока носилки поднимали по крутым ступеням наверх, на свежий морозный воздух.

***

На улице метель понемногу стихала.

Двор дачи был залит синим и красным светом проблесковых маячков десятка оперативных машин. СОБРовцы выводили под руки закованного в наручники Виктора — с разбитым в кашу лицом, в разорванной рубахе, с перекошенной от страха и боли физиономией.

Максима быстро погрузили в теплый реанимобиль. Врач сразу поставил капельницу с обезболивающим и физраствором, принявшись осторожно обрабатывать рассеченный затылок и рваные раны на груди.

Стас стоял у распахнутых дверей скорой помощи, накинув на плечи чужую армейскую куртку, которую ему сунул кто-то из оперов. Майор не отходил ни на шаг, пока Максим, наконец согревшись под термоодеялом и под действием сильного анальгетика, не провалился в глубокий, спасительный сон.

Только тогда Стас медленно повернулся спиной к машине.

У ворот дачи, тяжело опираясь на трость, стоял полковник Богданов.

Владимир Александрович приехал на место штурма на своей служебной «Волге». Старый полковник был в расстегнутом зимнем пальто с каракулевым воротником. Его массивное, обветренное лицо казалось серым в свете мигалок. Он молча смотрел на то, как увозят маньяка, как следователи СК опечатывают вход в дом.

А затем его тяжелый взгляд остановился на сыне.

Полковник медленно пошел навстречу Стасу. Снег скрипел под его начищенными зимними ботинками.

Эхо чужих ударов

Снег под начищенными зимними ботинками полковника Богданова скрипел сухо, с мерным, давящим ритмом метронома.

Сине-красные всполохи проблесковых маячков десятка служебных машин превращали заснеженный двор дачи в сюрреалистическую сцену: белые сугробы казались то кроваво-алыми, то мертвенно-синими, черные стволы сосен дергались в такт вспышкам, а едкий дым от выбитых петель и сгоревшего пластида тонкой струйкой поднимался к черному приморскому небу.

Стас не шелохнулся.

Он стоял у приоткрытых дверей реанимобиля, широко расставив ноги, расправив плечи так, чтобы его крупная, жилистая фигура полностью перекрывала обзор внутрь салона, где под капельницей и термоодеялом спал избитый Максим. На майоре была накинута чужая камуфлированная куртка без знаков различия, костяшки его правой руки были сбиты в кровь и уже начинали синеть, а на воротнике форменной рубашки запеклись темные брызги — смесь его собственной и чужой, маньячьей крови.

Владимир Александрович остановился в трех шагах.

Опираясь тяжелой рукой в перчатке на трость с латунным набалдашником, старый полковник молча скользнул взглядом по сыну. Его тяжелые, нависшие веки были прищурены, лицо казалось вырубленным из серого гранита. В этом взгляде не было отцовской паники, не было облегчения. Был лишь холодный, сканирующий рентген кадрового офицера госбезопасности и милиции, повидавшего за сорок лет службы сотни смертей, предательств и катастроф.

– Подозреваемый? – глухо, низким басом спросил полковник.

– Зафиксирован, – отчеканил Стас. Голос майора был похож на скрежет ржавого железа. Он не вытянулся по стойке смирно, не отдал честь — просто смотрел отцу прямо в переносицу, не мигая. – Множественные переломы костей носа, закрытая черепно-мозговая, перелом правого лучезапястного сустава. Жить будет. Следователи СК уже изымают орудия преступления в подвале. Плетка, армейский ремень, паракордовые удавки, фотоархив. В сейфе на втором этаже обнаружены личные вещи и смартфоны Ильина, Чижова и Морозова. Доказательная база железная. Чистая сто пятая, часть вторая, пункты «а», «д». Пожизненное.

Полковник медленно кивнул. Его взгляд на секунду сместился за правое плечо сына — туда, где сквозь запотевшее стекло кареты скорой помощи мерцал зеленый огонек кардиомонитора.

– Алёнушкин?

Внутри у Стаса всё сжалось в тугой, раскаленный ком. Пальцы майора инстинктивно дернулись к бедру, словно там всё еще висела кобура.

– Жить будет, – повторил Стас ту же фразу, но в его интонации прорезалась опасная, глухая хрипота. – Множественные ушибы, рваные раны груди и спины от свинцового наконечника нагайки, сотрясение мозга средней тяжести. Шов на простреленном плече выдержал. Врачи говорят — крепкая порода. Не сломал.

Владимир Александрович ничего не ответил сразу. Он переложил трость в другую руку, сделал шаг вперед. Стас непроизвольно напряг мышцы, его подбородок дернулся вверх, перекрывая проем еще надежнее.

Полковник заметил это движение. В уголках его суровых глаз залегли глубокие, горькие морщины.

– Отойди, майор, – негромко, но с той абсолютной, сокрушительной властью, которая заставляла генералов на коллегиях замолкать на полуслове, произнес отец.

– Владимир Александрович…

– Я сказал — отойди от машины, Станислав.

Стас стиснул челюсти до белизны в скулах, но подчинился: сделал один шаг в сторону, не спуская глаз с отца.

Полковник подошел к подножке реанимобиля. Поднялся на одну ступеньку, опираясь на поручень, и заглянул внутрь.

Максим лежал на узких носилках на боку. Лицо лейтенанта было бледным, как марля, разбитая губа запеклась черной коркой, на затылке белела свежая повязка с пятном сукровицы. Его широкая спина, укрытая термофольгой лишь до поясницы, была покрыта фиолетово-багровыми рубцами, перемешанными с желтоватой мазью антисептика. Алёнушкин спал тяжело, шумно втягивая воздух сквозь приоткрытый рот, его брови даже во сне были сурово сдвинуты к переносице.

Владимир Александрович смотрел на избитого парня долго. Почти минуту.

В свете операционных ламп лицо старого полковника дрогнуло. Что-то неуловимо древнее, спрятанное за тридцатью слоями уставов, регламентов и аппаратной брони, промелькнуло в его взгляде. Он узнал этот рисунок. Он видел такие рубцы тридцать лет назад — в казармах, на пересылках, в штрафбатах и на телах тех, кого ломали люди с армейскими ремнями в руках.

Полковник медленно опустился обратно на снег. Повернулся к сыну.

– В городскую больницу номер двадцать шесть, на Костюшко, – распорядился Владимир Александрович, глядя поверх плеча Стаса на водителя скорой. – Отдельная палата в хирургическом отделении. Охрану выставят оперативники Московского отдела — лично прослежу, чтобы ни одна крыса из прессы или зевак туда не сунулась. Историю болезни засекретить до суда.

Затем он снова посмотрел на сына. В упор.

– А тебе, майор Богданов, я даю трое суток на оформление процессуальных документов. С сегодняшней ночи ты в отпуске за счет ранее неиспользованных дней.

– Я не пойду в отпуск, – глухо, со скрытым вызовом отрезал Стас. – Я веду это дело. Я доведу его до обвинительного заключения.

– Ты пойдешь в отпуск, потому что на тебе лица нет, – тихим, леденящим тоном произнес полковник. Он подошел вплотную к сыну, и Стас почувствовал знакомый с детства запах: крепкий табак, сукно шинели и одеколон «Красная Москва», которому отец не изменял со времен службы в Афганистане. – Ты пойдешь в отпуск, потому что ты стоишь посреди чужого двора с выбитыми кулаками, и если начальник главка увидит твои бешеные глаза на утреннем докладе, он отстранит тебя от службы по статье за превышение полномочий. Ты понимаешь, сколько раз ты сегодня нарушил устав, Станислав?

– Мне плевать на устав, – прошептал Стас, и его васильковые глаза полыхнули тем самым огнем, которого боялись все задержанные в Московском районе. – Ты видел, что эта падаль с ним сделала?! Если бы мы опоздали на пять минут…

– Но вы не опоздали, – жестко перебил отец. – Ты выбил дверь. Ты взял маньяка. Ты спас сотрудника. На этом твоя оперативная задача выполнена. Дальше работают следователи Следственного комитета и эксперты.

Владимир Александрович замолчал. В тишине двора шумно взревел мотор реанимобиля — водитель включил передачу, готовясь к выезду со двора.

Старый полковник вдруг поднял тяжелую руку в кожаной перчатке и коротко, резко сжал плечо сына. Хватка была железной, но в ней не было злости. В ней было странное, тяжелое признание, которого Стас не слышал от него, кажется, с самого дня окончания академии:

– Ты хорошо сработал, Стас. Грамотно. Дерзко. Как зверь.

Отец отпустил его плечо, отступив на шаг:

– Садись в машину. Поезжай с ним. И… проследи, чтобы парня зашили как следует. У Сергея Николаевича… тяжелая рука. Но пацан у него вырос правильный. Настоящий.

Стас вздрогнул. Упоминание приемного отца Максима прозвучало как выстрел в упор. Значит, полковник всё знал. Знал про методы Антонова, знал про то, через что прошел Максим в своем купчинском детстве. И, возможно, видел то, что только что разрывало душу самого Стаса в подвале.

Майор не успел ничего сказать. Полковник развернулся и, тяжело опираясь на трость, зашагал к своей черной служебной «Волге».

Стас выдохнул, запрыгнул на подножку реанимобиля и с глухим стуком захлопнул за собой створки дверей, отрезая ледяной мир Комарово.

***

Дорога до больницы на улице Костюшко смазалась в памяти Стаса в бесконечный, давящий вой сирены, тряску подвески на выбоинах КАДа и ритмичный писк медицинских приборов.

Майор сидел на узкой откидной лавке, согнувшись пополам, не выпуская ледяных пальцев Максима из своих рук. Он согревал их дыханием, гладил костяшки, стирал пыль с запястий, покрытых синяками от цепей. Фельдшер — молодая, уставшая женщина в синем халате — пару раз пыталась предложить майору обработать его собственные разбитые кулаки, но Стас лишь молча, страшно мотал головой, не отрывая глаз от бледного лица напарника.

Больница встретила их запахом хлорки, горячего физраствора и полутемными, гулкими коридорами ночной хирургии.

Благодаря звонку полковника Богданова всё завертелось с армейской четкостью: каталку окружили дежурные хирурги, Максима стремительно укатили в малую операционную для первичной хирургической обработки ран и ушивания рассечений, а Стаса грубо, но настойчиво выставили в коридор.

Майор остался один.

Он сидел на жестком пластиковом стуле под тусклой лампой дневного света, уперев локти в колени и спрятав лицо в ладонях. С чужой куртки на линолеум капал растаявший снег. Тишина больничного коридора звенела в ушах, заполняя пустоту тяжелыми, липкими обрывками воспоминаний.

«Руки на подоконник. Живо»…

Стас сжал зубы так, что заболели виски. Прошло двадцать лет. Двадцать долгих, кровавых, сумасшедших лет службы, в течение которых он доказывал отцу, системе, городу и самому себе, что он не сломался. Что он стал сильнее, быстрее, беспощаднее любого врага. Он научился стрелять навскидку, научился ломать суставы вооруженным грабителям, научился спать по три часа в сутки на жестком диване в кабинете.

Но стоило ему увидеть спину Максима, иссеченную армейским ремнем и нагайкой на сыром бетоне, как вся эта майорская броня осыпалась пеплом.

В том подвале он на долю секунды снова стал тем маленьким, перепуганным мальчиком в хлопковых трусах, задыхающимся от собственной беспомощности перед чужой глухой, неоспоримой силой. И самым страшным было то, что бил не маньяк. Бил образ. Тот самый образ мужчины с погонами, ремнем и правом решать, кому жить, а кого ломать ради высшей цели.

– Майор?

Стас резко вскинул голову.

Перед ним стоял хирург — пожилой, грузный мужчина с седой щетиной, стягивающий с мокрых пальцев тонкие резиновые перчатки. Зеленая медицинская шапочка сдвинута на затылок, уставшие глаза за стеклами очков смотрели с профессиональным сочувствием.

– Как он? – хрипло спросил Стас, мгновенно поднимаясь на ноги.

– Жить будет ваш боец, – вздохнул врач, устало потирая переносицу. – Голова крепкая, свод черепа цел. Рассечение на затылке ушили, наложили шесть скоб. Сотрясение есть, но

без гематом, динамика стабильная. С ребрами хуже — две трещины слева, сильнейший ушиб надкостницы. Кожа на спине и груди… Ну, тут слов нет. Какой-то средневековый садизм. Раны рваные, края размозжены, пришлось чистить под местной анестезией. Наложили повязки с антибиотиком, ввели противостолбнячную сыворотку и обезболивающее. Парня перевели в отдельную палату на четвертом этаже, как распорядилось руководство.

– Я могу к нему?

Хирург внимательно посмотрел на бледное, измученное лицо Стаса, на его кулаки, покрытые запекшейся коркой:

– Вообще-то не положено, ночь на дворе. Но зная вашего начальника управления… Идите. Четвертый этаж, палата сорок два. Только руки дайте сестре перевязать, майор. Вы на человека сейчас слабо похожи.

Стас не стал спорить. Он позволил молчаливой медсестре быстро обработать перекисью сбитые костяшки, заклеить их пластырем, после чего рванул по лестнице наверх, перескакивая через две ступени.

***

В палате 42 было темно и тихо.

Единственным источником света был уличный фонарь за окном, бросавший через жалюзи полосатые, холодные тени на белые стены. В углу мерно, почти неслышно гудел штатив с капельницей, прозрачный пластиковый катетер уходил под пластырь на тыльной стороне ладони Максима.

Алёнушкин лежал на животе, повернув голову набок, на плоскую больничную подушку. Сверху его до пояса укрывала легкая простыня. На шее белела свежая повязка, плечи и спина были скрыты под широкими стерильными бинтами, пахнущими стрептоцидом и камфорой.

Стас подошел бесшумно. Осторожно, стараясь не скрипеть половицами, придвинул к кровати тяжелый деревянный стул и опустился на него.

Майор долго сидел неподвижно, вглядываясь в черты лица напарника. Под правым глазом Максима расплывался темно-фиолетовый синяк, разбитая губа припухла, но дыхание было ровным, глубоким, без хрипов. В полумраке его лицо казалось моложе, мягче, словно сошедшая с него ментовская настороженность обнажила того самого паренька, который когда-то стоял на сцене полуподвального клуба и пел про свободу в прокуренный зал.

Стас медленно протянул руку. Его забинтованные пальцы едва слышно коснулись жесткого темного ежика волос на затылке Максима, осторожно обходя медицинские скобы. Прикосновение было невесомым, благоговейным.

Ресницы Максима дрогнули.

Он шевельнулся, тихо, сдавленно зашипел от резкой боли в ребрах и медленно открыл глаза. Синева его взгляда была мутной от наркоза, но сознание вернулось почти мгновенно.

– Богданов… – сиплым, пересохшим шепотом выдохнул Максим. – Ты… опять сидишь как сыч…

Стас сглотнул вставший в горле ком, на его губах появилась слабая, дрожащая улыбка:

– Лежи, купчинский герой. Не дергайся. Воды хочешь?

Максим едва заметно мотнул подбородком. Стас аккуратно взял со столика стакан с пластиковой трубочкой, придержал голову Максима своей широкой ладонью, помогая сделать несколько жадных глотков.

Алёнушкин с облегчением откинулся обратно на подушку, глубоко вдохнул и в упор посмотрел на Стаса:

– Взяли?

– Взяли, – тихо ответил майор, возвращая стакан на место. – Живьем. Всё нашли. Телефоны пацанов, архив, орудия. У СК дело закрыто наглухо, адвокаты даже дергаться не станут.

– Хорошо… – выдохнул Максим, закрывая глаза. – Значит… не зря спину подставил.

– Дурак ты, Алёнушкин, – в голосе Стаса снова прорезались те самые глухие, ломкие нотки, которые он безуспешно пытался скрыть. – Господи, какой же ты дурак. Еще бы пять минут…

– Ты успел, Стас, – перебил его Максим. Он медленно, с усилием вытащил из-под простыни свою правую руку — опухшую, с синими следами от веревок на запястье — и накрыл ею ладонь майора. Кожа Максима была горячей, сухой. – Ты всегда успеваешь. Я знал, что ты придешь. Считал удары и знал.

Стас замер. Пальцы Максима сжали его ладонь, и этот слабый, ободряющий жест вдруг пробил последнюю плотину выдержки майора.

Богданов опустил голову. Уперся лбом в край матраса, прямо возле плеча Максима, судорожно втянув носом запах лекарств и больничной простыни. Его широкие плечи мелко, едва заметно вздрогнули.

– Стас? – голос Максима изменился, став тихим, тревожным и бесконечно внимательным. – Ты чего?.. Ребра болят?

– Нет, – глухо отозвался Богданов, не поднимая головы.

– Тогда что?

Максим осторожно повернул ладонь, его пальцы скользнули вверх по предплечью Стаса, нащупывая напряженные сухожилия:

– Ты там, в подвале… когда цепь перерезал. Ты застыл. Смотрел на меня, а глаза были… стеклянные. Пустые. Будто ты сквозь меня смотрел. Что ты там увидел, Лось?

Стас молчал. В палате было слышно только, как за стеклом шелестит ночной дождь со снегом, смывая декабрьскую грязь с карнизов. Майор медленно поднял голову. В полумраке его голубые глаза казались черными от затаенной, многолетней горечи.

– Ремень, – с трудом, словно выталкивая из горла битое стекло, произнес Стас.

Максим нахмурился, вглядываясь в его лицо:

– Что?

– Офицерский ремень. С литой бляхой, – Стас криво, болезненно усмехнулся одними губами. – Когда этот урод тебя бил… У него на полу валялся армейский ремень. Точно такой же, как у моего отца.

Богданов откинулся на спинку стула, глядя в темный угол потолка:

– Мне десять лет было, Макс. Я в четвертом классе драку устроил в школе. Пацаны щенка дворового к забору привязали и камнями кидали. Я одному нос сломал, второму бровь рассек. Нас в милицию забрали, отца вызвали. Он тогда подполковником был, в убойном замначальника.

Стас судорожно сглотнул, его пальцы непроизвольно впились в ткань собственных форменных брюк:

– Он привел меня домой. Заставил раздеться до трусов. Поставил к подоконнику, руки заставил на стекло положить. И бил. Своим форменным ремнем. Спокойно так, методично. Говорил: «Офицер не имеет права на эмоции. В милиции сопливых не держат. Я из тебя человека сделаю, щенок». Бил, пока я сознание не потерял. Вся спина была в таком же месиве, как у тебя сейчас. Кровь на линолеум капала.

Максим слушал, не перебивая. Его синие глаза стали темными, глубокими, как невские омуты. Рука лейтенанта на ладони Стаса сжалась крепче.

– Я тогда поклялся себе, – продолжал Стас, и его голос сорвался на яростный шепот, – что никогда в жизни больше не буду слабым. Что дорасту до майора, стану лучшим, докажу этому старому волку, что я стою больше, чем его устав. А в том подвале… Я ворвался туда, увидел тебя на цепи, увидел эти полосы на спине… и меня накрыло. Словно это снова я. Словно это меня опять поставили к подоконнику и выбивают из меня душу, а я ничего не могу сделать.

Стас посмотрел на Максима. В его взгляде обнажилась такая первобытная, кровоточащая рана, какой майор убойного отдела не открывал еще ни одной живой душе на свете:

– Я испугался, Макс. Не за себя. За то, что не успел. Что этот мир снова всё сломал.

Тишина в палате стала густой, почти осязаемой.

Максим медленно, преодолевая ноющую боль в ушибленных ребрах, приподнялся на одном локте. Простыня сползла, обнажая забинтованное плечо. Его свободная рука потянулась вперед, пальцы легли на затылок Стаса, зарываясь в светло-русые кудри, и с мягкой, неоспоримой силой потянули майора на себя.

Стас подался вперед, послушно опустив голову на край больничной подушки, прямо рядом с лицом Максима.

– Слушай меня сюда, майор Богданов, – тихо, в самые губы Стаса заговорил Максим. В его голосе не было жалости — в нем была та самая несокрушимая купчинская сталь, которая не гнулась ни под какими ударами судьбы. – Ты — не твой отец. Слышишь меня? Ни на грамм. Ты выбил эту чертову дверь. Ты спас меня. Ты нес меня на руках через этот гребаный снег. Никакие призраки из твоего детства не имеют над тобой власти, пока ты помнишь, кто ты есть.

Максим коснулся своим горячим лбом холодного виска Стаса:

– А насчет ремней… Думаешь, Антонов меня по головке гладил? Сергей Николаевич за двойку по математике заставлял на кулаках по два часа в прихожей стоять на гречке. А за то, что на гитаре в подвале играл вместо подготовки к казарме — сапогами по почкам учил «родину любить». Мы оба с тобой избитые, командир. Оба изломанные этой системой. Но мы живы. И мы вместе. Понял ты меня, Лось?

Стас шумно, прерывисто выдохнул. Раскаленный ком в груди, мучивший его долгие часы, вдруг лопнул, оставив после себя щемящее, чистое облегчение.

Майор поднял руку, бережно обнял Максима за затылок, прижимаясь к его щеке, вдыхая родной запах полыни, морозного ветра и кожи, который не смогли заглушить никакие больничные медикаменты.

– Понял, – прошептал Стас. – Всё понял, Дин.

Они лежали так несколько минут, в темноте сорок второй палаты, слушая дыхание друг друга. Два искалеченных офицера, два упрямых волка, нашедших в этой ледяной петербургской ночи единственный дом, который у них остался.

***

Следующие двое суток прошли в полусне.

Стас категорически отказался уезжать домой. Майор оккупировал вторую свободную койку в палате, наплевав на протесты заведующего отделением. Днем он работал с ноутбуком и кипой протоколов, которые ему привозили опера из отдела, а по ночам чутко просыпался от каждого шороха, помогая Максиму повернуться, подавая воду и меняя компрессы.

На исходе вторых суток, ближе к вечеру вторника, тяжелая дверь палаты скрипнула.

Стас, сидевший у окна в одном темно-синем свитере, мгновенно подобрался, рука привычно скользнула к поясу, но тут же опустилась.

На пороге стоял полковник Богданов.

Владимир Александрович был в гражданском — темное шерстяное пальто поверх серого пиджака, без трости, но с массивным кожаным портфелем в руке.

Стас медленно поднялся со стула:

– Товарищ полковник.

Максим на койке тоже попытался приподняться, опираясь на локоть:

– Здравия желаю, товарищ…

– Лежи, Алёнушкин, – негромко, но властно оборвал его полковник, закрывая за собой дверь. – Не на плацу.

Владимир Александрович подошел к столу, положил портфель. Окинул цепким взглядом сына — чисто выбритого, но с темными кругами под глазами от бессонницы, затем перевел взгляд на Максима.

Снятые доспехи

Полковник Богданов не стал задерживаться.

Его тяжелый, властный визит в сорок вторую палату походил на инспекцию передовой полосы обороны: скупой опрос, жесткий взгляд из-под нависших седых бровей, папка с постановлением о закрытии дела и личной благодарностью от начальника Главка. Никаких лишних слов, никаких сантиментов. Лишь перед самым уходом Владимир Александрович задержался в дверях, бросил на тумбочку тяжелый бумажный пакет с крупными, ярко-оранжевыми абхазскими мандаринами — нелепая, почти детская деталь в руках сурового генеральского фаворита, — и глухо бросил сыну:

– До конца недели чтобы в отделе тебя не видел. Ни тебя, ни его. Документы я подписал.

Дверь за ним захлопнулась с тяжелым, плотным стуком.

В палате повисла тишина. Она больше не была ледяной или тревожной, как в первые сутки после комаровского кошмара, но в ней сгустилась новая, странная плотность. Словно уход старого полковника сорвал невидимый клапан, и воздух между двумя койками наэлектризовался до предела.

Стас стоял посреди комнаты, не шевелясь.

Майор проводил взглядом захлопнувшуюся створку, затем медленно, с легким хрустом в плечах, повернулся к окну. За стеклом синели ранние зимние сумерки. По улице Костюшко ползли редкие машины, оставляя на мокром асфальте желтые размытые полосы фар. Снег больше не падал — с залива натянуло оттепель, и город словно оплывал грязным, серым салом.

Максим наблюдал за ним с койки.

Алёнушкин лежал на боку, подложив здоровую руку под щеку. Бинты на его широких плечах и груди пахли йодоформом и свежей мазью, синяк под глазом из багрового стал грязно-зеленым, но взгляд синих глаз был кристально чистым, живым и цепким. Он молчал, безошибочно считывая каждую заминку в движениях командира.

Стас Богданов, обычно такой собранный, язвительный, пружинистый и насмешливый, сейчас выглядел так, будто нес на своих плечах неподъемную чугунную плиту.

Майор подошел к тумбочке, взял один мандарин. Покрутил его в длинных, забинтованных на костяшках пальцах, словно гранату с выдернутой чекой. Ногти его непроизвольно впились в пористую оранжевую шкурку, брызнув терпким, едким эфирным маслом. Запах Нового года, детства и казенного офицерского праздника мгновенно заполнил стерильное пространство палаты.

– Мандарины… – глухо, с кривой, ломкой усмешкой произнес Стас, глядя на фрукт. – Он всегда их приносил. Когда я в детстве ветрянкой болел. Положит на стол килограмм, постоит молча две минуты, проверит, заправлена ли койка по уставу, и уйдет на сутки в управление. Ни разу за руку не взял. Ни разу не спросил, больно ли мне.

– Он такой, какой есть, Стас, – тихо отозвался Максим. Его голос звучал хрипловато, но мягко. – Старый солдат. Его самого, похоже, никто никогда не гладил.

– Да плевать мне на него, – вдруг резко, с неожиданной для самого себя злостью бросил Богданов.

Он с силой швырнул мандарин обратно на тумбочку. Тот отскочил от деревянной поверхности и с глухим стуком упал на линолеум, откатившись к ножке стула.

Стас замер, уставившись на упавший плод, и тяжело, прерывисто выдохнул. Его широкая грудь под темно-синим свитером ходила ходуном. Светло-русые кудри разметались, на виске забилась синяя жилка. Он снова выглядел как тот зверь, готовый к прыжку, но на этот раз враг был не снаружи. Враг сидел глубоко внутри, под ребрами, и рвал майора на части.

Максим медленно, стараясь не тревожить ушибленную надкостницу, приподнялся на локте:

– Стас. Подойди сюда.

Майор не шелохнулся. Он стоял спиной к напарнику, уперев кулаки в карманы форменных брюк.

– Богданов, – с легким нажимом повторил Алёнушкин. – Ты оглох? Подойди, говорю. Я встать не могу, швы тянет, а докричаться до тебя через твои ментовские загоны — голосовых связок не хватит.

Стас медленно повернул голову. Васильковые глаза майора были темными, почти черными от мучительного напряжения. Несколько секунд он боролся с собой, словно решал, не выбить ли ему дверь плечом и не сбежать ли на морозный воздух проспекта. Но затем плечи его бессильно опустились.

Богданов подошел к кровати. Поднял с пола упавший мандарин, положил его на край простыни и тяжело опустился на скрипнувший стул, придвинувшись вплотную к Максиму.

– Чего тебе, купчинский? – попытался привычно огрызнуться Стас, но голос предательски дрогнул, выдав его с головой.

Максим не ответил на колкость. Он протянул руку — спокойную, широкую, с заживающими следами от веревок на запястье — и накрыл ею ладонь майора, лежавшую на матрасе. Тепло его кожи мгновенно пробило холодную, окаменевшую броню Стаса.

– Что с тобой происходит? – прямо спросил Максим, заглядывая майору в глаза. – С тех пор как батя твой ушел, ты сам не свой. Дело закрыто. Маньяк на спецблоке в «Крестах», ждет суда. Я живой. Сижу перед тобой, даже дышать почти не больно. Чего ты мечешься, как волк в капкане?

Стас молчал. Он смотрел на их соединенные руки — свою, длинную, бледную, с разбитыми о челюсть маньяка суставами, и руку Максима, крепкую, сбитую, с мозолями от гитарных струн и рукопашного захвата.

– Я трус, Макс, – тихо, одними губами произнес Стас.

Максим удивленно приподнял бровь:

– Ты? Трус? Майор, ты три дня назад на ходу вынес бронированную дверь, положил вооруженного психа голыми руками и вытащил меня из петли. Если ты трус, то кто тогда герои в этом городе?

– В бою — нет, – Богданов покачал головой, и в уголках его красивого, породистого рта залегла горькая складка. – В бою всё просто. Там есть мишень, есть устав, есть приказ и есть ты, за которого я готов зубами глотку перервать любому зверю. В бою думать не надо. Там работает рефлекс. А вот здесь…

Стас свободной рукой коснулся своего виска, а затем опустил пальцы на грудь, туда, где гулко и тяжело билось сердце:

– Здесь я трус. Самый настоящий, жалкий, казенный трус. Я тридцать лет бегаю от самого себя, Максим. Тридцать долбаных лет строю из себя идеального офицера, несгибаемого сына своего великого отца, правильного опера, у которого всё по полочкам.

Максим замер. Пальцы лейтенанта на руке Стаса чуть сжались, давая понять: я слушаю. Я рядом.

Стас судорожно втянул воздух сквозь зубы. Казалось, каждое следующее слово давалось ему с физической болью, будто он выдирал из собственной плоти заржавевшие рыболовные крючья.

– Помнишь… на улице Чайковского? – негромко заговорил Богданов, не поднимая глаз. – Когда ты этой журналистке… Кире… сказал в лицо, кто ты есть?

– Помню, – ровно ответил Максим.

– Я тогда стоял у тебя за спиной, – Стас сглотнул вставший в горле ком. – Ты говорил спокойно, без страха, глядя ей прямо в глаза. Про рок-клуб, про отчима, про то, что тебе никогда не нравились женщины. Ты признался в этом вслух. В чужой квартире, при мне, при своем начальнике, рискуя погонами, службой, свободой… всем. А я стоял и чувствовал, как земля уходит из-под ног.

Майор поднял взгляд на Максима. В глубине его васильковых глаз плескалась такая обнаженная, стыдная и острая мука, что у Алёнушкина перехватило дыхание.

– Знаешь, о чем я подумал в ту секунду, Макс? – прошептал Стас. – Я подумал не о том, что ты нарушил устав. Не о том, что тебя могут вышвырнуть из органов. Я стоял и сходил с ума от зависти. Дикой, черной, удушающей зависти к твоему мужеству. Потому что ты смог сказать правду. А я… я всю свою жизнь прятался за юбками.

В палате стало слышно, как за окном шуршит мокрый снег, срывающийся с карниза.

Максим не перебивал. Он лишь внимательно, не отрывая взгляда, впитывал каждое слово, боясь спугнуть ту тонкую, спасительную нить доверия, которая протянулась между ними.

– Я ведь тоже такой, Максим, – выдохнул Стас, и это признание прозвучало в тишине палаты как выстрел в закрытом помещении. – Такой же, как ты. Гомосексуалист. Педик. Неправильный. Бракованный. Называй как хочешь.

Слова повисли в воздухе. Стас вжал голову в плечи, словно ожидая удара офицерским ремнем по спине. Но удара не последовало. Лишь теплая ладонь Максима продолжала крепко, надежно держать его за руку.

– Я понял это очень рано, – продолжал Богданов, и голос его стал глухим, монотонным, каким зачитывают приговоры в зале суда. – Лет в четырнадцать. Когда все пацаны во дворе сходили с ума по девчонкам из параллельного, обменивались кассетами с порнухой, хвастались первыми поцелуями… А я смотрел на парней в спортивной секции. На то, как играют мышцы на тренировках, как блестит пот на шее, как звучат их голоса. И меня накрывал такой леденящий, животный ужас, что я ночами не спал.

Стас судорожно сжал челюсти:

– Ты же понимаешь, в какой семье я рос? Мой отец — полковник милиции старой советской закалки. Для него такие люди были не просто преступниками или извращенцами. Они были грязью. Биологическим мусором, который нужно выжигать каленым железом, чтобы не позорить мундир. Отец за малейшую провинность выбивал из меня душу. Если бы он хоть на секунду заподозрил, что творится в голове его единственного сына… Он бы пристрелил меня прямо на кухне из табельного ПМ и закопал в лесу под Выборгом, чтобы фамилию не позорить.

Максим тихо, тяжело вздохнул, его пальцы ободряюще погладили тыльную сторону ладони майора.

– И я начал ломать себя, – Стас криво усмехнулся в темноту палаты. – Ломал через колено, методично, год за годом. Я заставлял себя быть нормальным. В академии нашел себе девушку — Лену, отличницу с юридического. Красивая, умная, правильная. Отец был счастлив, уже свадьбу планировал. Мы встречались два года.

Богданов покачал кудрявой головой, в его голосе прорезалась давняя, въевшаяся тошнота:

– Господи, Макс, если бы ты знал, какой это был ад. Каждый поцелуй — через силу. Каждое прикосновение — как каторга. Я закрывал глаза, пытался представить себе что угодно, внушал себе, что я просто устал, что у меня перегрузки на службе, что любовь приходит со временем… А внутри была пустота. Холодная, мертвая, серая пустота. Словно я прикасался к кукле из пластика. В постели это превращалось в пытку. Я чувствовал себя последней тварью, ублюдком, который ломает жизнь ни в чем не повинной девчонке, потому что не может дать ей даже тепла.

– И чем закончилось? – негромко спросил Максим.

– Она ушла, – просто ответил Стас. – Слава богу, у нее хватило ума понять, что со мной что-то не так. Сказала: «Стас, ты прекрасный следователь, ты надежный друг, но ты не живой. Рядом с тобой я мерзну». Она плакала, а я… я стоял посреди комнаты и чувствовал такое чудовищное, постыдное облегчение, будто с меня сняли наручники.

Стас поднялся со стула, подошел к подоконнику, уперся в него лбом, глядя в темноту за окном:

– Потом были другие. Марина из следственного отдела. Света, журналистка какая-то… Я пытался снова и снова. Думал: ну вот с этой щелкнет. Ну вот сейчас я стану как все. Заведу семью, построю дачу, рожу отцу внука, повешу погоны на гвоздь по праздникам… Но ничего не срасталось. Ни-че-го. Внутри оставался только выжженный бетон. Я решил, что я просто дефектный. Эмоциональный калека. Психопат без способности любить, которому суждено сдохнуть в одиночестве на каком-нибудь очередном выезде в купчинском подвале.

Стас замолчал. Его дыхание затуманило стекло, скрыв огни Петербурга за белой пеленой.

Максим молча смотрел на его широкую, напряженную спину. Он не перебивал, понимая, что сейчас рушатся последние бастионы тридцатилетней обороны майора Богданова.

Стас медленно повернулся. В полумраке палаты его высокий, атлетичный силуэт казался огромным, но в глазах больше не было спеси. Была лишь чистая, обнаженная правда:

– А потом отец перевел в мой отдел тебя.

Максим слабо вздрогнул.

– Ты вошел в мой кабинет, – продолжал Стас, и голос его стал тихим, проникновенным, почти интимным. – Сбитый, колючий, наглый купчинский волчонок с этим своим дурацким ежиком и взглядом, в котором читалось: «Попробуй только тронь, майор, я тебе зубы пересчитаю». Ты спорил со мной на месте ограбления ювелирного. Ты видел улики лучше меня. Ты закрыл собой Шапочкина, подставив плечо под пулю, чтобы спасти честь управления моего отца…

Стас сделал два шага вперед, снова опускаясь на колени перед койкой Максима, оказываясь лицом к лицу с напарником:

– И в тот момент, когда я сидел рядом с тобой в больнице, когда обрабатывал твои ожоги после кипятка… меня прошибло. Словно молния в грудь ударила. Я смотрел на тебя — на твою сильную шею, на эти упрямые губы, на твои руки — и впервые в жизни, Максим… Впервые за тридцать лет я понял, в чем моя проблема.

Стас поднял свою руку, и кончики его пальцев, дрожа, коснулись скулы Максима, очертили линию подбородка, скользнули к виску:

– Я не был сломанным, Макс. Я не был дефектным механизмом. Я просто… искал не там. Всё это время я врал самому себе, пытаясь заслужить одобрение отца, пытаясь втиснуться в рамки его проклятого устава. И только рядом с тобой я впервые почувствовал себя живым. Настоящим. Мужчиной, который может любить до разрыва аорты.

Максим смотрел на него — и в глубине его синих глаз происходило нечто невероятное.

Словно за считанные секунды с лица Алёнушкина сошла та вечная, въевшаяся в подкорку настороженность уличного бойца, привыкшего ждать удара в спину. Круглые, мужественные черты разгладились. Бледная кожа на щеках порозовела, в уголках разбитых губ дрогнула теплая, ошеломленная улыбка, а взгляд расцвел таким ослепительным, чистым, бездонным светом, какого Стас не видел у него никогда.

Это было не просто облегчение.

Это было освобождение.

Максим шумно, с прерывистым вздохом вытолкнул воздух из легких, словно с его собственных ребер только что сняли железный корсет.

– Господи, Богданов… – сиплым, дрожащим шепотом выговорил Максим. – Ты… ты серьезно?

– Ты думаешь, я бы стал так унижаться, если бы врал? – с кривой, виноватой усмешкой отозвался Стас, не убирая ладони с его щеки.

– Дурак ты, командир, – вдруг тихо, хрипло рассмеялся Максим, и в уголках его глаз блеснули крошечные искры слез — первых слез, которые он позволил себе за все эти страшные дни. – Господи, какой же ты занудный, благородный, кудрявый дурак…

Максим подался вперед, превозмогая ноющую боль в груди. Его здоровая рука метнулась к шее Стаса, пальцы намертво впились в светло-русые кудри майора, притягивая его к себе.

– Знаешь, чего я боялся больше всего на свете, Стас? – зашептал Максим прямо в губы Богданова, обжигая их своим горячим, прерывистым дыханием. – С того самого момента, как мы поцеловались на Чайковского? С того момента, как ты вытащил меня из подвала?

– Чего? – выдохнул Стас, затаив дыхание.

– Я боялся, что для тебя это… экзотика, – с безжалостной честностью признался Алёнушкин. – Что я для тебя — просто диковинный зверек. Сломанная игрушка, которую ты спас из жалости. Или адреналиновый психоз после перестрелок. Я думал: вот отойдет майор от шока, вернется в свой привычный мир генеральских сыновей, посмотрит на меня — купчинского опера с рабочей окраины, избитого, с волчьим билетом — и брезгливо поморщится. Скажет: «Поиграли, лейтенант, и хватит, возвращайся в строй».

Стас дернулся, словно от пощечины, но Максим не дал ему отстраниться, крепче сжав пальцы на его затылке:

– А теперь я слышу тебя… И я вижу, что ты стоишь передо мной без своих майорских погон. Без папиных медалей. Без этой ментовской фальши. Такой же израненный, такой же голодный до правды, как и я. Мы равны, Стас. Слышишь меня? Мы абсолютно равны.

– Равны, – как клятву выдохнул Стас.

Майор больше не сдерживался. Он подался вперед, сокращая последние миллиметры, и накрыл разбитые, горячие губы Максима своими.

Поцелуй был медленным, глубоким и бесконечно бережным. В нем не было ярости уличной драки, не было темного собственнического бешенства, которое накрывало Стаса в квартире журналистки. В нем была только чистая, щемящая нежность двух мужчин, сбросивших с себя тяжелые чугунные доспехи, которые они таскали на плечах с самого детства.

Максим тихо застонал в поцелуй, прижимаясь всем телом к груди майора, отвечая на каждое движение его губ с той отчаянной, безоглядной страстью, которую он годами прятал под тяжелыми гитарными риффами и глухими купчинскими подворотнями.

Стас осторожно, боясь задеть свежие швы и треснувшие ребра, обнял Максима за талию, прижимая его к себе так тесно, чтобы между ними не осталось даже молекулы воздуха. Его пальцы бережно скользили по спине лейтенанта, осторожно обходя марлевые повязки, словно заново запечатывая каждую рану своим теплом.

Когда они наконец оторвались друг от друга, оба тяжело, сбито дышали.

Стас уткнулся лбом в плечо Максима, жадно втягивая запах его кожи. Губы майора подрагивали от пьянящего, невозможного счастья, которого он никогда в жизни не испытывал.

Максим гладил его по вздрагивающим лопаткам, запуская пальцы в растрепанные светло-русые кудри:

– Сэм…

– А? – отозвался Стас, не поднимая головы.

– Ты понимаешь, что теперь пути назад нет? – негромко, но с предельной серьезностью спросил Алёнушкин.

Стас медленно поднял голову. В полумраке палаты их взгляды встретились — васильковый и ярко-синий, два офицерских взгляда, в которых больше не было тайн.

– Понимаю, – твердо ответил Богданов. – Наш мир таких, как мы, не прощает. Если кто-то в Главке или в управлении хоть краем уха услышит… Если батя узнает…

– Нас сотрут в порошок, – спокойно закончил за него Максим. – Лишат званий. Вышвырнут со службы без пенсии и выходного пособия. Откроют проверку УСБ, перероют все старые дела, найдут за что зацепиться и сгноят на зоне для бывших сотрудников. Для них мы хуже любого бандита.

Стас криво усмехнулся, его взгляд снова стал тем самым цепким, опасным взглядом майора убойного отдела:

– Значит, никто ничего не узнает.

– Абсолютно, – подтвердил Максим, сжав его ладонь в железном рукопожатии. – На людях, в отделе, на выездах — мы начальник и подчиненный. Лучшая следственная группа Московского района. Два мента, которые жрут преступников на завтрак и не знают пощады. Никаких взглядов, никаких лишних жестов, никакой слабины.

Максим чуть притянул Стаса к себе, заглядывая в самую глубину его зрачков:

– Но здесь… За закрытыми дверями. В твоем «Форде», в моей купчинской берлоге, в гараже с мотоциклами… Здесь мы принадлежим только друг другу. Без уставов, без званий и без лжи. Согласен, майор?

– Согласен, лейтенант, – с улыбкой, от которой вокруг васильковых глаз Стаса собрались тонкие лучики морщин, ответил Богданов.

Майор поднялся с колен, осторожно сел на край койки рядом с Максимом, вытянув свои длинные ноги. Потянулся к тумбочке, взял тот самый треснувший мандарин и принялся ловко, методично очищать его от кожуры.

Оранжевые дольки пахли сладко, сочно и празднично.

Стас отломил одну половину, протянул Максиму:

– Держи, Винчестер. Витамины для ребер. Батя лично отбирал, генеральский паек.

Максим взял сочную дольку губами прямо из пальцев майора, прищурившись от кисло-сладкого сока:

– Вкусно, командир. Передай полковнику, что его сын сегодня заслужил внеочередное повышение.

– Он и так знает, – усмехнулся Стас, закинув вторую дольку себе в рот. – Только не по службе. По жизни.

За окном окончательно сгустилась зимняя петербургская ночь. Фонари на улице Костюшко зажглись ровным, янтарным светом, отражаясь в мокром стекле. Где-то далеко гудел ночной город — жестокий, серый, опасный город, в котором им обоим завтра снова предстояло выйти на охоту.

Но здесь, в полутемной сорок второй палате, пахло мандаринами, свежими бинтами и абсолютной, несокрушимой свободой. Два волка зализывали раны, зная, что теперь их стая непобедима.

Золотая наживка

Декабрьская оттепель превратила Петербург в раскисшее, чавкающее месиво из мокрого снега, соли и гранитной крошки. С тяжелого, словно вымазанного сажей неба непрерывно сыпалась мелкая водяная пыль — не то дождь, не то растаявший снег. Она оседала на стеклах припаркованных у Московского РУВД служебных «УАЗов», забивала водостоки и превращала Лиговский и Московский проспекты в сплошные серые зеркала, в которых дрожали размытые красные огни бесконечных вечерних пробок.

В кабинете убойного отдела гудела старая чугунная батарея. Пахло остывшим растворимым кофе, мокрой шерстью форменных бушлатов и въевшейся в стены пылью казенных архивов.

Максим Алёнушкин сидел за своим столом, придвинув настольную лампу вплотную к стопке пыльных картонных папок с надписями «Отказать в возбуждении». На лейтенанте был темно-серый шерстяной свитер под горло — плотная вязка надежно скрывала медицинские повязки на плече и заживающие, пожелтевшие синяки на ребрах. Разбитая губа почти затянулась, оставив лишь крошечный белесый шрам в уголке, а темный, жесткий ежик волос уже скрыл аккуратные металлические скобы на затылке, снятые хирургом еще в понедельник.

Максим работал методично, как хорошо отлаженный механизм, но каждое движение выдавало скрытую боль. Когда он тянулся за очередной папкой, его широкая спина едва заметно каменела, а челюсти сжимались до отчетливых желваков на скулах.

Стас Богданов, сидевший напротив за своим массивным майорским столом, не спускал с него глаз.

Формально Стас проверял суточную сводку происшествий, но за последние полчаса не перевернул ни одной страницы. Высокий, поджарый, в расстегнутом темно-синем форменном кителе и тонкой черной водолазке, Богданов вертел в пальцах длинный серебристый «Паркер». Светло-русые кудри падали ему на лоб, голубые глаза щурились от внутреннего напряжения.

Стас видел каждую микросудорогу на лице напарника. Видел, как Максим осторожно переводит дыхание, когда треснувшие ребра дают о себе знать, как прижимает локоть к боку, пытаясь разгрузить ушибленную надкостницу.

Внутри майора глухо ворочалось то самое темное, яростное чувство вины, которое не могли заглушить ни мандарины в больничной палате, ни ночные тихие разговоры на купчинской кухне. Неделя прошла с того кошмара в Комарово, Алёнушкин упрямо сорвал больничный лист на третий день, заявив, что от больничной койки у него размягчаются мозги, а в отделе завал по отказным материалам.

– Алёнушкин, – негромко, с легкой хрипотцой позвал Стас.

Максим не поднял головы от протокола допроса пятилетней давности:

– Слушаю, товарищ майор.

– Положи ручку.

– Зачем? Мне осталось закрыть три висяка по кражам из гаражей на Благодатной, и статистика за квартал сойдется.

– Я сказал — положи ручку, лейтенант, – в голосе Стаса прорезалась та самая властная, бархатная сталь, от которой у молодых оперов в коридоре холодели затылки.

Максим вздохнул, медленно опустил ручку на пожелтевший лист и поднял взгляд. Синева его глаз была спокойной, немного насмешливой и абсолютно невозмутимой.

– Ну? – коротко бросил он, откидываясь на спинку стула и едва заметно поморщившись от укола в пояснице.

Стас поднялся из-за стола. Бесшумно, пружинистым шагом хищника обошел разделявшее их пространство, подошел к столу Максима и без лишних церемоний захлопнул картонную папку прямо перед его носом.

– Рабочий день закончен пятнадцать минут назад, – не терпящим возражений тоном произнес Богданов, опираясь ладонями о край стола и нависая над напарником. От Стаса пахло свежим морозным воздухом, крепким горьким эспрессо и тем едва уловимым хвойным одеколоном, от которого у Максима где-то под ложечкой сладко сводило мышцы. – Ты сидишь здесь с восьми утра. Лицо серое, под глазами тени, как у панды. Вставай, поехали домой. Мартин уже, небось, все обои в коридоре сгрыз в ожидании вечерней прогулки.

– Мартин воспитанный пес, в отличие от некоторых начальников убойного отдела, – парировал Максим, но в уголках его губ дрогнула теплая, еле заметная складка. – И вообще, Богданов, мы на службе. Дистанцию соблюдай. Вдруг Охман зайдет за подписью?

– Охман сидит в дежурке и давит третью банку энергетика, – хмыкнул Стас, однако послушно выпрямился, убирая руки в карманы форменных брюк. В глазах майора плясали дерзкие, собственнические искры. – А насчет дистанции… Я твой непосредственный начальник. Моя святая обязанность — следить за физическим состоянием личного состава. Личный состав еле дышит.

– Личный состав в полном порядке, – упрямо буркнул Максим, потирая ноющую ключицу. – Просто погода дрянь. Кости ломит.

Стас шагнул ближе. Наклонился к самому уху Алёнушкина, так что его непослушные русые кудри коснулись коротко стриженного темного виска лейтенанта.

– Дома я сделаю тебе компресс, – прошептал Стас, и его дыхание обожгло кожу Максима. – А потом сварю тот самый глинтвейн без сахара, как ты любишь. И попробуй только вякнуть про свои гаражи — прикую к кровати наручниками. Без права на условно-досрочное.

Максим коротко, хрипло усмехнулся, бросив на командира теплый, чуть лукавый взгляд:

– Угрозы при исполнении, майор? Это превышение служебных…

Договорить он не успел.

Тяжелая дубовая дверь кабинета распахнулась без стука, с коротким, гулким ударом о стенной ограничитель.

Стас среагировал мгновенно: в долю секунды выпрямился, сделав шаг назад и приняв идеальную уставную стойку человека, только что дававшего подчиненному строгое служебное указание. Максим моментально подобрался, убрав руку с ключицы и положив ладони на стол.

На пороге стоял полковник Богданов.

Владимир Александрович был при полном параде: форменный китель с полковничьими погонами, идеально отглаженные брюки, тяжелая трость в левой руке. Лицо старого волка было темнее декабрьской тучи, седые кустистые брови сошлись на переносице в сплошную жесткую линию.

– Не заняты? – отрывисто, без приветствия бросил полковник, окинув кабинет тяжелым, сканирующим взглядом. Его глаза на секунду задержались на неестественно прямой спине Максима, затем переместились на лицо сына. – Бросайте макулатуру. Оба — ко мне в кабинет. Живо.

– Что-то срочное, товарищ полковник? – уточнил Стас, мгновенно переключаясь в режим предельной оперативной концентрации.

– Экстренное, майор, – отрезал отец, уже разворачиваясь на каблуках. – Генерал только что звонил по спецсвязи. У нас ЧП городского масштаба. Жду через две минуты.

Дверь захлопнулась.

Стас и Максим переглянулись. Вся домашняя мягкость, все мысли о глинтвейне, собаке и теплом пледе слетели в одно мгновение. Два опытных оперативных волка подобрались, сбросив усталость, как старую шкуру.

– Похоже, отбой глинтвейну, командир, – тихо произнес Максим, поднимаясь со стула.

– Ничего, – процедил Стас, надевая форменный китель и застегивая серебряные пуговицы на груди. – Долги мы всегда возвращаем с процентами. Пошли, послушаем, кого там опять разорвали на куски.

***

В кабинете начальника управления пахло крепким листовым чаем и валидолом. На широком приставном столе для совещаний уже лежали три толстые папки из плотного картона с красными полосами срочности.

Владимир Александрович стоял у карты Санкт-Петербурга, заложив правую руку за спину, а левой тяжело опираясь на набалдашник трости.

– Садитесь, – полковник даже не повернулся, кивнув на свободные стулья.

Когда офицеры сели, Богданов-старший развернулся. Его массивное, обветренное лицо казалось высеченным из гранита. Он подошел к столу, с глухим стуком бросил на полированное дерево пачку цветных фотографий большого формата.

– Смотрите, – коротко бросил полковник.

Стас придвинул снимки к себе, Максим наклонился через его плечо.

На фотографиях были запечатлены роскошные гостиничные номера: бархатные шторы, тяжелая лепнина на потолках, разбросанные по шелковым простыням подушки. И люди. Молодые мужчины, лежащие на кроватях в неестественных, расслабленных позах. На одних были шелковые халаты, на других — лишь нижнее белье. Лица бледные, губы с синюшным оттенком, зрачки расширены во всю радужку.

– Трупы? – нахмурился Стас, вглядываясь в детали первого снимка.

– Пока нет, – глухо отозвался полковник, тяжело опускаясь в свое кресло. – Но один до сих пор в коме на Фонтанке, шансов пятьдесят на пятьдесят. За последнюю неделю — три эпизода. Все в элитном сегменте. Центральный, Петроградский и наш, Московский район.

– Клофелин? – спросил Максим, обратив внимание на характерную бледность кожи потерпевших и следы пены в уголках губ на одном из макроснимков.

– Экспертиза дала адский коктейль, – подтвердил Владимир Александрович, постукивая пальцами по столу. – Оксибутират натрия, клозапин и лошадиная доза клофелина. Смешивали с дорогим алкоголем — виски тридцатилетней выдержки, коллекционное шампанское. Жертвы вырубались через десять-пятнадцать минут после первого тоста. Сердечный ритм падал до тридцати ударов в минуту, полный коллапс центральной нервной системы.

– Кто пострадавшие? – Стас поднял глаза на отца.

Полковник поморщился, словно у него внезапно разболелся коренной зуб:

– А вот здесь начинается политика, майор. Жертва номер один: Артемий Званцев, двадцать девять лет. Сын вице-президента крупного нефтяного холдинга. Найден в понедельник в пятизвездочном отеле на Вознесенском. Жертва номер два: Кирилл Данилов, тридцать лет. Основатель крупного венчурного фонда, совладелец сети элитных фитнес-клубов. Среда, апартаменты в элитном комплексе на Крестовском острове. Жертва номер три: Глеб Воронов, двадцать восемь лет. Наследник строительной империи Вороновых — той самой, что застраивает намыв на Васильевском. Вчера ночью, бутик-отель на Московском проспекте. Тот самый, что в коме.

Стас присвистнул сквозь зубы:

– Золотая молодежь. Мажоры высшей гильдии.

– Именно, – нахмурился полковник. – Из номеров и апартаментов выметено всё подчистую. Коллекционные хронографы — «Patek Philippe», «Audemars Piguet», стоимость каждого от пятидесяти тысяч евро. Платиновые карты, наличность в валюте, ключи от спорткаров, ювелирка, даже брендовые запонки с бриллиантами скручивали. Ущерб по трем эпизодам — под сто миллионов рублей. Но главное даже не деньги. Отцы пострадавших оборвали теле-

фоны в Смольном и Министерстве. Генерал орал так, что у меня селектор чуть не расплавился. Городу угрожает скандал колоссального масштаба, если пресса разнюхает, что сыновей правящей элиты выкашивают пачками, как сопливых первокурсников.

– Кто работает? – тихо спросил Максим, беря в руки материалы по осмотру места происшествия на Московском. – Одиночка?

– Банда, – отрезал полковник. – Работают минимум три-четыре молодые девицы. Очень ухоженные, дорогие, с безупречными манерами. Знакомятся в закрытых лаунж-барах, ресторанах авторской кухни, закрытых сигарных клубах. Никаких дешевых съемов у стойки бара. Девицы играют роль скучающих дочерей дипломатов или успешных искусствоведов. Легкий флирт, интеллектуальные беседы, согласие на продолжение вечера в приватной обстановке. Дальше — бокал вина в номере, препарат в бокале, и клиент в отключке. Выносят ценности, вызывают черные тонированные минивэны без номеров и растворяются в ночи. Камеры везде либо «случайно» сбоили в момент их ухода, либо девицы идеально прятали лица под широкими полями шляп и капюшонами из натурального меха.

Владимир Александрович поднялся из-за стола, уперся кулаками в столешницу:

– Дело передано в наше управление. Курируешь ты, Станислав. В напарниках — Алёнушкин. Сроки — трое суток. Если через семьдесят два часа мы не возьмем эту банду, в отделе полетят головы с плеч до самых подвалов. Материалы забирайте. Докладывать каждые четыре часа.

– Есть, – синхронно ответили Стас и Максим, поднимаясь на ноги.

***

Через час кабинет убойного отдела снова превратился в аналитический штаб.

Стас вывесил на магнитную доску фотографии трех пострадавших, схемы гостиничных номеров и временные шкалы преступлений. Максим разложил на столе распечатки биллингов, списки посетителей заведений и протоколы опроса тех двоих, кто уже пришел в себя.

– Картинка занятная, – заговорил Максим, подперев подбородок здоровой рукой. Он внимательно изучал показания Званцева и Данилова. – Смотри, командир. Ни один из них не помнит момента отравления. Оба утверждают, что девицы были просто богинями. Званцев познакомился со своей в ресторане на Рубинштейна. Блондинка, метр семьдесят пять, длинные ноги, соболиная шубка, говорила о выставке современного искусства в Главном штабе. Данилов снял брюнетку в сигарном клубе на Большой Конюшенной. Та же песня: дорогой парфюм «Tom Ford», идеальный французский, тонкие пальцы без колец.

Стас стоял у доски, нервно крутя в пальцах незажженную сигарету.

– Они не работают наобум, – задумчиво произнес майор. – Каждая жертва была «пробита» заранее. Девицы точно знали, сколько у парней на счетах, какие часы они носят, где живут и насколько влиятельны их родители. Это не уличные клофелинщицы с вокзалов. Это высококлассные хищницы. За ними явно стоит организатор — опытный уголовник с хорошими наводчиками в банковской сфере или закрытых клубах.

– Это понятно, – Максим медленно поднялся со стула, подошел к доске и встал рядом со Стасом. Его синие глаза цепко сканировали снимки пострадавших. – Но есть кое-что еще. Гораздо более интересное.

– Что? – Стас повернулся к напарнику.

Максим скрестил руки на груди, чуть наклонил голову набок и прищурился:

– Стас, посмотри на них. Внимательно посмотри. Не как следователь на потерпевших, а просто… глазами женщины, которая выбирает себе добычу.

Богданов перевел взгляд на фотографии трех молодых людей:

– Ну? Артемий Званцев, Кирилл Данилов, Глеб Воронов. Все трое упакованы по высшему разряду, наглые, сытые…

– Да черт с ними, с деньгами! – перебил Максим, и в его голосе прорезалась странная, едкая усмешка. – Типаж, Стас! Антропометрия!

Максим подошел вплотную к снимкам, ткнул пальцем в фотографию Званцева:

– Рост — метр восемьдесят восемь. Широкие плечи, спортивная фигура, завсегдатай спортзалов. Волосы — светло-русые, вьющиеся, легкая небрежная укладка. Правильные черты лица, волевой подбородок с ямочкой, прямой нос.

Палец Максима переместился на снимок Данилова:

– Рост — метр девяносто. Атлет. Глаза светлые, серо-голубые. Русые кудри до плеч, нагловатая, открытая улыбка мажора, уверенного в собственной безнаказанности.

Палец лег на снимок лежащего в коме Воронова:

– Рост — метр восемьдесят девять. Светлые волнистые волосы, спортивное телосложение, открытый лоб, голубые глаза.

Максим медленно опустил руку, повернулся к майору и посмотрел на него в упор. В синих глазах купчинского опера горел целый сноп сложных, противоречивых искр: от профессионального азарта до внезапно вспыхнувшей, колючей ревности.

– Ничего не замечаешь, майор Богданов? – тихо, с легкой хрипотцой спросил Максим.

Стас нахмурился, скользнул взглядом по лицам на фото, затем перевел глаза на узкое настенное зеркало у шкафа с уголовными делами.

Из зеркала на него смотрел тридцатилетний мужчина: рост метр девяносто, идеальное атлетическое сложение пловца и рукопашника, светло-русые неряшливые кудри, падающие на лоб, яркие васильковые глаза, породистый прямой нос и та самая вечно насмешливая, дерзкая полуулыбка, которая сводила с ума половину женского состава полицейского Главка.

В кабинете повисла гулкая, наэлектризованная тишина.

Стас медленно моргнул, его брови поползли вверх:

– Твою мать…

– Вот именно, – криво усмехнулся Максим, подходя к нему вплотную. Алёнушкин уперся тяжелым взглядом в красивое лицо майора: – Они выбирают не просто богатых, Стас. Они охотятся на конкретный физический архетип. На статных, видных, светловолосых плейбоев с повадками хозяев жизни. Чтобы парень выглядел как обложка журнала «Форбс» или реклама дорогого парфюма. Чтобы от одного взгляда на него у девиц в баре текла слюна, а окружающие понимали: этот щенок сорит деньгами, потому что у него их куры не клюют.

Максим сделал шаг ближе, его голос упал до полушепота:

– Посмотри на себя, Богданов. Сними этот свой казенный китель, надень кашемировое пальто, брось на стол ключи от «Порше» — и ты станешь для этих хищниц идеальным, абсолютным, эталонным куском мяса. Они на тебя в три слоя слетятся.

Стас смотрел на напарника, и на губах майора медленно расплывалась хищная, азартная улыбка:

– Алёнушкин… Ты что, только что назвал меня красивым?

– Я назвал тебя подходящей наживкой, майор, – отрезал Максим, но уши его едва заметно порозовели. Он попытался отвести взгляд, но Стас перехватил его запястье — властно, горячо, погладив подушечкой большого пальца вздувшуюся вену.

– Ты ревнуешь, купчинский? – вполголоса протянул Богданов, впиваясь в него насмешливым, сияющим взглядом. – Скажи честно. Ревнуешь своего командира к гипотетическим клофелинщицам?

– Я за дело переживаю, дурак ты кудрявый, – Максим попытался выдернуть руку, но Стас держал крепко, словно тисками. – Пусти. Надо к полковнику идти.

– Подождет полковник две минуты, – выдохнул Стас, притягивая Максима к себе чуть ближе, чувствуя знакомое тепло его тела. – Неделю назад ты сам полез в пасть к зверю в Кома-

рово. Я чуть с ума не сошел в том фургоне, пока слушал, как этот ублюдок тебе стихи читает. Помнишь?

– Помню, – лицо Максима мгновенно посерьезнело, тень Комарово легла на его черты. – И поэтому я знаю, каково это — быть приманкой. Это дерьмо собачье, Стас. Опасно, мерзко и непредсказуемо.

– Зато работает на сто процентов, – твердо сказал Стас. Он отпустил руку Максима, расправил плечи и решительно застегнул верхнюю пуговицу кителя. – Пошли к бате. Пусть подписывает план операции.

***

Владимир Александрович выслушал доклад Максима молча.

Старый полковник сидел за столом, подперев массивный подбородок кулаком, и переводил тяжелый, оценивающий взгляд с фотографий жертв на стоящего перед ним сына. В кабинете мерно тикали напольные часы с боем.

Когда Максим закончил излагать аналитическую выкладку о совпадении антропометрических данных и поведенческих триггеров, полковник тяжело вздохнул.

– Вывод логичный, лейтенант, – медленно произнес Богданов-старший. – Аналитика безупречна. Они действительно падки на определенный типаж. Видимо, психологический расчет: статный, уверенный в себе красавец-мажор меньше всего ожидает удара в спину от хрупкой длинноногой куколки. Он привык, что женщины сами падают к его ногам. Бдительность на нуле.

Полковник выпрямился, оперся ладонями о стол и посмотрел прямо в лицо Стасу. В глазах отца не было ни капли сомнения — лишь холодная, беспощадная служебная целесообразность:

– Значит, так. Мы не можем ждать, пока они выберут четвертого мажора и окончательно отправят его на тот свет. Времени нет. Работать будем «на живца».

Стас даже бровью не повел:

– Я готов, товарищ полковник.

– Нет, товарищ полковник! – внезапно, с резкой и неприкрытой горячностью вмешался Максим.

Оба Богданова — отец и сын — удивленно повернули головы в сторону лейтенанта.

Максим стоял, сжав кулаки по швам, его синие глаза пылали глухим, упрямым огнем:

– Это неоправданный риск! Мы не знаем точный состав яда! Врачи сказали, что у Воронова отказали почки, отек мозга начался через двадцать минут! Если препарат попадет в организм Станислава… Если мы опоздаем на минуту…

– Лейтенант Алёнушкин, – ледяным тоном оборвал его полковник, прищурив тяжелые веки. В голосе старого генеральского соратника зазвенела опасная нота: – Я ценю ваше служебное рвение и заботу о командире. Но напоминаю: вы находитесь в кабинете начальника управления, а не на митинге. Решение принято. Майор Богданов — лучший оперативный сотрудник отдела. У него есть подготовка, выдержка и, что немаловажно, фактура, которую не купишь ни за какие казенные деньги.

Владимир Александрович снова перевел взгляд на сына:

– Легенду подготовим через оперативно-поисковое бюро Главка. Сделаем тебя сыном крупного застройщика из Москвы. Приехал в Питер развеяться, сорит деньгами, ищет острых ощущений. Машину выделим из резерва конфиската — там стоит отличный темно-синий «Порше Панамера», на номерах правительственной серии. Часы, шмотки, золотая карта с неограниченным лимитом — всё предоставит служба собственной безопасности.

– Локация? – коротко спросил Стас, краем глаза видя, как тяжело дышит стоящий рядом Максим.

– Ресторан-клуб «Монте-Кристо» на Крестовском острове, – отчеканил полковник. – По оперативным данным отдела экономической безопасности, именно там за последние двое суток крутилась подозрительная группа ухоженных девиц, вынюхивавших ВИП-гостей. Сегодня пятница. Самый жирный вечер. Ты заходишь туда в одиннадцать вечера. Садишься за центральный столик у панорамного окна, заказываешь самое дорогое шампанское и светишь котлами за пару миллионов. Делаешь вид, что тебе скучно до тошноты.

Полковник перевел взгляд на Максима:

– Лейтенант Алёнушкин. Вы возглавляете группу прикрытия.

Максим вздрогнул, вскинул подбородок:

– Я?

– Вы, – жестко подтвердил полковник. – Вы знаете привычки майора лучше любого бойца СОБРа. Вы будете сидеть в фургоне наружки на парковке у ресторана, контролировать радиоэфир и видеонаблюдение. Вместе с вами — шесть бойцов спецназа «Гром» в гражданском, рассредоточенных по залу. При малейшей угрозе применения спецпрепарата или попытке вывода объекта в слепую зону — штурм и задержание. Вопросы есть?

– Никак нет, товарищ полковник, – ответил Стас.

– Вопросов нет, – глухо, сквозь зубы выдавил Максим.

– Свободны. Подготовка начинается немедленно. До выхода — шесть часов.

***

Шесть часов пролетели в лихорадочной суете.

Спецчасть Главка сработала с армейской оперативностью. К девяти вечера в подземном гараже РУВД уже стоял вымытый до зеркального блеска, хищный темно-синий «Порше Панамера». В кабинете Стаса на вешалке висел черный кашемировый пиджак от итальянского дизайнера, шелковая темно-синяя рубашка без галстука и идеально скроенные брюки. На столе в бархатной коробочке поблескивали массивные золотые часы «Rolex Daytona» — вещдок по старому делу о контрабанде, временно изъятый из спецхранилища под личную расписку полковника.

Стас стоял перед ростовым зеркалом, застегивая манжеты рубашки.

Майор преобразился до неузнаваемости. Без казенного кителя, в дорогой ткани, подчеркивавшей мощный разворот плеч и узкую талию, со слегка растрепанными кудрями и легкой трехдневной щетиной, Богданов выглядел ровно так, как требовала легенда: породистый, неприлично богатый, опасный и наглый хищник из высшего общества.

Дверь тихо скрипнула. В кабинет вошел Максим.

Алёнушкин уже переоделся для наружки: черная неприметная куртка-бомбер, темные джинсы, армейские ботинки. Под курткой угадывался бронежилет скрытого ношения, на поясе висела оперативная кобура с табельным ПМ.

Максим остановился у порога. Его взгляд медленно, ощутимо скользнул по фигуре Стаса — от начищенных итальянских туфель до расстегнутого ворота шелковой рубашки, открывавшей загорелую ключицу.

Стас поймал его взгляд в зеркале. Уголки губ майора дернулись вверх:

– Ну как тебе мажор Станислав Богданов, лейтенант? Сойду за сына строительного олигарха?

Максим медленно подошел ближе. На его круглом, мужественном лице не было и следа обычной насмешливости. В синих глазах застыла глухая, тяжелая, концентрированная ревность вперемешку с плохо скрываемым восхищением.

– Выглядишь… омерзительно убедительно, майор, – негромко произнес Максим, останавливаясь за его спиной. – Так и тянет подойти в подворотне и отобрать часы вместе с челюстью. Чистый паразит общества.

Стас тихо рассмеялся, разворачиваясь к напарнику лицом:

– Спасибо за профессиональную оценку. Значит, образ работает.

Максим протянул руку, взял со стола золотой «Ролекс» и застегнул тяжелый браслет на левом запястье Стаса. Пальцы Алёнушкина действовали четко, но Стас почувствовал, как они едва заметно подрагивают.

– Слушай сюда, Богданов, – тихо, с пугающим нажимом заговорил Максим, не отпуская его руки. – В бокал они сыплют дрянь при первом удобном случае. Ты не пьешь. Вообще. Делаешь вид, что пригубил, смачиваешь губы, держишь бокал в руке — но ни капли внутрь. Если увидишь на дне мутный осадок или пузырьки — подаешь голосовой маркер.

– Знаю, Макс, – мягко ответил Стас, глядя ему прямо в глаза.

–Нет, ты не знаешь! – Максим шагнул вплотную, схватив Стаса за лацкан кашемирового пиджака свободной рукой. Синева его глаз потемнела до цвета штормовой Балтики. – Ты азартный сукин сын! Ты полезешь играть до конца, решишь довести их до номера, захочешь взять с поличным в момент кражи! А эти суки не дуры! Они могут вколоть дрянь шприцем под столом или брызнуть аэрозолем в лицо!

Максим сжал ткань пиджака так, что затрещали нитки:

– Голосовой маркер: «Здесь подают отвратительный лед». Как только эта фраза звучит в эфире — я даю команду «Грому». Мы входим в зал через пять секунд. И мне плевать, успеет она открыть сумочку или нет. Ты меня понял, Лось?!

Стас смотрел на него сверху вниз. Внутри майора разливалось теплое, густое, пьянящее пламя. Видеть этого сдержанного, железного купчинского волка таким — взбешенным, ревнующим, готовым снести зубы любому ради его безопасности — было высшей наградой.

Стас медленно поднял свои руки, накрыл ладони Максима на своем пиджаке и с мягкой, неоспоримой силой притянул его к себе.

– Понял, – прошептал Стас, и его губы коснулись виска Максима, вдохнув знакомый запах хвои и морозной улицы. – Всё понял, Дин. Я не сделаю ни единого лишнего шага.

Стас чуть отстранился, заглядывая Максиму в лицо:

– А теперь скажи мне правду. Чего ты боишься больше? Того, что меня отравят… или того, что какая-нибудь длинноногая блондинка положит руку мне на колено?

Максим замер. Его челюсти сжались, на скулах заходили желваки. Он не стал опускать глаза. Напротив — посмотрел на майора с такой отчаянной, звериной прямотой, от которой у Стаса перехватило дыхание:

– Обоих вариантов, Богданов. Но если какая-нибудь тварь посмеет распустить руки раньше, чем я зайду в зал… я лично сломаю ей эти наманикюренные пальцы. Еще до оформления протокола.

Стас издал тихий, хриплый стон, не сдержался — подался вперед и коротко, властно впился в разбитые губы Максима горячим, собственническим поцелуем. Максим ответил мгновенно, сжав плечи майора, выбивая из его груди весь казенный воздух.

Чужой бокал

Фургон наружного наблюдения, замаскированный под аварийную службу связи, стоял на противоположной стороне Крестовского проспекта, укрывшись в тени вековых плакучих ив. С залива дул порывистый, сырой ветер, швырявший в лобовое стекло крупные капли мокрого снега вперемешку с мелкой моросью. Дворники лениво взмахивали раз в полминуты, размазывая по триплексу жирную городскую пленку.

Внутри фургона царил полумрак, разбавляемый лишь мертвенно-зеленым свечением контрольных мониторов и мерцанием индикаторов звукозаписывающего пульта. Пахло разогретой изоляцией, остывшим черным чаем из жестяной кружки и влажной шерстью.

Максим Алёнушкин сидел в операторском кресле, неестественно выпрямив спину. Под плотной черной курткой-бомбером свежие бинты туго стягивали ребра, напоминая о себе тупой, ноющей болью при каждом глубоком вдохе. Но сейчас Максим не чувствовал физической боли. Всё его существо, натянутое как струна бас-гитары перед обрывом, сосредоточилось на центральном экране с диагональю двадцать дюймов.

На экране в высоком разрешении уличная камера наблюдения передавала картинку парадного входа в клуб «Монте-Кристо».

Тяжелые двустворчатые двери из темного дуба и матового бронированного стекла, увитые неоновыми нитями холодного золотого цвета. Двое охранников в идеально сидящих черных пальто, с рациями в ушах и скучающими лицами людей, привыкших встречать городскую элиту.

И темно-синий «Порше Панамера», плавно затормозивший у самого крыльца, взметнув из-под низкопрофильных колес веер белесой водно-соляной каши.

Когда водительская дверь распахнулась, у Максима в горле мгновенно пересохло. Воздух застрял в трахее, словно в него плеснули ледяной невской водой.

Стас вышел из машины без суеты, с той врожденной, небрежной грацией уверенного в себе хищника, которую невозможно сымитировать или купить за деньги. Черный кашемировый пиджак с шелковым блеском лацканов идеально сидел на его широких, развернутых плечах, подчеркивая узкую талию и высокий рост. Ворот шелковой темно-синей рубашки был расстегнут на две верхние пуговицы, обнажая загорелую, сильную шею. Светло-русые кудри, намеренно растрепанные ветром, падали на высокий чистый лоб.

Стас небрежно бросил брелок с гербом «Порше» подскочившему парковщику, даже не взглянув на него, поправил манжету, на которой в свете фонарей ослепительно блеснуло золото массивного «Ролекса», и легко, пружинисто взбежал по гранитным ступеням.

Охранники у дверей не просто расступились — они инстинктивно склонили головы, безошибочно признав в вошедшем человека той породы, которой не задают вопросов о бронировании столиков и не заглядывают в документы.

– Объект один вошел в периметр, – сухо доложил в микрофон старший лейтенант Соколов из техслужбы, щелкая тумблером переключения каналов. – Картинка с внутренних скрытых камер пошла. Канал чистый.

Максим медленно прижал ладони к краю приборной панели. Костяшки пальцев побелели.

Под ложечкой засосало с такой острой, ядовитой силой, что Алёнушкин непроизвольно прикусил разбитую губу, почувствовав на языке знакомый металлический привкус.

Он знал Стаса. Знал каждую черточку его лица, каждую интонацию насмешливого голоса, каждую привычку — от привычки яростно грызть зубочистки при стрессе до манеры морщить прямой породистый нос, когда кофе оказывался недостаточно крепким. Но *таким* Максим не видел его никогда.

Богданов в этом образе был убийственно, ослепительно, преступно хорош.

От него разило деньгами, вседозволенностью, породистой наглостью и той дикой, притягательной мужественностью, перед которой не устояла бы ни одна женщина в радиусе километра. В нем не было фальши. Он вошел в пространство элитного заведения не как оперативник на задании, а как законный владелец этого сверкающего хрусталем и бархатом мира, которому просто наскучило владеть всем вокруг.

И в этот момент Максима захлестнула такая волна первобытной, собственнической ярости, что в глазах потемнело.

Ему захотелось прямо сейчас выбить плечом дверь фургона, перебежать проспект, ворваться в этот чертов клуб, схватить Стаса за лацканы дорогого итальянского пиджака, прижать к первой попавшейся мраморной колонне и закрыть собой от всех. Чтобы ни одна пара глаз — ни женских, ни мужских — не смела скользить по этим светло-русым кудрям, по этой расстегнутой шелковой рубашке, по дерзкой полуулыбке, предназначенной только для него одного на маленькой купчинской кухне.

– Спокойно, лейтенант, – тихо сказал сам себе Максим, сжав зубы так, что хрустнуло в висках. – Дыши. Это работа. Ты старший группы прикрытия. Ты держишь радиообмен.

Он поправил оголовье тяжелых звукоизолирующих наушников. В ушах щелкнуло, и в динамики ворвался гул клубного пространства: приглушенные, тягучие басы глубокого дип-хауса, шелест платьев, звон тонкого хрусталя и приглушенный, сытый смех столичной публики.

***

В зале «Монте-Кристо» царил интимный, полутемный уют. Стены были затянуты темно-изумрудным бархатом, на столах горели крошечные лампы с абажурами из граненого стекла, отбрасывавшие янтарные блики на полированный темный дуб. Воздух был напоен ароматами дорогой селективной парфюмерии, кубинского табака и охлажденного шампанского.

Стас не стал оглядываться по сторонам. Он прошел через зал медленно, с ленивой грацией сытого леопарда, скользя взглядом поверх голов сидящих за столиками людей.

Справа у барной стойки двое бойцов спецназа «Гром», переодетые в дорогие спортивные костюмы от премиальных брендов, неторопливо потягивали безалкогольный мохито. Один из них, капитан Воропаев, едва заметно кивнул, коснувшись мочки уха — знак, что периметр бара под контролем.

Стас опустился в глубокое кожаное кресло за центральным столиком у панорамного окна, откуда открывался вид на покрытый коркой льда Гребной канал. Закинул ногу на ногу, небрежно бросил на скатерть ключи с золотым тиснением и тяжелый смартфон в матовом титановом корпусе. Золотой «Ролекс» на его запястье скользнул по манжете, поймав луч софита.

– Добрый вечер, сэр, – материализовался возле стола официант в белоснежном жилете. – Желаете меню?

– «Cristal» девяносто восьмого, – не глядя на парня, бросил Стас тем самым низким, ленивым баритоном с легкой московской растяжкой, от которого у Максима в наушниках перехватило дыхание. – И плато с устрицами. Только свежими, парень. Если они у вас пахнут вчерашней разморозкой, я велю закрыть эту богадельню до полуночи.

– Сию минуту, господин, – официант почтительно склонился и растворился в полумраке.

Стас откинулся на спинку кресла, вытянул длинные ноги и слегка запрокинул голову. На его лице застыла маска абсолютной, высокомерной скуки.

В наушниках Максима раздался тихий щелчок активации микрофона, замаскированного в титановом зажиме для галстука, который Стас приколол с внутренней стороны воротника пиджака:

– «База», я на точке, – едва слышно, одними связками прошептал майор. – Атмосфера рабочая. На десять часов от меня — три куклы за угловым диваном. Сканируют сектор.

Максим быстро переключил камеру номер три.

Действительно, в глубине зала за полукруглым диваном сидели три молодые женщины. Безупречные вечерние укладки, минималистичные, но чудовищно дорогие платья от кутюр, тонкие запястья, ухоженные лица с профессиональным макияжем, имитирующим полное отсутствие косметики. Они пили сухое мартини, негромко переговаривались, но их взгляды двигались по залу с холодным расчетом профессиональных наводчиц.

Когда Стас сел за столик и бросил на стол ключи от «Панамеры», разговоры за их диваном мгновенно стихли.

Одна из них — высокая, статная брюнетка с тонкими, аристократическими чертами лица, в открытом изумрудном платье из шелкового крепа, подчеркивавшем точеную ключицу и высокую грудь, — медленно опустила бокал на стол. Ее темно-карие, почти черные глаза хищно сузились, сканируя профиль Богданова, разворот его плеч и золотой хронограф на левой руке.

– Пошла, – глухо произнес в рацию наблюдатель у бара. – «Единичка» встала. Идет к майору.

Максим в фургоне подался вперед, впившись взглядом в мерцающий монитор. Сердце лейтенанта колотилось о сломанные ребра с глухими, болезненными ударами.

Женщина двигалась через зал с плавной, текучей грацией пантеры. Никакой спешки, никаких вульгарных виляний бедрами — чистый, холодный, дорогой лоск хищницы высшего эшелона. В руке она держала тонкий бокал с оливкой на шпажке.

Остановившись возле столика Стаса, она не стала навязываться. Она просто замерла в полушаге, словно привлеченная открывающимся из панорамного окна видом на темные воды канала.

– В Петербурге зимой даже вода в заливе замерзает с каким-то особенным, надменным холодом, вы не находите? – ее голос был низким, бархатистым, с легким грудным придыханием, идеально поставленным для создания интимной атмосферы посреди шумного зала.

Стас не повернул головы сразу. Он выдержал паузу — ровно три секунды, показывая, что не привык вздрагивать от женского голоса. Затем медленно, лениво скользнул по ней взглядом снизу вверх: от тонких щиколоток на шпильках до открытых плеч и влажных темных глаз.

В глубине васильковых глаз майора вспыхнул насмешливый, дерзкий огонек:

– Вода везде замерзает одинаково, если температура падает ниже нуля, – протянул он своим тягучим баритоном. – Дело не в городе. Дело в компании. Если компания дерьмо, то и на Мальдивах можно коченеть от тоски.

Брюнетка тихо, грудно рассмеялась. Этот смех был похож на пересыпающийся сухой шелк.

– Какая безжалостная и точная формулировка, – она сделала плавный шаг ближе, грациозно наклонив голову набок. Темные блестящие локоны скользнули по ее оголенному плечу. – Позволите присесть? Или вы ждете кого-то, кто способен растопить этот лед?

Стас небрежным жестом указал на противоположное кресло:

– Никого не жду. В этом городе решительно некого ждать. Садитесь. Всё лучше, чем смотреть на официантов, у которых на лицах написано желание получить чаевые размером с их месячный оклад.

Она опустилась в кресло напротив, плавно закинув ногу на ногу. Шелк платья скользнул по ее бедру, приоткрывая длинную, идеальную линию ноги.

– Меня зовут Элина, – она протянула через стол тонкую, холеную руку с аккуратным французским маникюром. На среднем пальце поблескивало изящное платиновое кольцо с сапфиром.

Стас перехватил ее пальцы. Но не поцеловал — лишь коротко, сдержанно сжал своей широкой, теплой ладонью, задержав прикосновение ровно на секунду дольше положенного по этикету:

– Станислав.

– Просто Станислав? Без фамилии, которая заставляет звенеть витрины банков? – Элина прищурилась, лукаво улыбнувшись уголком алых губ.

– Фамилия — это для налоговой и скучных заседаний совета директоров, – хмыкнул Стас, откидываясь назад. Подошедший официант с поклоном поставил на ведерко со льдом запотевшую бутылку шампанского и два высоких хрустальных бокала. – А здесь я предпочитаю забывать, сколько нулей на счетах отца. Деньги портят аппетит, если о них слишком много говорить.

– Боже, какое редкое качество для мужчины вашего круга, – выдохнула Элина, и в ее глазах мелькнуло неподдельное, жадное восхищение.

Она оперлась локтями о стол, подавшись вперед. Вырез платья опасно натянулся, открывая соблазнительную ложбинку, но Стас смотрел исключительно ей в глаза — нагло, прямо, с тем неотразимым прищуром, который сводил с ума.

– Вы даже не представляете, Станислав, как здесь душно, – заговорила она, понизив голос до доверительного шепота. – Вокруг одни надутые индюки. Мальчики, которым папы купили по спорткару и должности в госкорпорациях, но забыли вложить внутрь хотя бы каплю мужского стержня. Они подходят, сыплют названиями брендов, хвастаются часами, а в глазах — пустота. Ни мысли, ни характера, ни смелости. Скучные, высокомерные трусы, озабоченные только своим отражением в зеркале.

Она посмотрела на Стаса долгим, обволакивающим взглядом, очертив пальцем край своего бокала:

– А в вас чувствуется порода. Настоящая, опасная сила. Таких мужчин сейчас не делают. Вы кажетесь человеком, который привык брать то, что хочет, не спрашивая разрешения. Чем вы занимаетесь, Станислав? Только не говорите, что просто тратите семейные трасты. В ваших плечах слишком много железа для кабинетного бездельника.

Стас усмехнулся — той самой кривой, дерзкой усмешкой, от которой у Максима в наушниках сжалось сердце.

– Инвестиции в тяжелое машиностроение, – легко, без запинки соврал Богданов, крутя на пальце золотую зажигалку. – Металл, заводы на Урале, портовые терминалы на Балтике. Скучная, грязная работа, Элина. Много пыли, много нервов и постоянные разборки с контрагентами. Поэтому, когда я вырываюсь в Питер, мне хочется тишины, хорошего алкоголя и… красивых, умных женщин, которые не задают вопросов о котировках акций.

– Какое совпадение, – промурлыкала она, и ее тонкие пальцы скользнули по полированной поверхности стола, остановившись в сантиметре от запястья Стаса с золотым «Ролексом». – Я терпеть не могу разговоры об акциях. Я предпочитаю искусство. И людей, которые умеют чувствовать момент…

***

В фургоне наружки воздух стал густым и едким, как серная кислота.

Максим сидел, не шевелясь. Наушники врезались в уши, передавая каждый вздох, каждый грудной смешок этой женщины, каждый ленивый, бархатный ответ Стаса.

Алёнушкин чувствовал себя так, словно его снова подвесили на цепях в сыром подвале Комарово, только вместо казачьей нагайки его полосовали раскаленными щипцами прямо по обнаженным нервам.

Стас играл гениально.

Это было высшее актерское мастерство оперативного сотрудника: ни одной фальшивой ноты, идеальный баланс между циничной уверенностью богатого мажора и опасным мужским магнетизмом. Он держал дистанцию, но подпускал ее ближе с каждым словом, распаляя охотничий азарт преступницы.

Но для Максима это было изощренной, невыносимой пыткой.

Он видел на экране, как Стас чуть наклоняется вперед, как его светло-русый локон касается виска, как васильковые глаза майора вспыхивают тем самым порочным, дразнящим светом, который Максим привык видеть только в полумраке своей купчинской спальни.

«Он играет, Алёнушкин. Он просто работает. Это операция. Завтра она будет сидеть в камере ИВС, размазывая тушь по щекам», — твердил себе Максим, впиваясь ногтями в ладони так, что под кожей лопались капилляры.

Но воспаленный мозг, подстегнутый бессонными ночами, болью от ран и дикой, неизлечимой любовью, орал совсем другое:

«Она трогает его стол. Она смотрит на его шею. Она вдыхает его запах. Она хочет забрать его себе. А он улыбается ей. Улыбается той самой улыбкой, от которой у тебя земля уходит из-под ног…»

В эфире щелкнула рация внутренней группы прикрытия. Раздался негромкий, восхищенный шепот капитана Воропаева из-за стойки бара:

– «База», это «Байкал-2». Вы только посмотрите на нашего командира. Вот это уровень! Баба поплыла намертво, зрачки расширены, в рот ему заглядывает. Честное слово, они смотрятся вместе как со страниц итальянского «Vogue». Пара года, бляха-муха. Майор у нас просто рожден для высшего света, хоть сейчас под венец с миллионершей…

– ЗАТКНИСЬ, ВОРОПАЕВ! – прорычал Максим в микрофон командной связи.

Голос лейтенанта сорвался на такой страшный, вибрирующий хрип, что техник связист в фургоне испуганно вжал голову в плечи.

– Отставить треп в эфире! – процедил Максим сквозь зубы, тяжело дыша и чувствуя, как под повязкой на груди бешено колотится сердце. – Контролировать правую руку подозреваемой! Если кто-то еще вякнет не по уставу — лично погоны сорву прямо в зале суда! Работать по регламенту!

В эфире повисла мертвая, виноватая тишина. Спецназовцы у бара мгновенно подобрались, поняв, что шутки кончились.

Максим шумно, судорожно втянул носом холодный воздух фургона, пытаясь унять дрожь в пальцах.

На экране между тем ситуация стремительно переходила в критическую фазу.

Официант наполнил бокалы искрящимся золотистым «Кристалом» и удалился.

Элина взяла свой бокал за тонкую ножку, приподняла его на уровень глаз, глядя на Стаса сквозь играющие пузырьки:

– За неожиданные встречи, Станислав. За мужчин, которые не боятся брать от жизни всё самое лучшее.

Стас улыбнулся. Медленно протянул руку, коснулся пальцами хрусталя своего бокала.

И в эту секунду Элина сделала едва заметное, отточенное движение левой рукой.

Она полезла в свою крошечную бархатную сумочку, лежавшую на коленях, якобы за помадой или салфеткой. Ее правая рука с бокалом чуть качнулась, закрывая обзор официантам, а тонкие пальцы левой руки, вынырнув из-под края стола, молниеносно мазнули по краю бокала Стаса.

Камера высокого разрешения выхватила этот жест на макрозуме.

На тыльной стороне ее ладони блеснула микроскопическая силиконовая накладка с ампулой, срезанной под углом. Крошечная капля бесцветной, маслянистой жидкости соскользнула с ее пальца прямо в пенящееся шампанское Богданова.

Ни мути. Ни хлопьев. Ни шипения. Препарат растворился мгновенно, оставив на поверхности лишь легкую, едва заметную радужную пленку, неотличимую от винной слезы.

– Внимание всем постам! – скомандовал Максим, и его голос заледенел, сбросив всю ревность и превратившись в чистый свинец. – Зафиксирован вброс препарата в бокал объекта. Препарат в алкоголе. Повторяю: яд в бокале!

В наушниках было слышно, как Стас плавно поднял бокал за ножку.

Майор держал хрусталь на уровне груди. Его пальцы были расслаблены, взгляд васильковых глаз был устремлен прямо в лицо хищницы.

Максим вцепился в микрофон:

– Стас… Давай маркер. Слышишь меня? Давай маркер, твою мать!

Условный сигнал, утвержденный полковником Богдановым и согласованный с группой захвата, был предельно четким: *«Здесь подают отвратительный лед»*.

Как только эта фраза должна была прозвучать в эфире, спецназ у бара блокировал пути отхода, опергруппа на входе отсекала охрану клуба, а Максим с бойцами СОБРа врывался в зал для взятия с поличным.

Но Стас молчал.

Майор сидел неподвижно, глядя, как Элина приближает свой бокал к его хрусталю.

– Вы не пьете, Станислав? – промурлыкала она, склонив голову. В ее темных глазах на долю секунды мелькнуло напряжение — то самое напряжение опытной охотницы, которая проверяет, попал ли зверь лапой в капкан. – Или боитесь потерять контроль в компании незнакомой женщины?

Стас тихо, насмешливо хмыкнул.

– Я никогда не теряю контроль, Элина, – мягко ответил он.

И медленно, на глазах у замершего в ужасе Максима, поднес бокал к собственным губам.

– СТАС, НЕТ! – сорвался на крик Максим в фургоне, срывая с себя наушники одной рукой и выхватывая из кобуры табельный ПМ другой. – ОН БЕРЕТ БОКАЛ! ШТУРМ! ВСЕМ ПОСТАМ, ШТУРМ!

– Отставить штурм, лейтенант! – внезапно раздался в гарнитуре Максима тихий, абсолютно спокойный голос Стаса.

Богданов не произнес условную фразу. Он не подал сигнал тревоги. Он просто держал микрофон активным, и в его голосе, обращенном сейчас к сидевшей напротив женщине, прозвучала странная, леденящая интонация:

– Знаете, Элина… Шампанское — это напиток для тех, кто спешит. А я не люблю спешить.

Стас не прикоснулся губами к вину.

Вместо этого он плавным, неуловимо быстрым движением фокусника перехватил ее тонкое запястье свободной левой рукой. Хватка майора была не грубой, но железной — пальцы Богданова намертво замкнулись на пульсе женщины, прижав ее руку к поверхности стола.

Элина вздрогнула, попыталась улыбнуться, но улыбка сползла с ее лица, обнажив оскал загнанной крысы:

– Станислав… Что вы делаете? Мне больно…

– Тебе будет гораздо больнее, если этот раствор попадет тебе на слизистую, – произнес Стас, и его московский барский акцент мгновенно испарился. Заговорил старший оперуполномоченный по особо важным делам убойного отдела майор полиции Богданов.

Стас правой рукой наклонил свой бокал, выливая часть искрящегося шампанского прямо на белую льняную салфетку. Ткань мгновенно потемнела, и на ней проступило бледно-зеленое пятно — экспресс-реакция оксибутирата и клозапина с красителем салфетки.

– Оксибутират натрия с клофелином, – негромко, методично зачитал Стас, глядя в расширившиеся от ужаса зрачки женщины. – Статья тридцать, часть вторая статьи сто пятой УК РФ. Покушение на убийство двух и более лиц, совершенное группой лиц по предварительному сговору из корыстных побуждений.

Элина дернулась, попыталась закричать, но Стас лишь сильнее сжал ее запястье, нагнувшись к ее лицу так близко, что его кудри коснулись ее виска:

– Сидеть тихо, куколка. Один писк — и я впечатаю твое красивое личико в этот дубовый стол так, что ни один пластический хирург в Швейцарии не соберет. Улыбайся. На нас смотрят люди.

В этот момент двери зала с глухим треском распахнулись.

В клуб вихрем ворвалась группа захвата. Бойцы спецназа «Гром» в черном камуфляже и бронежилетах мгновенно отсекли охрану заведения, уложив двоих амбалов лицом в мраморный пол без единого выстрела. Двое оперов у бара блокировали диван с оставшимися двумя сообщницами, защелкнув на их тонких запястьях стальные браслеты еще до того, как те успели бросить бокалы.

Музыка оборвалась. В зале раздались испуганные женские визги, звон бьющейся посуды и властные, армейские команды:

– Полиция! Всем оставаться на своих местах! Руки на столы! Работает убойный отдел!

Первым через зал бежал Максим.

Лейтенант не шел — он летел, наплевав на ноющую боль в ушибленных ребрах, сжимая в правой руке пистолет, направленный стволом в пол. Его лицо было бледным, страшным, синие глаза пылали безумным огнем.

Он подлетел к столику в три гигантских шага, с грохотом отшвырнув ногой пустое кресло.

Стас всё еще сидел, спокойно удерживая побелевшую от страха Элину за руку. На губах майора играла та самая легкая, наглая полуулыбка.

– Живой? – хрипло, сорванным голосом выдохнул Максим, нависая над столом.

– Как видишь, купчинский, – усмехнулся Стас, поднимая свободную руку и демонстрируя целые пальцы. – Ни капли в рот. Стеклышко.

Максим даже не взглянул на замершую от ужаса клофелинщицу. Он грубо, резко перехватил запястье женщины из рук Стаса, заломил его ей за спину с сухим щелчком наручников и толкнул задержанную на подоспевших бойцов СОБРа:

– Забрать! В фургон ее! Личный досмотр с понятыми, изъять сумочку, накладки на пальцах, смывы с кожи! Шевелитесь!

Спецназовцы подхватили обмякшую от шока Элину под руки и стремительно поволокли к выходу.

В образовавшемся вокруг столика вакууме остались только они двое.

Стас медленно поднялся из кресла, поправил манжеты шелковой рубашки, стряхнул невидимую пылинку с кашемирового лацкана. Майор посмотрел на напарника сверху вниз — высокий, породистый, пахнущий дорогим парфюмом, с чертовщиной в васильковых глазах:

– Ну что, лейтенант Алёнушкин? Операция завершена успешно. Преступная группа нейтрализована с поличным, вещественные доказательства зафиксированы на видео, угрозы жизни…

Договорить Стас не успел.

Максим шагнул вперед, наплевав на столпившихся в отдалении испуганных посетителей ресторана, на оперов, на камеры наблюдения и на все кодексы чести офицера полиции.

Лейтенант с силой схватил Стаса за шелковый воротник рубашки обеими руками, скомкав дорогую ткань в кулаках, и с глухим стуком припечатал майора спиной к массивному деревянному простенку между панорамными окнами.

Стас не сопротивлялся. Он лишь шумно выдохнул, глядя в лицо напарника с легким удивлением и затаенным, пьянящим восторгом.

– Ты… – прошипел Максим прямо в губы Богданова. Дыхание лейтенанта было обжигающим, прерывистым, челюсти свело судорогой. – Ты почему маркер не дал?! А если бы она плеснула тебе в лицо?! Если бы у нее в сумочке был баллон с газом?! Ты понимаешь, что ты устроил, майор?!

– Макс… – тихо, примирительно начал Стас, но Максим встряхнул его за воротник с такой силой, что затрещали швы итальянского пиджака:

– Заткнись! Слышишь меня?! Заткнись! Я там, в этом гребаном фургоне, чуть с ума не сошел! Ты сидел с ней… улыбался ей… слушал этот ее блядский шепот! «Пара года», твою мать! «Как с обложки журнала»!

В синих глазах Максима блеснула такая невыносимая, дикая, обнаженная боль, смешанная с бешеной ревностью, что насмешливая улыбка мгновенно слетела с лица Стаса.

Майор замер. Его взгляд стал мягким, глубоким, полным щемящей нежности.

Стас медленно поднял свои длинные руки, накрыл сжатые в замок кулаки Максима на своей груди, осторожно поглаживая забинтованными пальцами его напряженные костяшки:

– Макс… Посмотри на меня.

– Смотрю! – яростно выдохнул Алёнушкин, но хватку не ослабил.

– Она для меня — просто протокол допроса, – тихо, в самые губы лейтенанта произнес Стас. Голос майора был густым, бархатным, без капли служебного пафоса. – Просто статья уголовного кодекса. Кусок грязи в шелковом платье. Я тянул время, потому что мне нужно было, чтобы она коснулась бокала. Без касания не было бы состава покушения, понимаешь? Экспертиза признала бы ампулу в сумочке обычной «незаконной перевозкой сильнодействующих», и через полгода ее адвокаты вытащили бы ее на условку. Мне нужно было поймать ее на действии.

Стас чуть подался вперед, коснувшись своим лбом разгоряченного лба Максима, заставив того закрыть глаза:

– Но когда она села за стол… Знаешь, о чем я думал, Дин?

– О чем? – сдавленно, через силу спросил Максим, чувствуя, как бешеный пульс начинает медленно опускаться.

– О том, что у нее чудовищно фальшивые духи, – прошептал Стас, и его теплое дыхание коснулось ресниц Алёнушкина. – От них пахнет химией и дешевым трюмо. А от тебя пахнет соснами, морозным ветром и домом. И еще я думал о том, что этот итальянский пиджак жмет мне в плечах. И что я отдам все «Ролексы» мира за то, чтобы прямо сейчас оказаться в Купчино. На твоем старом диване. Чтобы ты положил голову мне на грудь, а Мартин сопел у наших ног.

Максим судорожно, всхлипом втянул воздух.

Пальцы лейтенанта медленно, неохотно разжались, выпуская измятый шелковый воротник. Но руки он не убрал — ладони Максима легли на широкие плечи Стаса, ощущая под тонкой шерстью кашемира живое, сильное, горячее тепло.

– Дурак ты, Богданов, – выдохнул Максим, открывая глаза.

Третий в зеркале заднего вида

Конец декабря обрушился на Петербург колючей, сухой метелью, превратившей гранитные набережные и широкие проспекты в сплошную ледяную трубу.

Город лихорадочно, с какой-то нервной поспешностью готовился к праздникам. На фонарных столбах Московского проспекта раскачивались светящиеся неоновые снежинки, в витринах магазинов блестели пышные золотые гирлянды, а в воздухе, сквозь тяжелый чад выхлопных газов и реагентной пыли, тонко и знобяще пахло мандариновой коркой и сырой хвоей.

В кабинете убойного отдела этот предновогодний лоск умирал прямо на пороге. Здесь царил привычный казенный ритм: треск пишущей машинки в канцелярии, гул старых чугунных батарей, стопки папок с надписями «В архив» и неистребимый запах остывшего кофе, перемешанный с ароматом мази от ушибов.

Максим сидел за своим столом, методично подшивая суточные сводки.

Его ребра после комаровского подвала почти срослись, отзываясь лишь глухой, ноющей тяжестью перед переменой погоды, а рассеченный затылок зарос густым темным ежиком, надежно скрыв тонкий белесый шрам. На лейтенанте был плотный черный свитер грубой вязки, воротник которого закрывал шею. Алёнушкин выглядел спокойным, собранным и по-зимнему основательным.

Напротив, развалившись в скрипучем кресле, сидел Стас.

Майор Богданов читал представление на премию за ликвидацию банды клофелинщиц, лениво крутя между пальцами серебристую шариковую ручку. Его светло-русые кудри были влажными от растаявшего снега и в беспорядке падали на лоб. На Стасе была темно-синяя форменная рубашка без галстука, верхняя пуговица расстегнута, открывая ключицу, а в васильковых глазах плясали те самые дерзкие, насмешливые искры, которые Максим за последние недели научился читать без единой запинки.

Каждый раз, когда их взгляды случайно пересекались над стопками протоколов, воздух между столами на долю секунды становился плотным и горячим. Стас едва заметно приподнимал бровь, кривил уголок рта в лукавой, собственнической усмешке, а Максим лишь качал головой и прятал глаза в бумагах, чувствуя, как под свитером разливается уютная, пьянящая волна тепла.

Они выстроили свой хрупкий, тайный мир с безупречной осторожностью. В отделе — строгая субординация, железные доклады и жесткие окрики майора. Но вечерами, в купчинской двушке Максима, где у их ног шумно сопел подобранный метис Мартин, броня офицеров убойного отдела осыпалась на пол вместе с форменными кителями. Там Стас варил крепкий кофе с корицей, перебирал струны старой акустической гитары Максима и часами спорил о мистических детективах, обнимая напарника со спины так крепко, будто пытался закрыть его от всего промозглого города.

Казалось, этот декабрь наконец-то дал им передышку. Угол кабинета, где раньше стоял стол старшины Шапочкина, пустовал уже больше недели — после скандала и увольнения предателя место оставалось нетронутым, служа немым напоминанием о том, какую цену они заплатили за свое право быть рядом.

Идиллию разрушил тяжелый, гулкий стук в коридоре.

Скрипнула массивная дверь. В кабинет, не утруждая себя стуком, вошел полковник Богданов.

Владимир Александрович был в расстегнутом зимнем пальто с каракулевым воротником, из-под которого виднелся парадный китель с орденскими планками. Лицо начальника управ-

ления казалось торжественным и непривычно оживленным. Старый полковник не шел — он почти триумфально шествовал, опираясь на свою полированную трость.

– Смирно, орлы, – басовито, без обычной придирчивой хрипоты бросил полковник, останавливаясь посреди комнаты.

Стас и Максим синхронно поднялись из-за столов, вытянувшись по уставу.

– Вольно, майор. Садись, Алёнушкин, – Владимир Александрович махнул перчаткой и обернулся к распахнутой двери: – Заходи, заходи, не тушуйся. Здесь все свои.

В проеме показалась высокая, плечистая фигура.

Максим скользнул по вошедшему профессиональным взглядом оперативника, мгновенно считывая детали.

Мужчина был ровесником Стаса — около тридцати лет. Высокий, плотный, с широким разворотом борцовских плеч и легкой, пружинистой походкой хищника. Темно-каштановые волосы были коротко острижены по бокам и аккуратно уложены назад, правильное, мужественное лицо с прямым носом и волевым, чуть выдающимся подбородком украшала легкая, ухоженная щетина. Одет он был щеголевато для сыщика: темно-коричневая кожаная куртка-пилот с потертостями на локтях, черный джемпер с треугольным вырезом и начищенные до зеркального блеска армейские ботинки. На правом запястье темнел широкий кожаный браслет с заклепками.

Но главным были глаза — цепкие, серо-стальные, прищуренные с той открытой, обезоруживающей наглостью, которая свойственна людям, привыкшим к безусловному успеху у начальства и женщин.

Вошедший окинул кабинет быстрым взглядом, и его лицо озарила широкая, белозубая улыбка.

– Батюшки мои… – протянул незнакомец густым, сочным баритоном. – Богданов. Живой, целый и даже почти причесанный. А мне говорили, тебя в убойном окончательно моль побила вместе с уголовным кодексом.

Стас замер.

Ручка, которую майор всё еще держал в пальцах, с сухим стуком упала на полированную столешницу. Васильковые глаза Богданова распахнулись шире, в них на долю секунды мелькнуло ошеломление, которое тут же сменилось такой дикой, мальчишеской, безудержной вспышкой радости, какой Максим не видел у командира еще ни разу.

– Пашка?! – выдохнул Стас, и его голос сорвался на высокой ноте. – Власов?! Ты… ты откуда здесь взялся, черт тебя дери?!

– Принимай пополнение, майор, – усмехнулся полковник Богданов, и в его суровом взгляде промелькнула редкая, почти отеческая теплота. – Капитан Власов Павел Дмитриевич. Переведен из Центрального РУВД по моему личному рапорту. Вакансию Шапочкина надо закрывать проверенными кадрами, а не сопливыми выпускниками академии. Павла вы все знаете. Точнее, ты, Стас, знаешь его лучше родной матери.

Стас не стал слушать отца. Майор в два шага перемахнул через разделявшее их пространство, налетел на вошедшего и сгреб его в такие сокрушительные, медвежьи объятия, что затрещала кожаная куртка Власова.

– Ах ты сволочь! – хохотал Стас, со всей дури лупя Павла кулаком по спине. – Три года! Три года ни слуху ни духу! С тех пор как тебя на Литейный дернули! Я думал, ты там в своем главке зажирел, погоны подполковничьи полируешь и старых друзей забыл!

– Да пошел ты, кудрявый! – так же искренне, раскатисто засмеялся Павел, сжимая Стаса за плечи и с силой встряхивая его. – Забудешь тебя, как же. Твои подвиги на весь город гремят. Мне генерал лично про твой заезд на Крестовский рассказывал, про клофелинщиц. Говорит: «Богданов у нас теперь главный жиголо петербургской милиции». Я чуть со стула не рухнул со смеху!

Они стояли посреди кабинета, хлопая друг друга по плечам, перебивая, сыпля непонятными фамилиями, датами и армейскими ругательствами.

Стас буквально светился. С его лица мгновенно слетела вся та тяжелая, свинцовая тень, которую оставили последние месяцы: кровь на заброшенном мясокомбинате, переломанные ребра, ледяной ужас комаровского подвала, страшные воспоминания об отцовском ремне. Богданов словно помолодел на десять лет. Он сыпал шутками, дергал Власова за куртку, сверкал своими синими глазами и выглядел абсолютно, безоговорочно счастливым.

Максим медленно опустился обратно на стул.

Лейтенант сидел абсолютно неподвижно, сложив руки на коленях. Внутри, прямо под солнечным сплетением, кольнуло крошечной, тонкой, как ледяная игла, занозой.

– Ладно, соловьи-разбойники, кончай базар, – с наигранной строгостью прервал их полковник, хотя по его лицу было видно, что воссоединением он более чем доволен. – Власов поступает в твое распоряжение, Станислав. Стол свободен. Документы в кадрах оформлены. Введите человека в курс текущих дел по району. До конца года нужно подчистить все хвосты. Работать.

Владимир Александрович кивнул сыну, окинул нейтральным взглядом застывшего Максима и вышел из кабинета, мерно постукивая тростью.

Дверь закрылась, но воздух в комнате остался вибрировать от чужой, мощной энергии.

Павел сбросил куртку, швырнув ее прямо на пустующий стол Шапочкина. Под курткой обнаружилась крепкая, рельефная фигура с завидным разворотом грудной клетки. Власов потянулся, покрутил шеей, отчего хрустнули позвонки, и наконец перевел свой стальной, внимательный взгляд на Максима:

– А ты, стало быть, Алёнушкин? Тот самый купчинский кадр, из-за которого в управлении столько шума было?

Максим поднялся, расправив широкие плечи. Его лицо было спокойным, почти непроницаемым, но взгляд синих глаз встретил чужой напор без малейшей слабины:

– Лейтенант Алёнушкин. Добро пожаловать в отдел, товарищ капитан.

– Да брось ты эти уставные церемонии, лейтенант, – белозубо осклабился Павел, делая шаг вперед и протягивая широкую, жесткую ладонь. – Я про тебя наслышан. И про плечо простреленное, и про Комарово. Дерзкий ты парень. В моем вкусе. Слушай, а фамилия у тебя реально сказочная. Алёнушкин… Сестрицы с козленочком рядом не хватает, а?

Власов коротко хохотнул, явно не вкладывая в шутку злого умысла — это была типичная казарменная подколка старослужащего оперативника, проверяющего новичка на прочность.

Но Стас, вместо того чтобы одернуть друга, как он делал это всегда, когда кто-то в отделе пытался задеть Максима, вдруг поддержал шутку:

– Ты бы видел, Паш, как эта «сестрица» на нарах авторитетов ломает! У него хватка бультерьера. Мы с ним на первом же задержании ювелирку брали — так он грабителя в одиночку через бедро бросил, я даже пистолет достать не успел!

Максим пожал протянутую руку Павла. Ладонь у капитана была сухой, горячей и сильной.

– Рад знакомству, – ровно произнес Максим, проигнорировав выпад про фамилию.

– Взаимно, малец, – подмигнул Власов, отпуская его руку и тут же поворачиваясь обратно к Стасу. – Слышь, кудрявый, а наш старый «Днепр» в твоем гараже на Варшавской еще не сгнил? Помнишь, как мы на нем в третьем году за девками на Елагин остров рванули, а у него люлька на вираже отвалилась?!

– Да ты что! – захохотал Стас, всплеснув руками. – Он до сих пор там стоит! Я карбюраторы новые купил, всё руки не доходили перебрать!

– Завтра же займемся! – рубанул воздух ладонью Павел, падая на стул Шапочкина и закидывая ноги на край стола. – У меня ящик отличного чешского пива в багажнике и три дня законных отгулов перед дежурством!

Максим медленно сел на свое место.

Он взял ручку, раскрыл папку с материалами проверки и опустил глаза. Чернила на бумаге расплывались. В кабинете звучали два громких, перебивающих друг друга голоса, звенел смех Стаса — чистый, заливистый, мальчишеский, — а Максим чувствовал себя так, словно его внезапно выставили за стеклянную витрину, откуда он мог лишь молча наблюдать за чужим, недосягаемым праздником.

***

Следующие три дня превратились для Максима в странную, тягучую пытку тишиной.

Павел Власов ворвался в жизнь отдела как степной ураган. Он был везде: заполнял собой пространство кабинета, громко травил байки в дежурке, мгновенно очаровал секретарш в канцелярии и восстановил старые связи со всеми экспертами-криминалистами района.

Но главное — он полностью, без остатка поглотил Стаса.

Выяснилось, что они учились в Академии МВД на одном курсе, жили в одной комнате в казарме, вместе проходили первую практику в патрульно-постовой службе на Сенной и делили пополам всё: от казенных пайков и сигарет до первой крови в бандитских драках девяностых. Павел знал о Стасе то, чего Максим не мог знать по определению: как майор Богданов провалил первый зачет по криминалистике из-за свидания с рыжей курсанткой, как они угоняли списанный милицейский «бобик», чтобы успеть на рок-концерт на «Петровском», как отец Стаса однажды запер их обоих на гауптвахте за драку с мажорами.

– Помнишь Саньку Коршунова с параллельного? – доносился до Максима громкий голос Павла за обедом.

Они сидели втроем в старой пельменной на углу Бассейной — заведении, куда Стас и Павел, как оказалось, бегали еще курсантами.

Максим ковырял вилкой остывшие пельмени, глядя в мутное оконное стекло, по которому ползли капли растаявшего снега. Напротив него сидели Богданов и Власов.

Стас ел с аппетитом, жестикулировал, на его щеках горел лихорадочный румянец.

– Коршуна?! – переспросил Стас, отхлебывая горячий чай из граненого стакана. – Еще бы не помнить! Он же потом в наркоконтроль ушел, в Москве сейчас где-то сидит, звезду полковничью обмывает!

– Да какой там обмывает! – хлопнул ладонью по клеенке стола Павел. – Сгорел твой Коршун на взятке в прошлом году! Еле замяли через контору! Слушай, а помнишь ту шашлычную на Московских воротах? Где мы с тобой чеченцев раскидали из-за того, что они официантку за задницу ущипнули? Тебе тогда еще нос сломали, а ты орал: «Я майорский сын, мне челюсть не по уставу править!»

Стас запрокинул голову и расхохотался — так открыто и громко, что обернулась буфетчица за стойкой.

– Было дело! – вытер слезу с ресниц Богданов. – Батя мне потом неделю дома спуску не давал, заставил весь устав наизусть учить от корки до корки!

Максим молчал. Он сделал глоток остывшего компота из сухофруктов, чувствуя на зубах скрип сахара.

Он попытался представить Стаса — того самого взрослого, изломанного, опасного майора Богданова, который неделю назад в шелковой рубашке брал клофелинщицу за запястье, — пьяным курсантом с разбитым носом в дешевой шашлычной. Картинка не складывалась. В мире, о котором говорил Павел, не было места страху, не было боли, не было тайных поцелуев в запертых кабинетах и леденящего ужаса перед разоблачением. Там была простая, понятная, правильная пацанская юность, освященная отцовскими погонами и всеобщим одобрением.

Стас вдруг перевел взгляд на Максима, словно только сейчас заметив его присутствие за столом:

– Макс, ты чего не ешь? Пельмени отличные, домашние. Мы сюда с Пашкой после каждого наряда бегали, тут тесто руками лепят.

– Аппетита нет, – негромко ответил Максим, отодвигая тарелку. – На улице потеплело, голова гудит.

Павел добродушно усмехнулся, хлопнув Алёнушкина по здоровому плечу:

– Молодой еще, лейтенант! Организм после ранения восстанавливается, вот давление и скачет. Ты мяса больше жри, понял? На сухом пайке в убойном долго не протянешь. Мы со Стасом на третьем курсе по две порции за раз уминали — и хоть бы хны, как лоси по тайге носились!

– Я учту, товарищ капитан, – сухо, без тени улыбки отозвался Максим.

Стас нахмурился, в его васильковых глазах на секунду мелькнуло легкое недоумение — он уловил холод в тоне напарника, но Павел уже снова перехватил инициативу:

– Стас, слушай, а что с выездом на полигон в субботу? Мне комендант шепнул, что нам новую партию «Ярыгиных» завезли на пристрелку. Поедем? Заодно руки разомнем, проверим, не разучился ли ты с левой в яблочко класть!

– В субботу? – Стас замялся, его взгляд снова метнулся к Максиму.

В эту субботу они должны были ехать в Купчино. Еще в прошлый вторник, лежа на старом диване, Стас обещал, что они наконец-то выберутся на пустырь за Бухарестской, чтобы вдвоем погонять Мартина по глубокому снегу, а потом Богданов приготовит ту самую тушеную говядину в темном стауте, о которой говорил еще в больнице.

Максим ждал этой субботы всю неделю. Как глотка воздуха.

Стас посмотрел на него, виновато прикусил губу:

– Паш, у меня вообще-то планы были…

– Да брось ты, Богданов! – заголосил Власов, отмахиваясь. – Какие планы в субботу перед Новым годом?! Постреляем до обеда, потом ко мне на дачу в Зеленогорск махнем, баньку истопим, снежком оботремся! Сто лет в бане вместе не парились! Ты когда в последний раз березовым веником по хребту получал, а, майор?

Стас замялся. В его глазах вспыхнул тот самый азартный, мальчишеский блеск, перед которым он никогда не мог устоять. Майор перевел взгляд на Максима, в его интонации прорезалась просящая, мягкая нотка:

– Макс… Ты же не против, если мы мясо на воскресенье перенесем? А в субботу я с Пашкой на полигон смотаюсь? Реально сто лет «Грачей» в руках не держал, надо руку набить перед годовыми стрельбами.

Максим посмотрел ему прямо в глаза.

В этих васильковых, ясных глазах не было предательства. Не было злого умысла. Была лишь искренняя, наивная слепота человека, который купался в лучах внезапно вернувшейся молодости и просто не замечал, что закрывает собой солнце для того, кто остался в тени.

– Конечно, товарищ майор, – ровно, с идеальной служебной интонацией ответил Максим. – Стрельбы — это святое. Личному составу необходимо поддерживать квалификацию.

Стас с облегчением выдохнул, пропустив мимо ушей казенное «товарищ майор»:

– Вот и отлично! Договорились!

Максим поднялся из-за стола, накинул на плечи куртку:

– Я в отдел пойду. Надо экспертизы по краже на Типанова забрать, пока криминалисты на обед не ушли.

– Да подожди, мы вместе… – дернулся было Стас.

– Доедайте, – отрезал Максим. – Я быстро.

Он развернулся и вышел из пельменной, толкнув тяжелую стеклянную дверь.

Морозный невский воздух ударил в лицо ледяной пощечиной. Максим глубоко, с хрипом вдохнул, чувствуя, как внутри всё сжимается в тугой, ледяной ком.

Он не злился на Павла. Власов был отличным мужиком — открытым, смелым, надежным ментом той самой породы, которую так ценил полковник Богданов. Нельзя было ненавидеть человека за то, что у него со Стасом было общее прошлое.

Но от этого было только больнее.

Максим шел по заснеженному тротуару Московского проспекта, засунув руки глубоко в карманы куртки. Вокруг суетились люди с елками, сверкали праздничные огни, а Алёнушкин отчетливо, до тошноты ясно понимал: рядом с Павлом Стас был нормальным.

Полноценным. Признанным. Сыном своего отца, офицером с блестящим будущим, парнем с понятной биографией и правильными друзьями.

А рядом с ним, с купчинским избитым волчонком Максимом, Стас всегда был на краю пропасти. Под угрозой позора, трибунала, отцовского проклятия и волчьего билета.

И эта мысль жгла Максима изнутри страшнее любого клофелина.

***

В пятницу вечером кабинет опустел рано.

Предпраздничная суета вымела из управления почти всех: опера разбежались закрывать последние рапорты, начальство уехало на расширенное совещание в Главк.

В комнате остались только двое.

Максим сидел за своим столом, при свете настольной лампы дописывая последний отказной материал по ноябрьской драке у метро «Парк Победы». Часы на стене показывали половину девятого.

Стас стоял у окна, прислонившись плечом к раме. Майор уже переоделся в гражданское: темно-серый шерстяной свитер, джинсы, на вешалке висела его тяжелая зимняя куртка. Богданов задумчиво вертел в руках телефон, периодически бросая быстрые, беспокойные взгляды на затылок напарника.

Он чувствовал.

Стас был слишком умным, слишком чутким сыщиком, чтобы не заметить ту глухую, невидимую стену, которая медленно вырастала между ними последние несколько дней. Максим не устраивал сцен, не дерзил, безупречно выполнял все приказы. Но из его голоса исчезла та теплая, хриповатая мягкость, а в глазах поселился холодный, отстраненный покой человека, который заранее приготовился к удару.

Стас подошел к столу Максима. Бесшумно, на носках, как умел только он.

Оперся ладонями о край полированной столешницы, заглядывая в бумаги:

– Ты еще долго будешь эту муть перекладывать, лейтенант?

Максим не вздрогнул. Он аккуратно поставил точку, закрыл папку и положил ручку:

– Всё, товарищ майор. Закончил. Статистика сходится, висяков нет.

Стас поморщился, словно от зубной боли:

– Перестань.

– Что перестать?

– Разговаривать со мной так, будто мы на плацу перед генералом, – тихо, с легким нажимом произнес Стас. Майор обошел стол, придвинул свободный стул и сел вплотную к Максиму. Его длинные пальцы потянулись вперед, накрыв ладонь лейтенанта. – Что происходит, Макс? Ты сам не свой с самого понедельника. Смотришь сквозь меня, ночевать к себе уходишь, хотя мы договаривались, что ты останешься у меня на Варшавской…

Максим не отдернул руку, но его пальцы под ладонью Стаса остались неподвижными. Холодными.

– Ничего не происходит, Стас, – спокойно ответил Алёнушкин, поднимая прямой, ясный взгляд. – Всё нормально. Конец года, усталость накопилась. Раны еще тянут.

– Не ври мне, – Богданов подался вперед, его васильковые глаза потемнели, в них заплескалась тревога. – Я же вижу. Ты замкнулся. Это из-за Пашки, да? Из-за того, что мы субботу перенесли?

Максим тихо, невесело усмехнулся:

– Да при чем тут суббота, Стас? Ты взрослый мужик. Имеешь право проводить свои выходные так, как считаешь нужным. С друзьями, на полигоне, в бане. Ты мне ничем не обязан.

Слова прозвучали спокойно, без истерики и упрека, но для Стаса они были хуже пощечины.

Майор дернулся, сжал ладонь Максима сильнее, до побелевших костяшек:

– «Ничем не обязан»?! Ты это сейчас серьезно говоришь?! После всего, что было?! После Комарово?! После того, как мы…

– Тише, – негромко, но властно оборвал его Максим, выразительно скосив глаза на приоткрытую дверь в коридор. – Не ори. Стены тонкие.

Стас шумно, прерывисто выдохнул, заставив себя понизить голос до шепота:

– Макс… Послушай меня. Пашка — мой старый друг. Понимаешь? Мы с ним через такое дерьмо прошли в академии, что тебе и не снилось. Он три года на Литейном сидел, мы не виделись почти. Мне просто… мне приятно вспомнить, каково это — быть нормальным пацаном. Без этих бесконечных трупов, без маньяков, без мысли о том, что тебя в любой момент могут расстрелять или посадить. Но это просто дружба, понимаешь ты своей купчинской головой?! Просто прошлое!

Максим долго смотрел на него.

В полумраке кабинета черты лица лейтенанта казались высеченными из серого камня. Ни злости. Ни обиды. Только бездонная, горькая мудрость человека, которого жизнь научила не питать иллюзий.

– Я понимаю, Стас, – тихо произнес Максим. – Прекрасно понимаю. И Паша отличный мужик. Без гнили, без двойного дна. Настоящий.

– Тогда в чем дело?! – почти взмолился Богданов, заглядывая ему в лицо.

Максим медленно, осторожно вытащил свою руку из-под ладони майора. Поднялся из-за стола, подошел к вешалке и снял свою черную куртку:

– Дело в том, Стас, что с ним ты улыбаешься по-настоящему.

Богданов замер, не понимая:

– Что?

Максим застегнул молнию на куртке, поправил воротник. Повернулся к Стасу:

– Я всю эту неделю смотрел на вас двоих. В кабинете, в пельменной, в тире. Ты рядом с ним… дышишь свободно, командир. Ты громко смеешься. Ты не оглядываешься на двери. Ты не думаешь о том, что кто-то зайдет и увидит лишний жест. Твой отец смотрит на вас двоих и гордится. Генерал на вас смотрит и видит будущих полковников. Ты с ним — дома. В своем правильном, чистом, офицерском мире.

Голос Максима дрогнул, но он мгновенно взял себя в руки, сжав зубы:

– А со мной… Со мной ты всегда в окопе, Стас. Со мной ты прячешься по углам. Боишься телефонных звонков. Выгораживаешь меня перед отцом, рискуешь погонами, репутацией, карьерой. Каждый день ждешь, когда нас сожрут с потрохами. Я для тебя — не жизнь, Стас. Я для тебя — еще одна бесконечная война.

– Заткнись… – прошептал Стас, и его лицо побелело, словно из него разом выкачали всю кровь. Майор поднялся со стула, шагнул к нему, протягивая руку: – Заткнись, Макс, что за бред ты несешь…

– Это не бред, Лось, – Максим слабо, одними уголками губ улыбнулся — той самой улыбкой, от которой у Стаса защемило сердце. Лейтенант сделал шаг назад, к двери, уклоняясь

от прикосновения. – Это правда. И я не хочу быть твоей войной. Езжай завтра на полигон. Попарься в бане. Выпей пива со старым другом. Тебе это нужно. Правда нужно.

Максим взялся за ручку двери:

– А в воскресенье… В воскресенье увидимся. На дежурстве.

– Макс, стой! – крикнул Стас, рванувшись вперед.

Но дверь уже захлопнулась. В коридоре раздались быстрые, удаляющиеся шаги лейтенанта Алёнушкина, стихающие на лестничном пролете.

Стас остался стоять посреди пустого, полутемного кабинета.

За окном кружила слепая предновогодняя метель, бросая в стекло горсти колючего снега. На столе тихо тикали казенные часы, отсчитывая последние секунды уходящего года.

Богданов посмотрел на пустой стол Шапочкина, где небрежно валялся журнал «За рулем», оставленный Павлом, затем перевел взгляд на идеально убранный, чистый стол Максима, где сиротливо белела стопка аккуратно подшитых протоколов.

Внутри майора убойного отдела впервые за долгое время разверзлась ледяная, страшная, неизбывная пустота.

***

Субботнее утро на загородном полигоне в Сертолово встретило их ясным, трескучим морозом под двадцать градусов и ослепительным, режущим глаза солнцем.

Снег на огневом рубеже искрился ал

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.